

МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА БЕЛОРУССКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО АНТОНА ПАВЛОВИЧА ЧЕХОВА

Учебно-методическое пособие

Минск БГМУ 2009

УДК 811.161.1(075.8)
ББК 81.2 Рус-923
А 72

Рекомендовано Научно-методическим советом университета
в качестве учебно-методического пособия 30.05.2007 г., протокол № 9

Составители: Н. Е. Кожухова, А. В. Санникова

Рецензенты: зав. каф. белорусского и русского языков Белорусского государственного экономического университета доц. И. Э. Федотова; ст. преп. каф. белорусского и русского языков Белорусского государственного медицинского университета В. А. Минецкая

Жизнь и творчество Антона Павловича Чехова : учеб.-метод. пособие / сост. :
А 72 Н. Е. Кожухова, А. В. Санникова. – Минск : БГМУ, 2009. – 135 с.

ISBN 978-985-462-743-4.

Учебно-методическое пособие состоит из двух частей. Первая часть содержит тексты биографического характера. Во второй части в хронологическом порядке располагаются произведения, показывающие становление мастерства Чехова-писателя. Тексты адаптированы за счет сокращения, лексика отражена в лексико-семантической комментарии и предтекстовых заданиях. После-текстовые задания направлены на контроль понимания изученных текстов и грамматического материала, представленного в них.

Предназначено для иностранных студентов-медиков, изучающих русский язык на продвинутом этапе обучения (III курс). Книга построена на материале публицистических и художественных текстов, тематически связанных с будущей специальностью.

УДК 811.161.1(075.8)
ББК 81.2 Рус-923

ISBN 978-985-462-743-4

© Оформление. Белорусский государственный
медицинский университет, 2009

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

(1860–1904)

На рубеже XIX–XX веков в России выступил писатель, который не только блестяще продолжил славные традиции родной реалистической литературы, но и внёс много нового в разработку жанров рассказа и драмы. Этим писателем-новатором был А. П. Чехов — мастер короткого рассказа. В основе его творчества — человечность, и поэтому оно понятно не только всякому русскому, но и всякому человеку вообще. Своими произведениями Чехов подготавливал мир к лучшей жизни, более справедливой, более разумной.

В своём творчестве Чехов как врач использовал медицину и смежные с ней науки. Многие его произведения проникнуты состраданием к больному, глубоким знанием его психологии и посвящены важному вопросу медицины — деонтологии. В этой книге вы познакомитесь с его рассказами «Глупый француз», «Толстый и тонкий», «Хирургия», «Анюта», «Враги», «Попрыгунья», «Ионыч», повестью «Цветы запоздалые», пьесой «Дядя Ваня» и другими.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ

(биографическая справка)

1868–1879 гг. — родился и жил в г. Таганроге, в семье купца третьей гильдии.

1879 г. — переезд в Москву и поступление в Московский университет, на медицинский факультет.

1879 (конец) – 1880 (начало) гг. — пишет драму «Безотцовщина» (поставлена после смерти автора).

1880-е гг. — сотрудничество в петербургских юмористических журналах: «Стрекоза», «Будильник», в «Петербургской газете», а также в журналах «Зритель» и «Москва».

1882–1887 гг. — участие в петербургском журнале «Осколки» (издатель Н. А. Лейкин). Здесь помещены рассказы: «Смерть чиновника», «Толстый и тонкий», «Хирургия», «Хамелеон», «Анюта», «Жалобная книга» и др.

1884 г. — окончание учёбы в университете, получение звания уездного врача. Служба в Звенигороде (под Москвой).

1884 г. — выход сборника рассказов «Сказки Мельпомены».

1886 г. — выход сборника «Пёстрые рассказы».

1886–1889 (февраль) гг. — сотрудничество в петербургской газете «Новое время», издававшейся А. С. Сувориным. Здесь напечатаны «Ведьма», «Хорошие люди», «На пути», «Каштанка», «Гусев», «Княгиня», «Бабы», «Дуэль» и др.

1887 г. — сборники рассказов «В сумерках» (отмечен Пушкинской премией), «Невинные речи».

1888 г. — сборник «Рассказы».

1888–1892 г. — начало сотрудничества в петербургском журнале либерально-народнического направления «Северный вестник», где напечатаны «Скучная история», «Степь», «Огни», «Жена» и пьеса «Иванов».

1890 г. — сборник рассказов «Хмурые люди».

1890 г. — поездка Чехова на остров Сахалин для изучения быта каторжан и ссыльных переселенцев.

1892 г. — покупка имения Мелихово в Серпуховском уезде Московской губернии. Здесь написаны рассказы «Чёрный монах», «Мужики», «Ионыч», «Человек в футляре», пьеса «Чайка».

1892–1894 г. — участие в московском журнале либерального направления «Русская мысль». Здесь печатаются «Палата № 6», «Рассказ неизвестного человека», «Бабье царство», первоначально по главам «Остров Сахалин».

1895 г. — отдельным изданием выходит в свет «Остров Сахалин».

1896–1903 гг. — расцвет мастерства Чехова-драматурга: создание пьес «Дядя Ваня» (опубл. в 1897 г.), «Три сестры» (опубл. в 1901 г.), «Вишнёвый сад» (1903).

1897 г. — первое обильное лёгочное кровотечение у Чехова — признак туберкулёза, пребывание в больнице А. А. Остроумова. Здесь больного посещает Л. Н. Толстой.

1898 г. — триумфальная постановка «Чайки» в Московском художественном театре, установление тесных связей Чехова с МХАТом. Все последующие пьесы пишутся для этого театра и ставятся на его сцене.

1898–1904 гг. — Чехов в основном живёт в Ялте, в Крыму, в собственном доме. Здесь встречается с Л. Н. Толстым, М. Горьким, И. А. Буниным, А. И. Куприным. В «Русской мысли» печатаются «Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви», «Случай из практики», «Дама с собачкой» и др.

1899–1902 гг. — выход первого 10-томного собрания сочинений

Чехова.

1901 г. — женитьба на артистке МХАТа О. Л. Книппер.

1902 г. — отказ Чехова вместе с Короленко от почётного звания академика в знак протеста против отмены царём Николаем II избрания М. Горького почётным академиком.

1903 г. (конец ноября) — в петербургском «Журнале для всех» издаётся последний рассказ писателя «Невеста».

1904 г. (июнь) — поездка в Германию на курорт Баденвейлер с целью лечения.

1904 г. (июль) — умер в курортной гостинице Баденвейлера. Погребён в Москве, на кладбище Новодевичьего монастыря.

Задание 1. Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова, запомните их.

Реалистическая литература, писатель-новатор, мелкий торговец, ремесленный класс, уездное училище, рукописный журнал; юмористические журналы, пьесы; место каторги и ссылки, общественная деятельность, свирепствовал голод; высмеять трусость, невежество; благо народа, острые интриги.

Задание 2. Прочитайте лексико-семантический комментарий к тексту.

Портняжный — относящийся к ремеслу портного (портняжное дело).

Любительский — свойственный любителю, не профессионалу (любительские спектакли).

Перепись — массовый учёт кого/чего-нибудь (перепись населения).

Задание 3. Объясните значение фразеологизма.

Спрятаться в свою нору.

БИОГРАФИЯ

Антон Павлович Чехов родился 17 (29) января 1860 г. в Таганроге, в семье мелкого торговца. У Антоши было четверо братьев и сестра; жили в постоянной нужде. Отец Чехова, Павел Егорович, был суровым и религиозным человеком. Он заставлял детей петь в церковном хоре, за детские шалости строго наказывал. В 1868 г. Антон Чехов поступил в таганрогскую гимназию. В 1873 г., будучи гимна-

зистом, одновременно обучался в ремесленном классе Таганрогского уездного училища портняжному делу. В 1876 г. Павел Егорович, разорившись, переехал с семьёй в Москву, где учились старшие сыновья. Шестнадцатилетний Антон остался в Таганроге один, зарабатывая на жизнь частными уроками и помогая родителям. Уже в эти годы проявился его писательский талант: Чехов участвовал в рукописном гимназическом журнале, любил играть в любительских спектаклях, сочинял юмористические пьесы. Окончив гимназию, Чехов в 1879 г. переехал в Москву и поступил на медицинский факультет Московского университета. После окончания университета в 1894 г. работал над диссертацией «Врачебное дело в России». В студенческие годы Чехов много печатался в юмористических журналах под псевдонимами: Антоша Чехонте, Человек без селезёнки, Врач без пациента и т. д. Первый сборник его рассказов назывался «Сказки Мельпомены», в 1886 г. вышел второй сборник — «Пёстрые рассказы», в 1887 г. — третий сборник «В сумерках», за который он получил Пушкинскую премию.

В 1890 г., уже будучи знаменитым писателем, Антон Павлович совершил тяжёлое и длительное путешествие на остров Сахалин — место каторги и ссылки в царской России. Это было тем более трудно, что писатель в это время уже был болен туберкулёзом. Именно в этой поездке и во время пребывания на Сахалине Чехов особенно остро почувствовал тягости самодержавного строя, бездушные царских чиновников, невыносимость, тюремную духоту тогдашней русской жизни. Свою поездку он описал в книге «Остров Сахалин», вышедшей в 1895 г.

В 1892 г. Чехов поселился под Москвой в деревне Мелихово. В усадьбе, где жил писатель, сейчас находится музей Чехова. В связи с переездом в деревню Чехов писал: «Если я врач, то мне нужны больные и больница, если я литератор, то мне нужно жить среди народа».

В 90-е гг. Чехов активно занимался общественной деятельностью. В 1892 г., когда от неурожая в России свирепствовал голод, Чехов выезжал в голодающие губернии для оказания помощи по сбору средств, организации столовых. В 1892–1893 гг. работал участковым врачом во время эпидемии холеры. В 1897 г. участвовал во всеобщей переписи населения. Чехов построил на свои средства несколько школ для крестьянских детей в сёлах Московской губернии, создал в Таганроге городскую библиотеку и до конца жизни снабжал её книгами.

Деятельное участие в общественной жизни, общение с народом

постоянно давали писателю неисчерпаемый материал для его произведений. Он хорошо знал жизнь самых различных слоёв и города, и деревни: интеллигенции (врачей, учителей, студентов, чиновников), крестьянства, буржуазии (купцов, помещиков, фабрикантов). Жизнь эта была безрадостна, и поэтому в рассказах и пьесах Чехова юмор часто сочетается с грустью. Эпоха, в которой жил и писал Чехов, была очень мрачной. И Чехов, высмеивая трусость, равнодушие, мещанские интересы, стремление спрятаться в свою нору, призывал русское общество к активной деятельности, к труду на благо народа (рассказы «Смерть чиновника», «Толстый и тонкий», «Хирургия», «Палата № 6», «Ионыч», «Попрыгунья»).

Однако в рассказах и пьесах Чехова живут, конечно, не только пошляки и обыватели. Лучшие его герои мечтают о красивой жизни, о счастье и творческом труде. Таковы пьесы «Три сестры», «Вишнёвый сад», рассказ «Невеста».

В 1899 г. Чехов переселился для лечения туберкулёза в Ялту. В это время пьесы Чехова («Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры») с огромным успехом шли в Московском академическом художественном театре. Несмотря на отсутствие в чеховских пьесах ярких событий и острой интриги, они увлекают тонкостью изображения настроений, чувств, мыслей людей. МХАТ сумел передать на сцене особую лирическую поэтичность драматургии Чехова.

Летом 1904 г. здоровье писателя ухудшилось, и он выехал для лечения в Германию. Там, на немецком курорте Баденвейлер, 2 (15) июля 1904 г. Антон Павлович Чехов умер. 9 июня на Новодевичьем кладбище состоялись его похороны.

Прошло более полувека со дня смерти Чехова, а его произведения продолжают доставлять читателям художественное наслаждение; они вызывают смех и грусть, заставляют думать и чувствовать глубоко и правдиво, они учат, воспитывают. По многим рассказам Чехова созданы кинофильмы: «Злоумышленники», «Человек в футляре», «Анна на шее», «Медведь», «Маска», «Свадьба», «Попрыгунья», «Невеста», «Дама с собачкой» и другие. Его пьесы не сходят со сцены театров многих стран мира, его книги издаются почти на всех языках мира.

Вопросы к тексту

1. Когда родился Чехов и в какой семье?
2. Где учился Чехов?
3. В каком университете учился Чехов?

4. Когда проявился впервые талант Чехова как писателя?
5. Почему Чехов отправился в путешествие на остров Сахалин и какую книгу он посвятил этому путешествию?
6. Когда Чехов переехал в деревню Мелихово?
7. Какой общественной деятельностью занимался Чехов?
8. Что вы можете рассказать о литературной деятельности Чехова?
9. Что послужило причиной переезда Чехова в Ялту?
10. Каковы причины отъезда Чехова в Германию?
11. Где и когда умер Чехов?

Болезнь и последние дни жизни А. П. Чехова

Существуют истории болезни А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, Бальзака. Написана и история болезни А. П. Чехова.

Это молчаливое превозмогание недуга длилось не месяц и не год. Антон Павлович отнёс начало своей болезни к 1885 году. Он писал: «Я два раза в год замечал у себя кровь...»

До сих пор дискутируется вопрос, был ли А. П. Чехову вполне ясен диагноз его болезни? Трудно даже представить, что такой грамотный врач, как А. П. Чехов, не знал ярко выраженных симптомов кавернозного туберкулёза лёгких, которые сам же у себя находил: «Каждую зиму, осень и весну, и каждый летний день я кашляю. Но всё это пугает меня только тогда, когда я вижу кровь: в крови, текущей изо рта, есть что-то зловещее, как в зареве...»

Отношение А. П. Чехова к своей смертельной болезни характеризует его как человека мужественного, с поразительным самообладанием. «Я болен. Кровохарканье и слаб... Надо бы на юг ехать, да денег нет». Не потому ли на юг, что там лечат чахотку?

«Он был врач, — писал А. М. Горький, — а болезнь врача всегда тяжелее болезни его пациентов; пациенты только чувствуют, а врач и знает кое-что о том, как разрушается организм. Это один из тех случаев, когда знание можно считать приближающим смерть...»

Доктор Чехов, безусловно, понимал, что длительное лечение потребует коренной перемены образа жизни, и в то же время скептически относился к возможности полного выздоровления.

«...Лечение и заботы о своём физическом существовании внушают мне что-то близкое к отвращению. Лечиться я не буду», — категорически заявлял он. А поэтому весьма логично: «Выслушивать

себя не позволю».

Он 13 лет избегал врачебного осмотра, чтобы не услышать подтверждение диагноза, выставленного им самим. Чехов не любил говорить о своей болезни, а от некоторых из близких родственников её просто скрывал.

22 марта 1897 года у Чехова началось обильное кровотечение. Это был первый осмотр врачей, после чего его госпитализировали.

С позиций сегодняшнего дня мы можем сказать, что методы борьбы с лёгочным кровотечением, которые применялись к А. П. Чехову, были абсолютно неэффективны. Нельзя же всерьёз думать, что кусочки льда, которые он периодически глотал, или пузырь со льдом, уложенный на грудь, были способны вызвать охлаждение лёгких, спазм лёгочных сосудов и тем самым остановить кровотечение. Основную роль в благоприятном исходе осложнения сыграли постельный режим, покой и резервные силы организма.

По господствовавшим в дорентгенологическую эру представлениям, развитие туберкулёза в лёгких начиналось с верхушки и затем распространялось на нижние отделы органа. Ограниченное поражение верхушки считалось начальной стадией процесса, тогда как наличие каверны относилось к третьей (запущенной) стадии.

По-видимому, чтобы Антон Павлович не думал, что болезнь зашла слишком далеко, врачи выдвинули версию «верхушечного процесса», о чём А. П. Чехов и сообщает А. С. Суворину: «Доктора определили верхушечный процесс в лёгких и предписали мне изменить образ жизни, — и далее рисует идиллическую картину: — ...Бросаю все уездные должности, покупаю халат, буду греться на солнце и много есть...»

Покой, тепло и полноценное питание, действительно, были необходимы для его здоровья (по данным медицинских документов, он был настолько истощён, что дефицит веса составлял почти 25 килограммов). Но в устах А. П. Чехова, постоянно пренебрегавшего своим здоровьем, подобное обещание звучало иронически. Даже здесь, в больнице, истекая кровью, он не переставал заботиться о постройке школы и обстановке квартиры учителя Н. И. Забавина.

Через 8 месяцев Антон Павлович решил проверить свой вес. Весил он 72 килограмма — ровно на 10 килограммов больше, чем в марте. Но эти килограммы, надо полагать, он «набрал» за счёт того, что «вешался в осеннем пальто, в шляпе, с палкой...» — как помечено в записной книжке писателя.

Здоровье ушло, и его уже не вернёшь, понимал доктор Чехов и с грустью писал своему другу Л. Мизиновой: «...Я не совсем здоров. У меня почти непрерывный кашель. Очевидно, и здоровье прозевал, так же, как Вас...»

Как врач он знал, что жизнь его будет коротка, и поэтому не позволял себе длительного отдыха. Он сознательно не считался с собой, со своим состоянием. Отправившись на Сахалин, Чехов понимал, что это угрожает его здоровью и жизни.

А сколько сил отнимала работа на врачебном участке! «В разъездах я от утра до вечера и уже утомился, хотя холеры ещё не было. Вчера вечером мок на проливном дожде, не ночевал дома и утром шёл домой пешком по грязи...»

Даже в последний — ялтинский, наиболее тяжёлый для него период жизни Антон Павлович не переставал заботиться о больных. Правда, в это время он уже почти не занимался медицинской практикой, но ежедневно заботился о приезжающих в Ялту чахоточных бедняках, которые стекались туда со всех концов России «без гроша в кармане, — как писал К. И. Чуковский, — лишь потому, что им было известно, что в Ялте живёт Антон Павлович Чехов: «Чехов устроит. Чехов обеспечит и койкой, и столовой, и лечением!»

«...Если бы у меня было много денег, я устроил бы здесь санаторий для больных учителей...» — вспоминает А. М. Горький слова Чехова.

И он устраивал. И писал воззвания о сборе средств в пользу немущих больных. Воззвание А. П. Чехова «На помощь умирающим!» облетело Россию. Было собрано около 40 тысяч рублей. Антон Павлович добавил ещё свои сбережения, 5 тысяч, и купил дом, который начали перестраивать под санаторий.

Чехов из последних сил сопротивлялся болезни, боясь что-то упустить в жизни. Однако туберкулёз делал своё дело. В возрасте немногим более сорока лет Антон Павлович чувствовал себя на склоне лет. Он похудел, потемнел в лице. За 5–7 лет он резко состарился. Трезво оценивая состояние своего здоровья, Чехов пишет завещание, в котором не забывает и крестьян и просит сестру: «Помогай бедным».

Болезнь резко ограничила свободу писателя. По настоянию врачей он уезжает из Москвы на юг на курорт, а затем и за границу. Чехов пишет: «Вынужденная праздность и скитание по курортам хуже всяких бацилл».

От чеховских времён до эры стрептомицина и других антибактериальных препаратов, совершивших коренной перелом в судьбе туберкулёзных больных, должно было пройти полвека. Однако уже в 90-е гг. начал получать распространение метод лечения туберкулёза лёгких с помощью искусственного пневмоторакса — вдувания воздуха в полость плевры. Это снижало температуру, прекращались ознобы, потливость, кашель, восстанавливался аппетит, и уже через 10–15 дней тяжёлый больной начинал выздоравливать. В начале XX столетия этот метод получил широкое признание. Не может не вызвать удивления, почему же для лечения Чехова не был применён пневмоторакс? Может быть, деликатность Чехова, его нежелание признавать себя больным не вызывали у врачей понимания тяжести его болезни?

Чехов отчётливо сознавал, что умирает, писал из Германии жене, чтобы она не говорила правду о его болезни. «Было поистине изумительно то мужество, с которым болел и умер Чехов!» — писал Бунин.

Чехов находил в себе силы не думать о смерти, он даже шутил по поводу своего здоровья.

...Но 27 июня 1904 г. у Чехова появились признаки ослабления деятельности сердца. После приёма наперстянки и впрыскивания камфары Чехову стало легче, но на следующий день произошёл ещё более тяжёлый приступ.

2 июля 1904 года в первом часу ночи Антон Павлович проснулся от очень затруднённого дыхания и впервые попросил ночью вызвать врача. Затем впал в забытие и стал бредить. Когда бред прекратился, ему стало трудно дышать, стало поташнивать. И тогда жена положила ему на грудь лёд. «На пустое сердце льда не кладут», — грустно сказал Чехов. «Я умираю», — взглянув на жену, произнёс Антон Павлович. А для врача, стоявшего рядом, повторил по-немецки: «Ich sterbe».

Доктор велел дать умирающему бокал шампанского. Чехов взял бокал, улыбнулся и сказал: «Давно я не пил шампанского», — повернулся тихо на левый бок, и вскоре сердце его остановилось.

Не стало человека, чья жизнь была трудной, но большой и светлой.

Похороны состоялись в Москве. Студенты Московского университета, взявшись за руки, образовали на протяжении многих кварталов цепь, охранявшую траурную процессию.

Вопросы и задания к тексту

1. Когда появились первые признаки болезни?
2. Какие симптомы болезни замечал Чехов у себя?
3. Отношение А. П. Чехова к своей болезни.
4. Что писал Горький о болезни Чехова?
5. Когда была первая госпитализация А. П. Чехова?
6. Почему лечение Чехова было неэффективным?
7. Что сообщил о своем заболевании Чехов Суворину?
8. О чём написал Чехов своему другу Л. Мизиновой?
9. Почему Чехов старался не думать о болезни и отдавал себя общественной работе, заботе о других людях?
10. Что Чехов написал в своем завещании?
11. Какой метод лечения туберкулёза получил распространение в 90-е гг. и был ли он применён для лечения А. П. Чехова?
12. Мужество, которое проявлял Чехов в период своей болезни.
13. Что произошло 27 июня 1904 года?
14. Последние часы жизни А. П. Чехова.
15. Похороны А. П. Чехова.

Чехов-врач

1. Чехов — студент-медик.

В сентябре 1879 г. на медицинский факультет Московского университета были зачислены около 400 студентов, в том числе — А. П. Чехов. Случайно ли выбрал гимназист А. Чехов для своего дальнейшего образования медицинский факультет? Нет. Заполняя гимназическую анкету, Чехов указал, что хочет поступать в Московский университет на медицинский факультет. Этому желала и мать писателя.

Учение стоило дорого, и поступить в университет Чехов смог лишь потому, что таганрогские власти предоставили ему стипендию для продолжения образования.

Годы учёбы на медицинском факультете имели большое значение в формировании научного мышления писателя. Молодого Чехова интересовала гистология и эмбриология, физиология, физиология нервно-мышечной системы. Лекции ему читал Склифосовский, руководивший хирургической факультативной клиникой. Чехов-студент был знаком с Боткиным, лейб-медиком царя. Будучи студентом, Чехов активно занимается той областью медицины, которая связана с диагностикой заболевания. Уже в те годы молодой студент Чехов

считал, что врач должен быть независимым, потому что ему доверяют самое дорогое — здоровье и жизнь.

Диплом об окончании медицинского факультета вручал ему Склифосовский, с которым он дружил на протяжении многих лет.

Московский университет, его атмосфера, профессора-преподаватели сыграли важную роль в формировании мировоззрения Чехова как врача и учёного.

2. Земская врачебная деятельность Чехова.

Чехов занимался практической врачебной работой и в Москве, и в подмосковных городах. Его пациентами были, в основном, небогатые люди. Больных Чехов, уже известный писатель, принимал и днём и ночью. Когда он не захотел жить в Москве (а он тогда был очень известным), он купил небольшое имение под Москвой и переехал туда. Стал земским врачом. Кто они такие, земские врачи? Это очень самоотверженные люди, лечившие больных в районах. Они боролись с эпидемиями и заразными заболеваниями. Это были герои. От заразных болезней умирало 60 % земских врачей, 40 % из них были в возрасте 30–40 лет. Чаще всего причиной смерти являлись туберкулёз или сыпной тиф.

У писателя был участок — 26 деревень, несколько заводов и фабрик, он взял на себя обслуживание монастыря.

С самого раннего утра перед его домом уже стояли больные и ждали от него врачебной помощи. Он выходил, осматривал пациентов и никого не отпускал без лекарств. Начиная свой амбулаторный приём Чехов-врач в 5 часов утра.

Разбитый, усталый, он возвращался домой, а вечером и ночью становился писателем. Он иногда мок на проливном дожде, не ночевал дома, шёл домой пешком по грязи. За два месяца он мог принять более 800 больных, а в одном письме написал: «Принял более 1000 больных». Он боролся с эпидемией холеры, лечил паралич и дифтерит. Чехов-врач заведовал одним из главных врачебно-наблюдательных пунктов Московской губернии.

За противоземскую работу, за создание школ и дорог Московской губернии (школы были выстроены из лучшего материала, комнаты имели высоту 5 аршин, печи были голландские, у учителей был камин; Чехов истратил на постройку школ 10 тысяч рублей золотом), за свой гражданский труд врач Чехов был произведён русским царём в «потомственные дворяне» и «пожалован» орденом «за отменное усердие и особые труды в деле народного просвещения».

3. Чехов-деонтолог.

То, что теперь составляет предмет медицинской деонтологии, писатель Чехов называл врачебной этикой. Во время жизни писателя это понятие включало в себя вопросы, относящиеся к правам врача, сословному этикету, отношению врача к политике правящего класса. «Обещаю быть справедливым к своим сотоварищам. Буду по совести отдавать справедливость их заслугам и стараниям...» — такие слова давал Чехов в «Клятве Гиппократата». Эта клятва помещалась на оборотной стороне врачебного диплома.

Какова мораль Чехова-врача? Писатель считал, что молодые люди, выбирающие делом своей жизни медицину, должны обладать, кроме чувства сострадания к больному, и чувством прекрасного. Писатель-врач понимал, что слово может как повредить больному человеку, так и способствовать его лечению.

Чехов считал, что при описании болезней необходимо подходить со стороны переживаний самого больного, дать внутреннюю картину болезни. «Вот я страдаю, например, катаром кишок и прекрасно понимаю, что испытывает такой больной, какие душевные муки переживает он, а это врачу редко бывает понятно. Студентам могло бы пойти на пользу, если вводить их в область субъективных отношений».

Он мечтал читать курс частной патологии и терапии, но так, чтобы особое внимание уделялось тщательному изучению и освещению субъективной стороны болезненных явлений при различных страданиях.

Чехов-врач говорил, что мечтает быть преподавателем, он сожалел о том, что не написал диссертацию, он мечтал, что за книгу «Остров Сахалин» его представят на соискание степени доктора медицины, он мечтал читать студентам-медикам такие лекции, чтобы заставить их переживать страдания больных так, как понимал их сам.

Но этого не произошло. Он не получил разрешения создать кафедру.

4. Чехов — врач-терапевт.

Чехова как врача интересовали вопросы в области медицины, такие как внутренние болезни, вопросы психиатрии и педиатрии. Чехов хорошо ориентировался в этиологии и лечении инфекционных заболеваний, особенно холеры, с эпидемией которой он боролся в Московской губернии. Из внутренних болезней Чехов хорошо знал клинику и лечение пневмонии, болезни органов пищеварения, опухо-

левых заболеваний, лёгочного туберкулёза. Чехов хорошо был осведомлён о заболеваниях сердца и кровеносных сосудов, тонко разбирался в диагностике пороков сердца.

Один из профессоров Московского университета писал, что если бы судьба не наделила Чехова художественным талантом, он приобрёл бы известность как учёный и врач.

Василий Иванович Немирович-Данченко рассказывал об одной встрече с Чеховым.

«Была в его характере, — писал он, — одна комическая черточка. Терпеть не мог похвал его таланту и художественным произведениям и в то же время близко к сердцу принимал сомнение в своих врачебных достоинствах. Зашёл он как-то ко мне в Петербурге. Жил я тогда в гостинице «Англия» и чувствовал себя неважно. Послушал он мой пульс.

– Ниточка дрожит. У вас пульс клубного игрока, хоть по ночам тот за картами, а вы за письменным столом. Лестницу перемените, нельзя вам высоко жить. Я бы на вашем месте думал, на какой ступеньке хлопнуть.

Я засмеялся.

И вдруг обидчивое:

– Да вы, что же, не верите мне? Плохой я врач, по-вашему?

– Нет, верю... Только нельзя быть одинаково крупным и в литературе, и в медицине. Чехов-писатель, разумеется, заслоняет Чехова-доктора.

Потемнел, и потом долго спустя:

– Когда-нибудь убедятся, что я, ей-богу, хороший медик».

Вопросы к тексту

1. Когда А. П. Чехов поступил в Московский государственный университет на медицинский факультет?
2. Случайно ли он выбрал профессию медика?
3. Какие предметы интересовали молодого студента-медика?
4. Кто вручал А. П. Чехову диплом об окончании медицинского факультета?
5. В каких городах А. П. Чехов занимался врачебной деятельностью?
6. Кто такие земские врачи?
7. Как вы опишите день работы Чехова-врача?
8. В чём заключалась благотворительная деятельность Чехова-врача и Чехова-писателя?

9. Как был награждён Чехов за свою благотворительную деятельность?
10. Что включает в себя предмет медицинской деонтологии?
11. Какова мораль Чехова-врача?
12. Что, по мнению Чехова, должно лежать в основе описания болезней больного?
13. О чём мечтал Чехов-врач?
14. Какие вопросы в области медицины интересовали Чехова?
15. Как отзывались современники (учёные, писатели) о Чехове-враче?
16. Как Чехов-писатель оценивал Чехова-врача?

Чехов в литературе

Задание 1. Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова, запомните их.

Словесность, острое социальное содержание, лицемерие, злокачественная анемия, лоснящийся фасад, садизм, авансцена, жажда обогащения, духовная гибель.

«Чеховым завершается чудесный ряд великанов русской словесности XIX века, тот ряд, в начале которого сияет имя Пушкина», — писал К. Федин. «Это Пушкин в прозе», — называл Чехова Л. Толстой. У Чехова находили пушкинскую простоту языка и сюжета, стройность и строгость композиции, отмечали поэтичность и лиричность его произведений, их удивительный язык.

Первые произведения Чехов начал писать в 80-х гг., когда стал студентом медицинского факультета Московского университета. Он не думал стать писателем, но, не имея средств, стремился таким образом оплатить обучение и помочь своей семье. Первыми работами были короткие юмористические рассказы со смешными эпизодами из жизни чиновников, купцов, гимназистов, судей и т. д. Но вскоре появляются рассказы с острым социальным содержанием, направленные против невежества, лицемерия, произвола, взяточничества, раболепия. Рабскую психологию чиновников писатель зло высмеял в рассказах «Смерть чиновника», «Толстый и тонкий», «Хамелеон», «Маска» и др.

Будучи студентом, Чехов в поисках заработка начинает сотрудничать в юмористических журналах «Стрекоза», «Будильник», «Осколки», «Сверчок» и др. под псевдонимами: Антоша Чехонте, Брат моего брата, Человек без селезёнки, Врач без пациентов, Крапива и пр. Произведения этого периода составили первый сборник рассказов Чехова «Сказки Мельпомены», в 1886 г. вышел второй сборник «Пёстрые рассказы», а в 1887 — третий сборник «В сумерках».

Популярность Чехова как писателя росла. Его называли «диагностом человеческих душ». К. Г. Паустовский писал: «То, что Чехов был врачом, не только дало ему знание людей, но сказалось и на его стиле. Если бы Чехов не был врачом, то, возможно, он бы не создал такую острую, как скальпель, аналитическую и точную прозу. Такие рассказы, как «Палата № 6», «Скучная история», «Попрыгунья» и др. написаны как образцовые психологические диагнозы...»

Такая болезнь, как рак, упоминается в трёх произведениях А. П. Чехова. «Попрыгунья» — доктор Дымов вскрывает труп больного злокачественной анемией и находит у него рак поджелудочной железы. Герой рассказа «Крыжовник» умирает от рака желудка. Более подробно онкологическая больная изображена в повести «Три года».

Значительно чаще, чем рак, в произведениях и письмах Чехова упоминается чахотка, туберкулёз. Интерес Антона Павловича к туберкулёзу обусловлен не только тем, что сам писатель был смертельно болен этой болезнью, но и тем, что чахотка в то время была самым распространённым заболеванием и занимала первое место среди причин смерти.

Чехов не обошёл своим вниманием и тюремную медицину в книге «Остров Сахалин». Он показал, как за лоснящимся фасадом, украшенным бюстом С. П. Боткина, процветает равнодушие и садизм, отсутствие необходимых медикаментов.

Сегодня на авансцену вышли другие болезни. И даже когда во все исчезнут с лица земли болезни, описанные Чеховым, «чужая боль», выстраданная гениальным писателем, будет тревожить человеческие сердца.

В середине 80-х гг. характер творчества писателя начинает меняться. Уже не отдельные эпизоды, а сложные взаимосвязи человеческой жизни с окружающей действительностью предстают перед нами в произведениях писателя. Они стали больше по объёму, но всё же остались самыми лаконичными по мысли в классической мировой

литературе. В этот период появляются рассказы Чехова «Враги», «Попрыгунья», «Палата № 6», «Человек в футляре», «Ионыч», пьесы «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» и др.

Чехов выступает против общественного равнодушия, трусости, желания замкнуться в своём мирке. Так, в рассказе «Ионыч» Чехов показал, как образованный, умный доктор, приехав в провинцию, поддаётся окружающей среде, утратил интерес, способность к сильным чувствам и даже профессиональную честность. Жажда обогащения погубила его. Чехов показал духовную гибель личности.

А в рассказе «Человек в футляре» изображён незаметный учитель гимназии, ненавидевший действительность и боявшийся её, окруживший себя «футляром». Такой характер мог сложиться только в атмосфере правительственного гнёта и всеобщего страха. «Как бы чего не вышло», — фраза, определяющая жизненную философию таких людей. Несмотря на своё ничтожество, он держит в страхе весь город, потому что этот страх живёт в каждом, а учитель Беликов только усиливает его.

В рассказе «Попрыгунья» пустым обывателям, воображающим себя людьми искусства, противопоставлен доктор Дымов. Трудолюбивый и талантливый, он является прообразом демократически настроенных русских учёных. «Праздная жизнь не может быть чистой», — писал Чехов. Он с нетерпением ждал великих перемен.

Произведения Чехова переиздаются из года в год. Чем же привлекает чеховский мир? Удивительной естественностью и глубиной, правдой и чуткостью к красоте, тонким юмором, мудростью предвидения.

Вопросы к тексту

1. В каком веке жил А. П. Чехов?
2. Что роднит в творчестве Чехова с Пушкиным?
3. Когда появились первые произведения Чехова?
4. Против чего выступал Чехов в своих первых рассказах?
5. В каких журналах публиковался А. П. Чехов и под какими псевдонимами?
6. В каком году вышли его первые сборники?
7. Почему Чехова называли «диагностом человеческих душ»?
8. Какие произведения Чехова написаны на медицинские темы?
9. Чему посвящена книга Чехова «Остров Сахалин»?
10. Как изменился характер творчества Чехова в 80-е гг.?

11. Какие произведения Чехова появились в этот период?

Репозиторий БГМУ

Чехов — мастер короткого рассказа

А. П. Чехов вошёл в литературу, прежде всего, как писатель, в произведениях которого была дана пёстрая картина российской действительности. В своих коротких рассказах он писал как будто бы о простых и обыкновенных событиях, вещах, но на самом деле писатель заставлял читателя задуматься, заглянуть в них глубже, и становилось страшно: так много было в них правды о русской жизни, о врачах, о судьбах детей.

Литературная деятельность Чехова развивалась в основном в двух направлениях — в области создания небольшого рассказа и развития лирической драмы. За 24 года творческой деятельности Чехов довёл жанр короткого рассказа до такого совершенства, что многие его образы вошли в сокровищницу мировой литературы как признанные шедевры. Он создавал юмористические рассказы на бытовые темы («Радость», «Шуточка», «Глупый француз», «С женой поссорился», «Надул», «Руководство желающим жениться»), на общественные темы («Смерть чиновника», «Толстый и тонкий», «Хамелеон»). В ранних рассказах Чехова ярко выражена тема «врач — пациент».

Так, в рассказе «**Филантроп**» (1883) речь идёт о легкомысленном докторе, который от нечего делать добивался любви своей пациентки, а когда она ответила ему тем же, понял, что не способен любить её. Испытывая жалость к ней, замечая, что пациентка, хорошенькая барышня, собирается заплакать, доктор пишет на бумажке для рецептов свой рецепт «Быть сегодня в восемь часов вечера на углу Кузнецкого и Неглинной... Буду ждать».

В рассказе «**Хирургия**» Чехов показывает, как неумелый фельдшер, заменяющий доктора, берётся не за своё ремесло и калечит больного. «Стоматологической тематике» посвящён рассказ «**Лошадиная фамилия**». Много пришлось претерпеть генералу, у которого неожиданно разболелся зуб. Его попытались лечить безболезненным способом — «заговаривать зуб». Долго вспоминали домоладцы «лошадиную фамилию» лечащего без боли специалиста, пока не приехал настоящий врач и не вырвал зуб.

В рассказе «**Анюта**» Чехов описывает студента-медика третьего курса, который живёт в меблированной комнате. Живёт скверно. Неаккуратно. Постель не прибрана, вчерашняя каша на столе. Кроме того, что студент неопрятен, у него ещё отсутствует чувство жалости. Он учит анатомию на девушке, заставляя её сидеть полураздетой в

холодной комнате. У девушки губы, нос и пальцы посинели от холода, а студент чертит углем по рёбрам и изучает грудной каркас. Чехову-писателю очень не хочется, чтобы к врачу с грязными руками и недобрым сердцем попадали больные люди.

Чехов очень серьёзно относился к молодым людям, выбирающим профессию врача. Однажды в гостях к Чехову обратился молодой человек, пижон, крутой, как сказали бы сейчас. Он, лениво развалившись в кресле, спросил:

– Антон Павлович, вы такой большой знаток человеческой души. Посоветуйте, куда мне идти учиться? Может быть, в медицину?

Наступило неловкое молчание. Чехов посмотрел в упор на молодого человека холодными глазами и ответил неожиданно резко:

– Профессия врача, медицина, как и литература, — подвиг. Она требует самоотвержения, чистоты души и чистоты помыслов. Не всякий способен на это. Таким, как вы, там не место.

В маленьких рассказах, посвящённых социальной тематике, писатель высмеивает такие качества своих героев, как раболепие перед высшим чином, зависимость мнения от других. Так, в рассказе **«Смерть чиновника»** маленький служащий чихнул на лысину генерала и после неоднократных попыток извинения перед ним умирает. В этом рассказе Чехов показал рабскую психологию запуганного маленького человека.

В **«Толстом и тонком»** говорится о том, как на вокзале встретились два бывших друга — толстый и тонкий. Чехов описывает их искреннюю радость при встрече. Дружба друзей распалась сразу после того, как один стал благоговеть и уничижительно преклоняться перед другим, перед его должностью тайного советника.

«Хамелеон» — рассказ о том, что у некоторых людей нет своего мнения, и они меняют свою точку зрения в зависимости от обстоятельств. Полицейский Очумелов, проходя по площади, увидел толпу людей. Подойдя ближе, он узнаёт, что одного из них, мастера Хрюкина, укусила за палец собака. Мастер жалуется полицейскому, говорит, что не сможет теперь работать. Очумелов хочет уничтожить собаку и наказать её хозяина. Но в толпе кто-то говорит, что хозяин собаки — генерал. Тогда полицейский меняет своё решение: он начинает защищать собаку и ругать Хрюкина. В толпе долго обсуждается вопрос, чья это собака: генерала или не генерала. В зависимости от того, как решается этот вопрос, меняется поведение Очумелова, подобно тому как меняется окраска хамелеона.

Писатель использовал также и детскую тему, чтобы рассказать читателям о печальной доле бедняцких детей и через их горе показать горе народное.

В рассказе «Спать хочется» ребёнка хозяина качает девочка, которой только тринадцать лет. Девочка хочет спать, а спать нельзя, иначе хозяйка её накажут. И тогда Варька убивает мешающего ей спать ребенка (её врага, как она считает). Задушив его, она быстро ложится спать, смеётся от радости и через минуту крепко спит, как мёртвая.

Чехов с необычайным искусством передавал душевную боль человека. Это и боль ребенка, который написал про своё горе в письме к дедушке, это боль подростка Варьки, измученной бессонницей и голодом, это и наша душевная боль, которая возникает у нас, читателей рассказов Антона Павловича Чехова.

«Чехов ходил по земле, как врач по больнице: больных в ней много, а лекарств нет. Да и врач-то не совсем уверен, что лечить — надо», — так писал А. М. Горький о рассказах писателя.

РАССКАЗЫ А. П. ЧЕХОВА

С женой поссорился (СЛУЧАЙ)

Задание 1. Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова, запомните их.

Ссора — ссориться — поссориться, уткнуть — тыкать, отворить — отворять, скрип — скрипеть.

Задание 2. Прочитайте лексико-семантический комментарий к тексту.

Анафема — проклятие (первоначально означавшее отлучение от церкви, теперь иногда употребляется как бранное слово).

Кукиш (разг.) — кулак с большим пальцем, просунутым между указательным и средним в знак презрения, издёвки.

Задание 3. Объясните значение фразеологизмов.

Дёрнуть жениться, трижды анафема, это в порядке вещей.

– Чёрт вас возьми! Придешь со службы домой голодный, как собака, а они чёрт знает, чем кормят! Да и заметить ещё нельзя! За-

метишь, так сейчас рёв, слёзы! Будь я трижды анафема за то, что женился!

Сказавши это, муж звякнул по тарелке ложкой, вскочил и с остервенением хлопнул дверью. Жена зарыдала, прижала к лицу салфетку и тоже вышла. Обед кончился.

Муж пришёл к себе в кабинет, повалился на диван и уткнул своё лицо в подушку.

«Чёрт тебя дёрнул жениться! — подумал он. — Хороша «семейная» жизнь, нечего сказать! Не успел жениться, как уж стреляться хочется!»

Через четверть часа за дверью послышались лёгкие шаги...

«Да, это в порядке вещей... Оскорбила, надругалась, а теперь около двери ходит, мириться хочет... Ну, чёрта с два! Скорей повешусь, чем помирюсь!»

Дверь отворилась с тихим скрипом и не затворилась. Кто-то вошёл и тихими, робкими шагами направился к дивану.

«Ладно! Проси прощения, умоляй, рыдай... Кукиш с маслом получишь! чёрта пухлого! Ни одного слова не добьёшься, хоть умри... Сплю вот и говорить не желаю!»

Муж глубже зарыл свою голову в подушку и тихо захрапел. Но мужчины слабы так же, как и женщины. Их легко раскислить и растеплить. Почувствовав за своей спиной тёплое тело, муж упрямо придвинулся к спинке дивана и дёрнул ногой.

«Да... Теперь вот мы лезем, прижимаемся, подлизываемся... Скоро начнём в плечико целовать, на колени становиться. Не выношу этих нежностей!.. Всё-таки... нужно будет её извинить. Ей в её положении вредно тревожиться. Помучу часик, накажу и прощу...»

Над самым ухом его тихо пролетел глубокий вздох. За ним другой, третий... Муж почувствовал на плече прикосновение маленькой ручки.

«Ну, бог с ней! Прощу в последний раз. Будет её мучить, бедняжку! Тем более, что я сам виноват! Из-за ерунды бунт поднял...» — Ну, будет, моя крошка!

Муж протянул назад руку и обнял тёплое тело.

— Тьфу!!.

Около него лежала его большая собака Дианка.

Вопрос к тексту

На каких бытовых и моральных проблемах акцентирует внимание А. П. Чехов в рассказе «С женой поссорился»?

Надул

(ОЧЕНЬ ДРЕВНИЙ АНЕКДОТ)

Задание 1. Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова, запомните их.

Уличать — уличить, выручить, преступник — преступление, надуть, приняться хохотать.

Задание 2. Прочитайте лексико-семантический комментарий к тексту.

Гинея — монета в Англии XVI в.

Во время оно в Англии преступники, присужденные к смертной казни, пользовались правом при жизни продавать свои трупы анатомам и физиологам. Вырученные таким образом деньги они отдавали своим семьям или же пропивали. Один из них, уличенный в ужасном преступлении, позвал к себе ученого медика и, вдоволь поторговавшись с ним, продал ему собственную особу за две гинеи. Но, получивши деньги, он вдруг принялся хохотать...

– Чего вы смеетесь?! — удивился медик.

– Вы купили меня, как человека, который должен быть повешен, — сказал, хохоча, преступник, — но я надул вас! Я буду сожжен! Ха-ха!

Вопрос к тексту

На каких бытовых и моральных проблемах акцентирует внимание

А. П. Чехов в рассказе «Надул»?

Глупый француз

Задание 1. Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова, запомните их.

Бросилось в глаза, благообразный, подать в ресторане, феномен, редкость, закусить, пожал плечами, выручка.

Задание 2. Прочитайте лексико-семантический комментарий к тексту.

Клоун — цирковой комик.

Трактир (устар.) — первоначально гостиница с рестораном, позднее

— ресторан низшего разряда.

Консоме — крепкий бульон из мяса или дичи.

Пашот — паштет.

Гренки — поджаренные ломтики хлеба, обычно белого.

Блин — тонкая лепёшка из жидкого теста, испечённая на сковороде.

Тесто — густая масса из муки, замешенной на жидкости (воде, молоке).

Половой (устар.) — слуга в трактире.

Балык — солёная и провяленная хребтовая часть красной рыбы.

Сёмга — промысловая рыба из семейства лососевых с мясом розового цвета.

Бинокль — ручной оптический прибор из двух соединённых зрительных трубок для рассматривания далёких предметов обоими глазами.

Статский (устар.) — первая часть составных названий некоторых гражданских чинов в царской России.

Вицмундир — до революции: форменный фрак гражданских чиновников.

Клоун из цирка братьев Гинц, Генри Пуркуа, зашел в московский трактир Тестова позавтракать.

— Дайте мне консоме! — приказал он половому.

— Прикажете с пашотом или без пашота?

— Нет, с пашотом слишком сытно... Две-три гренки, пожалуй, дайте...

В ожидании, пока подадут консоме, Пуркуа занялся наблюдением. Первое, что бросилось ему в глаза, был какой-то полный благообразный господин, сидевший за соседним столом и приготавливающийся есть блины.

«Как, однако, много подают в русских ресторанах! — подумал француз, глядя, как сосед поливает свои блины горячим маслом, — Пять блинов! Разве один человек может съесть так много теста?»

Сосед между тем помазал блины икрой, разрезал все их на половинки и проглотил скорее, чем в пять минут...

— Челаэк! — обернулся он к половому. — Подай еще порцию! Да что у вас за порции такие? Подай сразу штук десять или пятнадцать! Дай балыка... семги, что ли?

«Странно... — подумал Пуркуа, рассматривая соседа. — Съел пять кусков теста и еще просит! Впрочем, такие феномены не состав-

ляют редкости... У меня у самого в Бретани был дядя Франсуа, который на пари съедал две тарелки супу и пять бараньих котлет... Говорят, что есть также болезни, когда много едят...»

Половой поставил перед соседом гору блинов и две тарелки с балыком и семгой. Благообразный господин выпил рюмку водки, закусил семгой и принялся за блины. К великому удивлению Пуркуа, ел он их спеша, едва разжевывая, как голодный...

«Очевидно, болен... — подумал француз. — И неужели он, чудак, воображает, что съест всю эту гору? Не съест и трех кусков, как желудок его будет уже полон, а ведь придется платить за всю гору!»

— Дай еще икры! — крикнул сосед, утирая салфеткой масляные губы. — Не забудь зеленого луку!

«Но... однако, уж половины горы нет! — ужаснулся клоун. — Боже мой, он и всю семгу съел? Это даже неестественно... Неужели человеческий желудок так растяжим? Не может быть! Как бы ни был растяжим желудок, но он не может растянуться за пределы живота... Будь этот господин у нас во Франции, его показывали бы за деньги... Боже, уже нет горы!»

— Подашь бутылку Ньюи... — сказал сосед, принимая от полового икру и лук. — Только погрей сначала... Что еще? Пожалуй, дай еще порцию блинов... Поскорей только...

— Слушаю... А на после блинов что прикажете?

— Что-нибудь полегче... Закажи порцию селянки из осетрины по-русски и... и... Я подумаю, ступай!

«Может быть, это мне снится? — изумился клоун, откидываясь на спинку стула. — Этот человек хочет умереть! Нельзя безнаказанно съесть такую массу! Да, да, он хочет умереть. Это видно по его грустному лицу. И неужели прислуге не кажется подозрительным, что он так много ест? Не может быть!»

Пуркуа подозвал к себе полового, который служил у соседнего стола, и спросил шёпотом:

— Послушайте, зачем вы так много ему подаете?

— То есть, э... э... они требуют-с! Как же не подавать-с? — удивился половой.

— Странно, но ведь он таким образом может до вечера сидеть здесь и требовать! Если у вас у самих не хватает смелости отказывать ему, то доложите метрдотелю, пригласите полицию!

Половой ухмыльнулся, пожал плечами и отошел.

«Дикари! — возмутился про себя француз. — Они еще рады,

что за столом сидит сумасшедший, самоубийца, который может съесть на лишний рубль! Ничего, что умрет человек, была бы только выручка!»

— Порядки, нечего сказать! — проворчал сосед, обращаясь к французу, — Меня ужасно раздражают эти длинные антракты! От порции до порции изволь ждать полчаса! Этак и аппетит пропадет к чёрту, и опоздаешь... Сейчас три часа, а мне к пяти надо быть на юбилейном обеде.

— Pardon, monsieur, — побледнел Пуркуа, — ведь вы уж обедаете!

— Не-ет... Какой же это обед? Это завтрак... блины...

Тут соседу принесли селянку. Он налил себе полную тарелку, поперчил кайенским перцем и стал хлебать...

«Бедняга... — продолжал ужасаться француз. — Или он болен и не замечает своего опасного состояния, или же он делает всё это нарочно... с целью самоубийства... Боже мой, знай я, что наткнулся здесь на такую картину, то ни за что бы не пришел сюда! Мои нервы не выносят таких сцен!»

И француз с сожалением стал рассматривать лицо соседа, каждую минуту ожидая, что вот-вот начнутся с ним судороги, какие всегда бывали у дяди Франсуа после опасного пари...

«По-видимому, человек интеллигентный, молодой... полный сил... — думал он, глядя на соседа. — Быть может, приносит пользу своему отечеству... и весьма возможно, что имеет молодую жену, детей... Судя по одежде, он должен быть богат, доволен... но что же заставляет его решаться на такой шаг?... И неужели он не мог избрать другого способа, чтобы умереть? Чёрт знает как дешево ценится жизнь! И как низок, бесчеловечен я, сидя здесь и не идя к нему на помощь! Быть может, его еще можно спасти!»

Пуркуа решительно встал из-за стола и подошел к соседу.

— Послушайте, monsieur, — обратился он к нему тихим, вкрадчивым голосом. — Я не имею чести быть знаком с вами, но, тем не менее, верьте, я друг ваш... Не могу ли я вам помочь чем-нибудь? Помните, вы еще молоды... у вас жена, дети...

— Я вас не понимаю! — замотал головой сосед, тараща на француза глаза.

— Ах, зачем скрытничать, monsieur? Ведь я отлично вижу! Вы так много едите, что... трудно не подозревать...

— Я много ем?! — удивился сосед. — Я?! Полноте... Как же мне не есть, если я с самого утра ничего не ел?

– Но вы ужасно много едите!

– Да ведь не вам платить! Что вы беспокоитесь? И вовсе я не много ем! Поглядите, ем, как все!

Пуркуа поглядел вокруг себя и ужаснулся. Половые, толкаясь и налетая друг на друга, носили целые горы блинов... За столами сидели люди и поедали горы блинов, семгу, икру... с таким же аппетитом и бесстрашием, как и благообразный господин.

«О, страна чудес! — думал Пуркуа, выходя из ресторана. — Не только климат, но даже желудки делают у них чудеса! О страна, чудная страна!»

Вопросы к тексту

1. Что поразило француза, когда он приехал в Россию?
2. К какому выводу приходит герой?

Шуточка

Задание 1. Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова, запомните их.

Ужасаться — ужаснуться, иней, санки, вполголоса, пропасть, хмуриться, малодушие.

Задание 2. Прочитайте лексико-семантический комментарий к тексту.

Муфта — принадлежность женской одежды — род открытого с двух сторон мешочка, обычно из меха, для согревания рук.

Башлык — суконный, тёплый головной убор с длинными концами, надеваемый поверх шапки.

Задание 3. Объясните значение фразеологизмов.

Лететь как пуля; томить душу.

Ясный, зимний полдень... Мороз крепок, трещит, и у Наденьки, которая держит меня под руку, покрываются серебристым инеем кудри на висках и пушок над верхней губой. Мы стоим на высокой горе. От наших ног до самой земли тянется покатая плоскость, в которую солнце глядится, как в зеркало. Возле нас маленькие санки, обитые ярко-красным сукном.

– Съедемте вниз, Надежда Петровна! — умоляю я. — Один только раз! Уверяю вас, мы останемся целы и невредимы.

Но Наденька боится. Всё пространство от ее маленьких калош до конца ледяной горы кажется ей страшной, неизмеримо глубокой пропастью. У нее замирает дух и прерывается дыхание, когда она глядит вниз, когда я только предлагаю сесть в санки, но что же будет, если она рискнет полететь в пропасть! Она умрет, сойдет с ума.

— Умоляю вас! — говорю я. — Не надо бояться! Поймите же, это малодушие, трусость!

Наденька наконец уступает, и я по лицу вижу, что она уступает с опасностью для жизни. Я сажаю ее, бледную, дрожащую, в санки, обхватываю рукой и вместе с нею низвергаюсь в бездну.

Санки летят как пуля. Рассекаемый воздух бьет в лицо, ревет, свистит в ушах, рвет, больно щиплет от злости, хочет сорвать с плеч голову. От напора ветра нет сил дышать. Кажется, сам дьявол обхватил нас лапами и с ревом тащит в ад. Окружающие предметы сливаются в одну длинную, стремительно бегущую полосу... Вот-вот еще мгновение, и кажется — мы погибнем!

— Я люблю вас, Надя! — говорю я вполголоса. Санки начинают бежать всё тише и тише, рев ветра и жужжанье полозьев не так уже страшны, дыхание перестает замирать, и мы наконец внизу. Наденька ни жива ни мертва. Она бледна, едва дышит... Я помогаю ей подняться.

— Ни за что в другой раз не поеду, — говорит она, глядя на меня широкими, полными ужаса глазами. — Ни за что на свете! Я едва не умерла!

Немного погодя она приходит в себя и уже вопросительно заглядывает мне в глаза: я ли сказал те четыре слова, или же они только слышались ей в шуме вихря? А я стою возле нее, курю и внимательно рассматриваю свою перчатку.

Она берет меня под руку, и мы долго гуляем около горы. Загадка, видимо, не дает ей покою. Были сказаны те слова или нет? Да или нет? Да или нет? Это вопрос самолюбия, чести, жизни, счастья, вопрос очень важный, самый важный на свете. Наденька нетерпеливо, грустно, проникающим взором заглядывает мне в лицо, отвечает невпопад, ждет, не заговорю ли я. О, какая игра на этом милом лице, какая игра! Я вижу, она борется с собой, ей нужно что-то сказать, о чем-то спросить, но она не находит слов, ей неловко, страшно, мешает радость...

— Знаете что? — говорит она, не глядя на меня.

— Что? — спрашиваю я.

— Давайте еще раз... прокатим.

Мы взбираемся по лестнице на гору. Опять я сажаю бледную, дрожащую Наденьку в санки, опять мы летим в страшную пропасть, опять ревет ветер и жужжат полозья, и опять при самом сильном и шумном разлете санок я говорю вполголоса.

– Я люблю вас, Наденька!

Когда санки останавливаются, Наденька окидывает взглядом гору, по которой мы только что катили, потом долго всматривается в мое лицо, вслушивается в мой голос, равнодушный и бесстрастный, и вся, вся, даже муфта и башлык ее, вся ее фигурка выражают крайнее недоумение. И на лице у нее написано:

«В чем же дело? Кто произнес *те* слова? Он, или мне только послышалось?»

Эта неизвестность беспокоит ее, выводит из терпения. Бедная девочка не отвечает на вопросы, хмурится, готова заплакать.

– Не пойти ли нам домой? — спрашиваю я.

– А мне... мне нравится это катанье, — говорит она, краснея. — Не проехаться ли нам еще раз?

Ей «нравится» это катанье, а между тем, садясь в санки, она, как и в те разы, бледна, еле дышит от страха, дрожит.

Мы спускаемся в третий раз, и я вижу, как она смотрит мне в лицо, следит за моими губами. Но я прикладываю к губам платок, кашляю и, когда достигаем середины горы, успеваю вымолвить:

– Я люблю вас, Надя!

И загадка остается загадкой! Наденька молчит, о чем-то думает... Я провожаю ее с катка домой, она старается идти тише, замедляет шаги и всё ждет, не скажу ли я ей тех слов. И я вижу, как страдает ее душа, как она делает усилия над собой, чтобы не сказать:

– Не может же быть, чтоб их говорил ветер! И я не хочу, чтобы это говорил ветер!

На другой день утром я получаю записочку: «Если пойдете сегодня на каток, то заходите за мной. Н.» И с этого дня я с Наденькой начинаю каждый день ходить на каток и, слетая вниз на санках, я всякий раз произношу вполголоса одни и те же слова:

– Я люблю вас, Надя!

Скоро Наденька привыкает к этой фразе, как к вину или морфию. Она жить без нее не может. Правда, лететь с горы по-прежнему страшно, но теперь уже страх и опасность придают особое очарование словам о любви, словам, которые по-прежнему составляют загадку и томят душу. Подозреваются всё те же двое: я и ветер... Кто из

двух признается ей в любви, она не знает, но ей, по-видимому, уже всё равно; из какого сосуда ни пить — всё равно, лишь бы быть пьяным.

Как-то в полдень я отправился на каток один; смешавшись с толпой, я вижу, как к горе подходит Наденька, как ищет глазами меня... Затем она робко идет вверх по лесенке... Страшно ехать одной, о, как страшно! Она бледна, как снег, дрожит, она идет точно на казнь, но идет, идет без оглядки, решительно. Она, очевидно, решила, наконец, попробовать: будут ли слышны те изумительные сладкие слова, когда меня нет? Я вижу, как она, бледная, с раскрытым от ужаса ртом, садится в сайки, закрывает глаза и, простившись навеки с землей, трогается с места... «Жжжж...» — жужжат полозья. Слышит ли Наденька те слова, я не знаю... Я вижу только, как она поднимается из саней изнеможенная, слабая. И видно по ее лицу, она и сама не знает, слышала она что-нибудь или нет. Страх, пока она катила вниз, отнял у нее способность слышать, различать звуки, понимать...

Но вот наступает весенний месяц март... Солнце становится ласковее. Наша ледяная гора темнеет, теряет свой блеск и тает наконец. Мы перестаем кататься. Бедной Наденьке больше уж негде слышать тех слов, да и некому произносить их, так как ветра не слышно, а я собираюсь в Петербург — надолго, должно быть, навсегда.

Как-то перед отъездом, дня за два, в сумерки сижу я в садике, а от двора, в котором живет Наденька, садик этот отделен высоким забором с гвоздями... Еще достаточно холодно, под навозом еще снег, деревья мертвы, но уже пахнет весной и, укладываясь на ночлег, шумно кричат грачи. Я подхожу к забору и долго смотрю в щель. Я вижу, как Наденька выходит на крылечко и устремляет печальный, тоскующий взор на небо... Весенний ветер дует ей прямо в бледное, унылое лицо... Он напоминает ей о том ветре, который ревел нам тогда на горе, когда она слышала те четыре слова, и лицо у нее становится грустным, грустным, по щеке ползет слеза... И бедная девочка протягивает обе руки, как бы прося этот ветер принести ей еще раз те слова. И я, дождавшись ветра, говорю вполголоса:

– Я люблю вас, Надя!

Боже мой, что делается с Наденькой! Она вскрикивает, улыбается во всё лицо и протягивает навстречу ветру руки, радостная, счастливая, такая красивая.

А я иду укладываться...

Это было уже давно. Теперь Наденька уже замужем; ее выдали,

или она сама вышла — это всё равно, за секретаря дворянской опеки, и теперь у нее уже трое детей. То, как мы вместе когда-то ходили на каток, и как ветер доносил до нее слова «Я вас люблю, Наденька», не забыто; для нее теперь это самое счастливое, самое трогательное и прекрасное воспоминание в жизни...

А мне теперь, когда я стал старше, уже непонятно, зачем я говорил те слова, для чего шутил...

Вопросы к тексту

1. Передайте содержание рассказа «Шуточка»?
2. С какой целью «шутил» молодой человек?

Смерть чиновника

Задание 1. Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова, запомните их.

Морщиться — поморщиться — морщина, робость — робкий — робеть, возбраняется, раскаяние — раскаяться, сконфузиться, ехидный — ехидство — ехидничать, оторваться — отрываться, обрызгать — брызгать, попятиться — пятиться, поплестись — плестись, гаркнуть.

Задание 2. Прочитайте лексико-семантический комментарий к тексту.

Экзекутор (устар.) — в царской России: чиновник по хозяйственной части в учреждении.

Задание 3. Объясните значение фразеологизмов.

На верху блаженства, млеть от ужаса, из глаз искры посыпались.

В один прекрасный вечер не менее прекрасный экзекутор, Иван Дмитрич Червяков, сидел во втором ряду кресел и глядел в бинокль на «Корневильские колокола». Он глядел и чувствовал себя на верху блаженства. Но вдруг... В рассказах часто встречается это «но вдруг». Авторы правы: жизнь так полна внезапностей! Но вдруг лицо его поморщилось, глаза подкатились, дыхание остановилось... он отвел от глаз бинокль, нагнулся и... апчхи!!! Чихнул, как видите. Чихать никому и нигде не возбраняется. Все чихают. Червяков несколько не сконфузился, утерся платочком и, как вежливый человек, поглядел вокруг себя: не обеспокоил ли он кого-нибудь своим чиханьем? Но тут уж пришлось сконфузиться. Он увидел, что старичок, сидевший

впереди него, в первом ряду кресел, старательно вытирал свою лысину и шею перчаткой и бормотал что-то. В старичке Червяков узнал статского генерала Бризжалова.

«Я его обрызгал! — подумал Червяков. — Не мой начальник, чужой, но все-таки неловко. Извиниться надо».

Червяков кашлянул, подался туловищем вперед и зашептал генералу на ухо:

– Извините, ваше-ство, я вас обрызгал... я нечаянно...

– Ничего, ничего...

– Ради бога, извините. Я ведь... я не желал!

– Ах, сидите, пожалуйста! Дайте слушать!

Червяков сконфузился, глупо улыбнулся и начал глядеть на сцену. Глядел он, но уж блаженства больше не чувствовал. Его начало мучивать беспокойство. В антракте он подошел к Бризжалову, походил возле него и, поборовши робость, пробормотал:

– Я вас обрызгал, ваше-ство... Простите... Я ведь... не то чтобы...

– Ах, полноте... Я уж забыл, а вы всё о том же!— сказал генерал и нетерпеливо шевельнул нижней губой.

«Забыл, а у самого ехидство в глазах, — подумал Червяков. — Надо бы ему объяснить, а то подумает, что я плюнуть хотел. Теперь не подумает, так после подумает!...»

Придя домой, Червяков рассказал жене о своем невежестве. Жена, как показалось ему, слишком легкомысленно отнеслась к происшедшему; она только испугалась, а потом, когда узнала, что Бризжалов «чужой», успокоилась.

– А все-таки ты сходи, извинись, — сказала она. — Подумает, что ты себя в публике держать не умеешь!

На другой день Червяков надел новый вицмундир, постригся и пошел к Бризжалову объяснить... Войдя в приемную генерала, он увидел там много просителей, а между просителями и самого генерала, который уже начал прием прошений. Опросив несколько просителей, генерал поднял глаза и на Червякова.

– Вчера в «Аркадии», ежели припомните, ваше-ство, — начал докладывать экзекутор, — я чихнул-с и... нечаянно обрызгал... Изв...

– Какие пустяки... Бог знает что! Вам что угодно? — обратился генерал к следующему просителю.

«Говорить не хочет! — подумал Червяков, бледнея. — Сердится, значит... Нет, этого нельзя так оставить... Я ему объясню...»

Когда генерал кончил беседу с последним просителем и напра-

вился во внутренние апартаменты, Червяков шагнул за ним и забормотал:

– Ваше-ство! Ежели я осмеливаюсь беспокоить, то именно из чувства, могу сказать, раскаяния!.. Не нарочно, сами изволите знать-с!

Генерал состроил плаксивое лицо и махнул рукой.

– Да вы просто смеетесь, милостисдарь! — сказал он, скрываясь за дверью.

«Какие же тут насмешки? — подумал Червяков. — Вовсе тут нет никаких насмешек! Генерал, а не может понять! Чёрт с ним! Напишу ему письмо, а ходить не стану!»

Так думал Червяков, идя домой. Письма генералу он не написал. Думал, думал, и никак не выдумал этого письма. Пришлось на другой день идти самому объяснять.

– Я вчера приходил беспокоить ваше-ство, — забормотал он, когда генерал поднял на него вопрошающие глаза, — не для того, чтобы смеяться, как вы изволили сказать. Я извинялся за то, что, чихая, брызнул-с..., а смеяться я и не думал. Смею ли я смеяться? Ежели мы будем смеяться, так никакого тогда, значит, и уважения к персонам... не будет...

– Пошел вон!! — гаркнул вдруг посиневший и затрясшийся генерал.

– Что-с? — спросил шёпотом Червяков, млея от ужаса.

– Пошел вон!! — повторил генерал, затопав ногами.

В животе у Червякова что-то оторвалось. Ничего не видя, ничего не слыша, он попятился к двери, вышел на, улицу и поплелся... Придя машинально домой, не снимая вицмундира, он лег на диван и... помер.

Вопросы к тексту

1. По какой причине умер чиновник Червяков в рассказе «Смерть чиновника»?
2. Почему Чехов дал ему такую фамилию?
3. Какие черты подчинённого служащего высмеивает писатель?

Толстый и тонкий

Задание 1. Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова, запомните их.

Лосниться, навьючить, прищуренный — прищурить, ябеда —

ябедничать, окаменеть, съёжиться, благоговение, лобзать.

Репозиторий БГМУ

Задание 2. Прочитайте лексико-семантический комментарий к тексту.

Лютеранка — женщина, исповедующая лютеранство (протестантское вероисповедование, возникшее на основе учения Лютера, которое было направлено против католичества и римского папы).

Коллежский ассессор — в царской России: гражданский чин 8 класса, а также лицо, имеющее этот чин.

Вельможа — знатный и богатый сановник (устар.).

Тайный советник — название высшего гражданского чина в царской России.

На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что победил на вокзале, и губы его, подернутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком — его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом — его сын.

— Порфирий! — воскликнул толстый, увидев тонкого. — Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

— Батюшки! — изумился тонкий. — Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?

Приятели троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слез. Оба были приятно ошеломлены.

— Милый мой! — начал тонкий после лобызания. — Вот не ожидал! Вот сюрприз! Такой же красавец, как и был! Ах ты, господи! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат, как видишь... Это вот моя жена, Луиза, урождённая Ванценбах... лютеранка... А это сын мой, Нафанаил, ученик III класса. Это, Нафаня, друг моего детства! В гимназии вместе учились!

Нафанаил немного подумал и снял шапку.

— В гимназии вместе учились! — продолжал тонкий. — Помнишь, как тебя дразнили? Тебя дразнили за то, что ты казенную книжку папироской прожег, а меня за то, что я ябедничать любил. Хо-хо... Детьми были! Не бойся, Нафаня! Подойди к нему поближе... А это моя жена, урожденная Ванценбах... лютеранка.

Нафанаил немного подумал и спрятался за спину отца.

— Ну, как живешь, друг? — спросил толстый, восторженно гля-

дя на друга. — Служишь где? Дослужился?

— Служу, милый мой! Коллежским ассессором уже второй год и Станислава имею. Жалованье плохое... ну, да бог с ним! Жена уроки музыки дает, я портсигары приватно из дерева делаю. Отличные портсигары! По рублю за штуку продаю. Служил, знаешь, в департаменте, а теперь сюда переведён столоначальником. Здесь буду служить. Ну, а ты как? Небось, уже статский? А?

— Нет, милый мой, поднимай повыше, — сказал толстый. — Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею.

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съежился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съежились, поморщились... Длинный подбородок жены стал еще длиннее; Нафанаил вытянулся и застегнул все пуговицы своего мундира...

— Я, ваше превосходительство... Очень прият-но-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с.

— Ну, полно! — поморщился толстый. — Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства — и к чему тут это чинопочитание!

— Помилуйте... Что вы-с... — захихикал тонкий, еще более съеживаясь. — Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги...

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку.

Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: «хи-хи-хи». Жена улыбнулась. Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку. Все трое были приятно ошеломлены.

Вопрос к тексту

Какие черты человеческого характера порицает Чехов в «Толстом и тонком»?

Хамелеон

Задание 1. Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова, запомните их.

Ситцевый — ситец, крахмал — крахмальный, щенок, истребить, бешеный, намедни.

Задание 2. Прочитайте лексико-семантический комментарий к тексту.

Полицейский надзиратель — лицо, служащее в административном органе охраны государственной безопасности и занимающееся надзором за кем/чем-нибудь.

Городовой — в царской России: нижний чин городской полиции.

Крыжовник — колючий садовый кустарник с кисло-сладкими крупными ягодами, а также его ягоды.

Жилетка — короткая мужская одежда без воротника и рукавов, поверх которой надевается пиджак, сюртук, фрак, а также женская одежда такого фасона.

Будуар — приёмная комната хозяйки дома в барской квартире, в богатом доме, а также обстановка такой комнаты.

Задание 3. Объясните значение фразеологизмов.

Распускать руки, показать Кузькину мать.

Через базарную площадь идет полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городской с решетом, доверху наполненным конфискованным крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души...

— Так ты кусаться, окаянная? — слышит вдруг Очумелов. — Ребята, не пущай ее! Нынче не ведено кусаться! Держи!

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада, прыгая па трех ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится человек в ситцевой крахмальной рубаше и расстегнутой жилетке. Он бежит за ней, падает на землю и хватает собаку за задние лапы. Из лавок высовываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

— Никак беспорядок, ваше благородие!.. — говорит городской.

Очумелов шагает к сбору. Около самых ворот склада, видит он, стоит человек в расстегнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. В этом человеке Очумелов узнает золотых дел мастера Хрюкина. В центре толпы, растопырив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала — белый борзой щенок с острой мордой и желтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.

— По какому это случаю тут? — спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу. — Это ты зачем палец?.. Кто кричал?

— Иду я, ваше благородие, никого не трогаю... — начинает

Хрюкин, кашляя в кулак, — и вдруг эта подлая ни с того, ни с сего за палец... Вы меня извините, я человек, который работающий... Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть... Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

— Гм!.. Хорошо... — говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями. — Чья собака? Я этого так не оставлю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу Кузькину мать!.. Елдырин, — обращается надзиратель к городовому, — узнай, чья это собака, и составляй протокол! А собаку истребить надо. Немедля! Она наверное бешеная... Чья это собака, спрашиваю?

— Это, кажись, генерала Жигалова! — кричит кто-то из толпы.

— Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас как жарко! Должно полагать, перед дождем... Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? — обращается Очумелов к Хрюкину. — Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб сорвать. Ты ведь... известный народ!

— Он, ваше благородие, цыгаркой ей в харю для смеха, а она — не будь дура и тяпни...

— Врешь, кривой! Ежели я вру, так пушай мировой рассудит. У меня у самого брат в жандармах... ежели хотите знать...

— Нет, это не генеральская... — глубокомысленно замечает городовой. — У генерала таких нет. У него всё больше легавые...

— Ты это верно знаешь?

— Верно, ваше благородие...

— Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а эта — чёрт знает что! Ни шерсти, ни вида. И такую собаку держать?!.. Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого так не оставляй... Нужно проучить! Пора...

— А может быть, и генеральская... — думает вслух городовой. — На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видел.

— Вестимо, генеральская! — говорит голос из толпы.

— Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подуло... Знобит... Ты отведешь ее к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашел и прислал... И скажи, чтобы ее не выпускали на улицу... Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет

ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака — нежная тварь... А ты, болван, опусти руку! Нечего свой дурацкий палец выставлять! Сам виноват!..

— Повар генеральский идет, его спросим... Эй, Прохор! Погляди на собаку... Ваша?

— Выдумал! Этаких у нас отродясь не бывало!

— И спрашивать тут долго нечего, — говорит Очумелов. — Она бродячая! Истребить, вот и все.

— Это не наша, — продолжает Прохор. — Это генералова брата, что намеднись приехал. Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч...

— Да разве братец ихний приехали? Владимир Иваныч? — спрашивает Очумелов, и всё лицо его заливается улыбкой умиления. — Ишь ты, господи! А я и не знал! Погостить приехали?

— В гости...

— Ишь ты, господи... Соскучились по братце... Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми ее... Собачонка ничего себе... Шустрая такая... Цап этого за палец! Ха-ха-ха... Ну, чего дрожишь? Сердится, шельма... цуцык этакий...

Прохор зовет собаку и идет с ней от дровяного склада... Толпа хохочет над Хрюкиным.

— Я еще доберусь до тебя! — грозит ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.

Вопрос к тексту

Почему рассказ называется «Хамелеон»?

Филантроп

Задание 1. Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова, запомните их.

Роскошный, развалиться, рисоваться, ломить — руку ломит, расстроить, капризничать — капризный — капризное личико, искоса.

Задание 2. Прочитайте лексико-семантический комментарий к тексту.

Будуар — приёмная комната хозяйки дома в барской квартире, в богатом доме, а также обстановка в такой комнате.

Кушетка — небольшой диван с изголовьем, но без спинки.

В роскошном, затейливо убранном будуаре сидел доктор. Был полдень. Она, хорошенькая хозяйка, только что поднялась со своего ложа и, развалившись на мягкой кушетке, лениво потягивалась и вопросительно заглядывала в глаза доктора. Доктор, молодой человек лет двадцати шести, сидел vis-a-vis ее в задумчивой позе и хмурился.

«Негодяй я! — размышлял он, искоса поглядывая на личико сидевшей против него хорошенькой женщины. — Тысячу раз негодяй! Две недели я бегал за ней, надоедал ей, вертелся перед ней, как самый последний фат, рисовался, как дурак какой-нибудь... И что же? Я добился того, что она полюбила меня... Не проходит дня, чтобы она раза четыре не присылала за мной... Я заставил ее полюбить себя, но... разве я способен платить ей тем же? Несчастливая!»

«И для чего я добивался ее любви? — продолжал размышлять доктор. — Так... фатовства ради... Хотелось самолюбие свое пощекотать. Фаты и дураки любят побеждать женщин. Для чего им эти победы, они не спрашивают себя... Ну что я, например, буду делать с этой куклой? Бедная!»

— И правую руку ломит! — перебила дамочка докторские размышления. — Всю ночь ломило. И голова болела ночью...

— Гм... Так-с... А спали хорошо?

— Плохо... Шум в голове какой-то...

— Сердцебиение? — спросил от нечего делать доктор.

— Да, и сердцебиение, — соврала дамочка. — Вообще нервы ужасно расстроены. Не знаю, что и делать... Каждый день вас беспокою, и т. д.

Прошло полчаса в подобных расспросах и ответах. Наконец противно стало.

Доктор поднялся и взялся за шляпу.

— Движения нужно побольше, — сказал он. — Волнений избегайте... Летом за границу, пожалуй, на Кавказ... Завтра заеду.

Дамочка тоже поднялась и молча сунула в протянутую руку конверт. Он взял, не глядя на нее... Но он нечаянно взглянул в зеркало и увидел там... что маленькое, хорошенькое, капризное личико собиралось заплакать. Глазки, бедные голубые глазки, усиленно мигали и подергивались влагой. Губки сжимались от злости и досады.

«Несчастливая!» — подумал доктор, вздохнул и *сжалился* над нею...

– Попробуйте-ка принять эти пилюли, — пробормотал он. — Сейчас я пропишу...

Доктор сел, вырезал из белого листа бумажку для рецепта и, после рецептурного значка (Rp.), написал: «Быть сегодня в восемь часов вечера на углу Кузнецкого и Неглинной. Буду ждать».

Вопрос к тексту

Какой рецепт выписал врач пациентке в рассказе «Филантроп»?

Хирургия

Задание 1. Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова, запомните их.

Коренастый, зловоние, невежа, благодетель, предрассудок.

Задание 2. Прочитайте лексико-семантический комментарий к тексту.

Земская больница — больница в сельской местности.

Фельдшер — помощник врача, лицо со средним медицинским образованием.

Дьячок — низший церковный служитель в православной церкви.

Ряса — одежда служителя церкви.

Клирос — место для певчих в церкви на возвышении по обеим сторонам перед алтарём.

Задание 3. Объясните значение фразеологизмов.

Уйти восвояси, раз плюнуть, этакая оказия.

Земская больница. За отсутствием доктора, уехавшего жениться, больных принимает фельдшер, толстый человек лет сорока. На лице выражение чувства долга и приятности. Между указательным и средним пальцами левой руки — сигара, распространяющая зловоние.

В приёмную входит дьячок, высокий коренастый старик в коричневой рясе и с широким кожаным поясом. Правый глаз с бельмом и полузакрит, на носу бородавка, похожая издали на большую муху. Секунду дьячок ищет глазами икону и, не найдя таковой, крестится на бутылку с карболовым раствором.

– А-а-а... моё вам! — зевает фельдшер. — С чем пожаловали?

– С воскресным днём вас, Сергей Кузьмич... Истинно и правдиво в псалтыри сказано, извините: «Питие мое с плачем растворях».

Сел намедни со старухой чай пить — и силы моей нету! А кроме того, что в самом зубе, но и всю эту сторону... Так и ломит, так и ломит! В ухо отдаёт, извините, словно в нём гвоздик или другой какой предмет: так и стреляет, так и стреляет! За грехи, Сергей Кузьмич, за грехи! Отец иерей после литургии упрекает: «Поёшь, и ничего у тебя не разберёшь». А какое, судите, тут пение, ежели рта раскрыть нельзя, всё распухши, извините, и ночь не спавши...

– М-да... Садитесь... Раскройте рот!

Дьячок садится и раскрывает рот.

Фельдшер хмурится, глядит в рот и среди пожелтевших от времени и табаку зубов усматривает один зуб, украшенный зияющим дуплом.

– Отец диакон велели водку с хреном прикладывать — не могло. Дали на руку ниточку носить с Афонской горы да велели тёплым молоком зуб полоскать, а я, признаться, ниточку-то надел, а в отношении молока не соблюл: бога боюсь, пост...

– Предрассудок... *(пауза)*. Вырвать его нужно, Ефим Михеич!

– Вам лучше знать, Сергей Кузьмич. На то вы и обучены, чтоб это дело понимать как оно есть.

– Пустяки... — скромничает фельдшер, подходя к шкапу и роясь в инструментах. — Хирургия — пустяки... Тут во всём привычка, твёрдость руки... Раз плюнуть... Вырвать можно. Только тут понимать надо, без понятия нельзя... Зубы разные бывают. Один рвёшь щипцами, другой козьей ножкой, третий ключом... Кому как.

Фельдшер берёт козью ножку, минуту смотрит на неё вопросительно, потом кладёт и берёт щипцы.

– Ну-с, раскройте рот пошире... — говорит он, подходя с щипцами к дьячку. — Сейчас мы его... тово... Раз плюнуть... Десну подрезать только... тракцию сделать по вертикальной оси... и всё... *(подрезывает десну)* и всё...

– Благодетели вы наши... Нам, дуракам, и невдомёк, а вас господь просветил...

– Не рассуждайте, ежели у вас рот раскрыт... Этот легко рвать, а бывает так, что одни только корешки... Этот — раз плюнуть... *(накладывает щипцы)*. Пойдите, не дёргайтесь... Сидите неподвижно... В мгновение ока... *(делает тракцию)*. Главное, чтоб поглубже взять *(тянет)*... чтоб коронка не сломалась...

– Отцы наши... Мать пресвятая... Ввв... Да дёргай же, дёргай! Чего пять лет тянешь?

– Дело-то ведь... хирургия... Сразу нельзя... Вот, вот...

Дьячок поднимает колени до локтей, шевелит пальцами, выпучивает глаза, прерывисто дышит... На багровом лице его выступает пот, на глазах слёзы. Фельдшер сопит, топчется перед дьячком и тянет... Проходят мучительнейшие полминуты — и щипцы срываются с зуба. Дьячок вскакивает и лезет пальцами в рот. Во рту нащупывает он зуб на старом месте.

– Тянул! — говорит он плачущим и в то же время насмешливым голосом. — Чтоб тебя так на том свете потянуло! Благодарим покорно! Коли не умеешь рвать, так не берись! Света божьего не вижу...

– А ты зачем руками хватаешь? — сердится фельдшер. — Я тяну, а ты мне под руку толкаешь и разные глупые слова... Дура!

– Сам ты дура!

– Ты думаешь, мужик, легко зуб-то рвать? Возьмись-ка! Это не то, что на колокольню полез да в колокола отбарабанил!

– Света не вижу... Дай дух перевести... Ох! (*садится*). Не тяни только долго, а дёргай. Ты не тяни, а дёргай... Сразу!

– Учи учёного! Экий, господи, народ необразованный! Раскрой рот... Хирургия, брат, не шутка... Это не на клиросе читать... (*делает тракцию*). Не дёргайся... Зуб, выходит, застарелый, глубоко корни пустил... (*тянет*). Не шевелись... Так... так... Не шевелись... Ну, ну... (*слышен хрустящий звук*). Так и знал!

Дьячок сидит минуту неподвижно, словно без чувств. Он ошеломлён... Глаза его тупо глядят в пространство, на бледном лице пот.

– Было б мне козьей ножкой... — бормочет фельдшер. — Этакая оказия!

Придя в себя, дьячок суёт в рот пальцы и на месте больного зуба находит два торчащих выступа.

– Паршивый чёрт... — выговаривает он. — Насажали вас здесь на нашу погибель!

– Поругайся мне ещё тут... — бормочет фельдшер, кладя в шкаф щипцы. — Невежа...

Дьячок берёт со стола свою просфору и, придерживая щёку рукой, уходит восвояси...

Вопрос к тексту

Над какими отрицательными чертами врача мы смеёмся в рассказе «Хирургия»?

Лошадиная фамилия

Задание 1. Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова, запомните их.

Ковырять — поковырять, заговор — лечить заговором, шарлатан — шарлатанство, царапать, орать, лопается голова, сверлить, зеленеть, заговор.

Задание 2. Прочитайте лексико-семантический комментарий к тексту.

Ваше превосходительство — титулование некоторых высших чинов в буржуазном обществе.

Приказчик (устар.) — управляющий имением помещика.

Шарлатан — невежда, выдающий себя за знатока, грубый обманщик.

Задание 3. Объясните значение фразеологизмов.

Как рукой сняло, знает каждая собака, орать благим матом, пороть до полусмерти, лопается голова.

У отставного генерал-майора разболелись зубы. Он полоскал рот водкой, коньяком, прикладывал к больному зубу табачную копоть, опий, скипидар, керосин, мазал щёку йодом, в ушах у него была вата, смоченная в спирту, но всё это или не помогало, или вызывало тошноту. Приезжал доктор. Он поковырял в зубе, прописал хину, но и это не помогло. На предложение вырвать больной зуб генерал ответил отказом. Все домашние — жена, дети, прислуга, даже поварёнок Петька предлагали каждый своё средство. Приказчик пришёл к нему и посоветовал полечиться заговором.

— Тут в нашем уезде, ваше превосходительство, — сказал он, — десять лет назад служил Яков Васильич. Заговаривал зубы — первый сорт. Бывало, отвернётся к окошку, пошепчет, поплюёт — и как рукой! Сила ему такая дадена...

— Где же он теперь?

— А после того, как его увольнили, в Саратове у тёщи живёт. Теперь только зубами и кормится. Ежели у которого человека заболит зуб, то и идут к нему, помогает... Которые из других городов, то по телеграфу. Пошлите ему, ваше превосходительство, депешу, что так, мол, вот и так... А деньги за лечение почтой пошлёте.

– Ерунда! Шарлатанство!

– А вы попробуйте, ваше превосходительство. До водки очень охотник, живёт не с женой, а с немкой, но, можно сказать, чудодейственный господин!

– Пошли, Алёша! — взмолилась генеральша. — Ты вот не веришь в заговоры, а я на себе испытала. Руки ведь не отвалятся от этого.

– Ну, ладно, — согласился генерал. — Как к нему писать?

Генерал сел за стол и взял перо в руки.

– Его в Саратове каждая собака знает, — сказал приказчик. — Извольте писать, ваше превосходительство, в город Саратов, стало быть... Его благородию господину Якову Васильичу... Васильичу...

– Ну?

– Васильичу... Якову Васильичу... а по фамилии... А фамилию вот и забыл!.. Васильичу... Чёрт... Как же его фамилия? Давеча, как сюда шёл, помнил... Позвольте-с...

Приказчик поднял глаза к потолку и зашевелил губами. Генерал и генеральша ожидали нетерпеливо.

– Ну, что же? Скорей думай!

– Сейчас... Васильичу... Якову Васильичу... Забыл! Такая ещё простая фамилия... словно как бы лошадиная... Кобылин? Нет, не Кобылин. Постойте... Жеребцов нешто? Нет, не Жеребцов. Помню, фамилия лошадиная, а какая — из головы вышибло...

– Жеребятников?

– Никак нет. Постойте... Кобылицын... Кобылятников... Кобелев...

– Это уж собачья, а не лошадиная. Жеребчиков?

– Нет, и не Жеребчиков... Лошаднин... Лошаков... Жеребкин... Всё не то!

– Ну, так как же я буду ему писать? Ты подумай!

– Сейчас. Лошадкин... Кобылкин... Коренной...

– Коренников? — спросила генеральша.

– Никак нет. Пристяжкин... Нет, не то! Забыл!

– Так зачем же ты, чёрт тебя возьми, с советами лезешь, ежели забыл? — рассердился генерал. — Ступай отсюда вон!

Иван Евсеич медленно вышел, а генерал схватил себя за щёку и заходил по комнатам.

– Ой, батюшки! — вопил он. — Ох, света белого не вижу!

Приказчик вышел в сад и, подняв к небу глаза, стал припоминать фамилию:

– Жеребчиков... Жеребковский... Жеребенко... Нет, не то! Лошадинский... Лошадевич... Жеребкович... Кобылянский...

Немного погодя его позвали к господам.

– Вспомнил? — спросил генерал.

– Никак нет, ваше превосходительство.

– Может быть, Конявский? Лошадников? Нет?

И в доме, все наперерыв, стали изобретать фамилии. Перебрали все возрасты, полы и породы лошадей, вспомнили гриву, копыта, сбрую... В доме, в саду, в людской и кухне люди ходили из угла в угол и, почёсывая лбы, искали фамилию...

Приказчика то и дело требовали в дом.

– Табунов? — спрашивали у него. — Копытин? Жеребовский?

– Никак нет, — отвечал Иван Евсеич и, подняв вверх глаза, продолжал думать вслух. — Коненко... Конченко... Жеребеев... Кобылеев...

– Папа! — кричали из детской. — Тройкин! Уздечкин!

Взбудоражилась вся усадьба. Нетерпеливый, замученный генерал пообещал дать пять рублей тому, кто вспомнит настоящую фамилию, и за Иваном Евсеичем стали ходить целыми толпами...

– Гнедов! — говорили ему. — Рысистый! Лошадицкий!

Но наступил вечер, а фамилия всё ещё не была найдена. Так и спать легли, не послав телеграммы.

Генерал не спал всю ночь, ходил из угла в угол и стонал... В третьем часу утра он вышел из дому и постучался в окно к приказчику.

– Не Меринов ли? — спросил он плачущим голосом.

– Нет, не Меринов, ваше превосходительство, — ответил Иван Евсеич и виновато вздохнул.

– Да может быть, фамилия не лошадиная, а какая-нибудь другая!

– Истинно слово, ваше превосходительство, лошадиная... Это очень даже отлично помню.

– Экий ты какой, братец, беспамятный... Для меня теперь эта фамилия дороже, кажется, всего на свете. Замучился!

Утром генерал опять послал за доктором.

– Пускай рвёт! — решил он. — Нет больше сил терпеть...

Приехал доктор и вырвал больной зуб. Боль утихла, и генерал успокоился. Доктор сел в свою бричку и поехал домой. За воротами в поле он встретил Ивана Евсеича... Приказчик стоял на краю дороги и, глядя сосредоточенно себе под ноги, о чём-то думал. Судя по мор-

щинам, бороздившим его лоб, и по выражению глаз, думы его были напряжённые, мучительны...

– Буланов... Чересседельников... — бормотал он. — Засупонин... Лошадский...

– Иван Евсеич! — обратился к нему доктор. — Не могу ли я, голубчик, купить у вас четвертей пять овса?

Иван Евсеич тупо поглядел на доктора, как-то дико улыбнулся и, не сказав в ответ ни одного слова, всплеснув руками, побежал к усадьбе с такой быстротой, точно за ним гналась бешеная собака.

– Надумал, ваше превосходительство! — закричал он радостно, не своим голосом, влетая в кабинет к генералу. — Овсов! Овсов фамилия! Посылайте депешу Овсову!

– На-кося! — сказал генерал с презрением и поднёс к лицу его два кукиша. — Не нужно мне теперь твоей лошадиной фамилии! На-кося!

Вопросы к тексту

1. Какие «лошадиные» фамилии вы узнали из рассказа «Лошадиная фамилия»?
2. С какой целью они изобретались?
3. Как закончился рассказ «Лошадиная фамилия»?

Анюта

Задание 1. Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова, запомните их.

Вышивать — вышивание, комок — комкать — скомкать, табурет, рояльные клавиши, татуировать — татуированный, мудрено, сконфузиться.

Задание 2. Прочитайте лексико-семантический комментарий к тексту.

Зубрить — заучивать бессмысленно, без отчётливого понимания.

Штудировать — тщательно изучать.

Натурщик — человек, позирующий перед художником за плату.

Эстетик — специалист по эстетике.

В самом дешёвом номерке меблированных комнат «Лиссабон» из угла в угол ходил студент-медик 3-го курса, Степан Клочков, и усердно зубрил свою медицину. От неустанной, напряжённой зуб-

рячки у него пересохло во рту и выступил на лбу пот.

У окна, подёрнутого у краёв ледяными узорами, сидела на табу- рете его жилища, Анюта, маленькая, худенькая брюнетка лет 25, очень бледная, с кроткими серыми глазами. Согнувши спину, она вышивала красными нитками по воротнику мужской сорочки. Работа была спешная... Коридорные часы сипло пробили два пополудни, а в номерке ещё не было убрано. Скомканное одеяло, разбросанные подушки, книги, платье, большой грязный таз, наполненный мыльными помоями, в которых плавали окурки, сор на полу — всё, казалось, было свалено в одну кучу, нарочно перемешано, скомкано...

— Правое лёгкое состоит из трёх долей... — зубрил Клочков. — Границы! Верхняя доля на передней стенке груди достигает до 4–5 рёбер, на боковой поверхности до 4-го ребра... назади до *spina scapulae*...

Клочков, силясь представить себе только что прочитанное, поднял глаза к потолку. Не получив ясного представления, он стал прощупывать у себя сквозь жилетку верхние рёбра.

— Эти рёбра похожи на рояльные клавиши, — сказал он. — Чтобы не спутаться в счёте, к ним непременно нужно привыкнуть. Придётся поштудировать на скелете и на живом человеке... А ну-ка, Анюта, дай-ка я ориентируюсь!

Анюта оставила вышиванье, сняла кофточку и выпрямилась. Клочков сел против неё, нахмурился и стал считать её рёбра.

— Гм... Первое ребро не прощупывается... Оно за ключицей... Вот это будет второе ребро... Так-с... Это вот третье... Это вот четвёртое... Гм... Так-с... Что ты жмёшься?

— У вас пальцы холодные!

— Ну, ну... не умрёшь, не вертись... Стало быть, это третье ребро, а это четвёртое... Тощая ты такая на вид, а рёбра едва прощупываются. Это второе... это третье... Нет, этак спутаешься и не представишь себе ясно... Придётся нарисовать. Где мой уголёк?

Клочков взял уголёк и начертил им на груди у Анюты несколько параллельных линий, соответствующих рёбрам.

— Превосходно. Всё как на ладони... Ну-с, а теперь и постучать можно. Встань-ка!

Анюта встала и подняла подбородок. Клочков занялся выстукиванием и так погрузился в это занятие, что не заметил, как губы, нос и пальцы у Анюты посинели от холода. Анюта дрожала и боялась, что медик, заметив её дрожь, перестанет чертить углём и стучать, и

потом, пожалуй, дурно сдаст экзамен.

— Теперь всё ясно, — сказал Клочков, перестав стучать. — Ты сиди так и не стирай угля, а я пока подзубрю ещё немножко.

И медик опять стал ходить и зубрить. Анюта, точно татуированная, с чёрными полосами на груди, съёжившись от холода, сидела и думала. Она говорила вообще очень мало, всегда молчала и всё думала, думала...

За все шесть-семь лет её шатания по меблированным комнатам, таких, как Клочков, знала она человек пять. Теперь все они уже кончили курсы, вышли в люди и, конечно, как порядочные люди, давно уже забыли её. Один из них живёт в Париже, два докторами, четвёртый художник, а пятый даже, говорят, уже профессор. Клочков — шестой... Скоро и этот кончит курс, выйдет в люди. Несомненно, будущее прекрасно, и из Клочкова, вероятно, выйдет большой человек, но настоящее совсем плохо: у Клочкова нет табаку, нет чаю, и сахару осталось четыре кусочка. Нужно как можно скорее оканчивать вышиванье, нести к заказчице и потом купить на полученный четвертак и чаю и табаку.

— Можно войти? — послышалось за дверью.

Анюта быстро накинула себе на плечи шерстяной платок. Вошёл художник Фетисов.

— А я к вам с просьбой, — начал он, обращаясь к Клочкову. — Сделайте одолжение, одолжите мне вашу прекрасную девицу часика на два! Пишу, видите ли, картину, а без натурщицы никак нельзя!

— Ах, с удовольствием! — согласился Клочков. — Ступай, Анюта.

— Чего я там не видела! — тихо проговорила Анюта.

— Ну, полно! Человек для искусства просит, а не для пустяков каких-нибудь. Отчего не помочь, если можешь?

Анюта стала одеваться.

— А что вы пишете? — спросил Клочков.

— Психею. Хороший сюжет, да всё как-то не выходит; приходится всё с разных натурщиц писать. Вчера писал одну с синими ногами. Почему, спрашиваю, у тебя синие ноги? Это, говорит, чулки линяют. А вы всё зубрите! Счастливый человек, терпение есть.

— Медицина такая штука, такая штука, что никак нельзя без зубрячки.

— Гм... Извините, Клочков, но вы ужасно по-свински живёте! Чёрт знает как живёте!

– То есть как? Иначе нельзя жить... От бабки я получаю только двенадцать в месяц, а на эти деньги мудрено жить порядочно.

– Так-то так... — сказал художник и брезгливо поморщился, — но можно всё-таки лучше жить... Развитой человек обязательно должен быть эстетиком. Не правда ли? А у вас тут чёрт знает что! Постель не прибрана, помои, сор... вчерашняя каша на тарелке... тьфу!

– Это правда, — согласился медик и сконфузился, — но Анюте некогда было сегодня убрать. Всё время занята.

Когда художник и Анюта вышли, Клочков лёг на диван и стал зубрить лёжа, потом нечаянно уснул и, проснувшись через час, подпер голову кулаками и мрачно задумался. Ему вспомнились слова художника о том, что развитой человек обязательно должен быть эстетиком, и его обстановка в самом деле казалась ему теперь противной, отталкивающей. Он точно бы провидел умственным оком то своё будущее, когда он будет принимать своих больных в кабинете, пить чай в просторной столовой, в обществе жены, порядочной женщины, — и теперь этот таз с помоями, в котором плавали окурки, имел вид до невероятия гадкий. Анюта тоже представлялась некрасивой, неряшливой, жалкой... И он решил расстаться с ней, немедленно, во что бы то ни стало.

Когда она, вернувшись от художника, снимала шубу, он поднялся и сказал ей серьёзно:

– Вот что, моя милая... Садись и выслушай. Нам нужно расстаться! Одним словом, жить с тобою я больше не желаю.

Анюта вернулась от художника такая утомлённая, изнеможённая. Лицо у неё от долгого стояния на натуре осунулось, похудело, и подбородок стал острее. В ответ на слова медика она ничего не сказала, и только губы у неё задрожали.

– Согласись, что рано или поздно нам всё равно пришлось бы расстаться, — сказал медик. — Ты хорошая, добрая, и ты не глупая, ты поймёшь...

Анюта опять надела шубу, молча завернула своё вышиванье в бумагу, собрала нитки, иголки; свёрток с четырьмя кусочками сахара нашла на окне и положила на столе возле книг.

– Это ваше... сахар... — тихо сказала она и отвернулась, чтобы скрыть слёзы.

– Ну, что же ты плачешь? — спросил Клочков.

Он прошёлся по комнате в смущении и сказал:

– Странная ты, право... Сама ведь знаешь, что нам необходимо

расстаться. Не век же нам быть вместе.

Она уже забрала все свои узелки и уже повернулась к нему, чтобы проститься, и ему стало жаль её.

«Разве пусть ещё одну неделю поживёт здесь? — подумал он. — В самом деле, пусть ещё поживёт, а через неделю я велю ей уйти».

И, досадуя на свою бесхарактерность, он крикнул ей сурово:

– Ну, что же стоишь? Уходить, так уходить, а не хочешь, так снимай шубу и оставайся! Оставайся!

Анюта сняла шубу, молча, потихоньку, потом высморкалась, тоже потихоньку, вздохнула и бесшумно направилась к своей постоянной позиции — к табурету у окна.

Студент потянул к себе учебник и опять заходил из угла в угол.

– Правое лёгкое состоит из трёх долей... — зубрил он. — Верхняя доля на передней стенке груди достигает до 4-5 рёбер...

А в коридоре кто-то кричал во всё горло:

– Григорий, самовар!

Вопросы-тесты к тексту

1. Какой вам представляется героиня этого рассказа Анюта?
 - а) жизнерадостной;
 - б) кроткой и покорной;
 - в) наглой.
2. В каких взаимоотношениях была Анюта со студентом-медиком Степаном Клочковым?
 - а) снимала комнату у студента-медика;
 - б) была его сестрой;
 - в) была его женой.
3. По каким высказываниям можно судить, что студент Клочков бесчувственный человек и в будущем будет невнимательным врачом?
 - а) рёбра похожи на рояльные клавиши;
 - б) не умрёшь, не вертись;
 - в) придётся поштудировать на скелете и на живом человеке.
4. Чем чертил рёбра на теле Анюты студент-медик 3-го курса Степан Клочков, изучая грудной каркас?
 - а) мелом;
 - б) чернилами;
 - в) угольком.
5. Почему Анюта согласилась позировать для картины художнику Фетисову?
 - а) нравилось позировать для картины;

- б) нравился художник;
 - в) боялась оказаться на улице, если послушается студента-медика и не пойдёт к художнику.
6. Почему Степан Клочков так «ужасно по-свински живёт»?
- а) «Иначе нельзя жить... От бабки я получаю только двенадцать в месяц, а на эти деньги мудроно жить порядочно»;
 - б) Аня не убирает в комнате;
 - в) студент сам не следит за чистотой в комнате.
7. Какие чувства вызывает у вас героиня рассказа «Аня»?
- а) зависть;
 - б) жалость и тревогу;
 - в) радость.

Спать хочется

Задание 1. Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова, запомните их.

Осипнуть, изнеमочь, униматься, слипаться, одеревенеть, сверчок.

Задание 2. Прочитайте лексико-семантический комментарий к тексту.

Лампада — небольшой сосуд с фитилём, наполняемый маслом и зажигаемый перед иконами.

Образ — то же, что икона.

Колыбель — род качающейся кроватки, в которой укачивают ребёнка.

Щи — жидкое кушанье, род супа из капусты или щавеля.

Лучина — тонкая длинная щепка (колоть лучину).

Ночь. Нянька Варька, девочка лет тринадцати, качает колыбель, в которой лежит ребёнок, и чуть слышно мурлычет:

Баю-баюшки-баю,
А я песенку спою...

Перед образом горит зелёная лампадка; через всю комнату от угла до угла тянется верёвка, на которой висят пелёнки. От лампадки ложится на потолок большое зелёное пятно, а пелёнки бросают длинные тени на печку, колыбель, на Варьку... Когда лампадка начинает мигать, пятно и тени оживают и приходят в движение, как от ветра. Душно.

Ребёнок плачет, кричит, и неизвестно, когда он уймётся. А Варьке хочется спать. Глаза её слипаются, голову тянет вниз, шея болит. Она не может шевельнуть ни веками, ни губами, и ей кажется, что лицо её высохло и одеревенело, что голова стала маленькой, как булавочная головка.

– Баю-баюшки-баю, — мурлычет она, — тебе каши наварю...

Лампадка мигает. Зелёное пятно и тени приходят в движение, лезут в полуоткрытые, неподвижные глаза Варьки и в её наполовину уснувшем мозгу складываются в туманные грёзы. Она видит тёмные облака, которые гоняются друг за другом и кричат, как ребёнок. Но вот подул ветер, пропали облака, и Варька видит широкое шоссе, покрытое жидкою грязью; по шоссе тянутся обозы, плетутся люди, носятся назад и вперёд какие-то тени; по обе стороны сквозь холодный, суровый туман видны леса. Вдруг люди падают на землю в жидкую грязь. «Зачем это?» — спрашивает Варька. «Спать, спать!» — отвечают ей. И они засыпают крепко, спят сладко.

– Баю-баюшки-баю, а я песенку спою... — мурлычет Варька и уже видит себя в тёмной, душной избе.

На полу ворочается её покойный отец. Она не видит его, но слышит, как он катается от боли по полу и стонет. У него, как он говорит, «разыгралась грыжа». Боль так сильна, что он не может выговорить ни одного слова.

Мать Пелагея побежала в усадьбу к господам сказать, что муж помирает. Слышно, кто-то подъехал к избе. Доктор входит в избу.

– Засветите огонь, — говорит он.

– Бу-бу-бу... — отвечает Ефим.

Пелагея бросается к печке и начинает искать черепок со спичками. Проходит минута в молчании. Доктор, порывшись в карманах, зажигает свою спичку.

– Сейчас, батюшка, сейчас, — говорит Пелагея, бросается вон из избы и, немного погодя, возвращается с огарком.

Щёки у Ефима розовые, глаза блестят и взгляд как-то особенно остр, точно Ефим видит насквозь и избу, и доктора.

– Ну, что? Что ты это выдумал? — говорит доктор, нагибаясь к нему. — Эге! Давно это у тебя?

– Чего-с? Помирать, ваше благородие, пришло время... Не быть мне в живых...

– Вылечим!

Доктор с четверть часа возится с Ефимом; потом поднимается и

говорит:

– Я ничего не могу поделать... Тебе нужно в больницу ехать, там тебе операцию сделают. Сейчас же поезжай... Непременно поезжай! Немножко поздно, в больнице все уже спят, но это ничего, я тебе записочку дам. Слышишь?

– Батюшка, да на чём же он поедет? — говорит Пелагея. — У нас нет лошади.

– Ничего, я попрошу господ, они дадут лошадь.

Доктор уходит, свеча тухнет. Спустя полчаса к избе кто-то подъезжает. Это господа прислали тележку, чтобы ехать в больницу. Ефим собирается и едет...

Но вот наступает хорошее, ясное утро. Пелагеи нет дома: она пошла в больницу узнать, что делается с Ефимом. Где-то плачет ребёнок, и Варька слышит, как кто-то её голосом поёт:

– Баю-баюшки-баю, а я песенку спою...

Возвращается Пелагея; она крестится и шепчет:

– Ночью вправили ему, а к утру богу душу отдал... Царство небесное, вечный покой... Сказывают, поздно захватили... Надо бы раньше...

Варька идёт в лес и плачет там, но вдруг кто-то бьёт её по затылку с такой силой, что она стучается лбом о берёзу. Она поднимает глаза и видит перед собой хозяина-сапожника.

– Ты что же это, паршивка? — говорит он. — Дитё плачет, а ты спишь?

Он больно треплет её за ухо, а она встряхивает головой, качает колыбель и мурлычет свою песню.

– Поддай сюда ребёнка! — отвечает ей чей-то знакомый голос. — Поддай сюда ребёнка! — повторяет тот же голос, но уже сердито и резко. — Спишь, подлая?

Варька вскакивает и, оглядевшись, понимает, в чём дело: нет ни шоссе, ни Пелагеи, ни встречных, а стоит посреди комнатки одна только хозяйка, которая пришла покормить своего ребёнка. Пока толстая, плечистая хозяйка кормит и унимает ребёнка, Варька стоит, глядит на неё и ждёт, когда она кончит. А за окнами уже синееет воздух, тени и зелёное пятно на потолке заметно бледнеют. Скоро утро.

– Возьми! — говорит хозяйка, застёгивая на груди сорочку. — Плачет. Должно, сглазили.

Варька берёт ребёнка, кладёт его в колыбель и опять начинает качать. А спать хочется по-прежнему, ужасно хочется! Варька кладёт

голову на край колыбели и качается всем туловищем, чтобы пересилить сон, но глаза всё-таки слипаются и голова тяжела.

– Варька, затопи печку! — раздаётся за дверью голос хозяина.

Значит, уже пора вставать и приниматься за работу. Варька оставляет колыбель и бежит в сарай за дровами. Она рада. Когда бегаешь и ходишь, спать уже не так хочется, как в сидячем положении. Она приносит дрова, топит печь и чувствует, как расправляется её одеревеневшее лицо и как проясняются мысли.

– Варька, поставь самовар! — кричит хозяйка.

Варька колет лучину, но едва успевает зажечь их и сунуть в самовар, как слышится новый приказ:

– Варька, почисти хозяину калоши!

Она садится на пол, чистит калоши и думает, что хорошо бы сунуть голову в большую, глубокую калошу и подремать в ней немножко... И вдруг калоша растёт, пухнет, наполняет собой всю комнату. Варька роняет щётку, но тотчас же встряхивает головой, пучит глаза и старается глядеть так, чтобы предметы не росли и не двигались в её глазах.

– Варька, помой снаружи лестницу, а то от заказчиков совестно!

Варька моет лестницу, убирает комнаты, потом топит другую печь и бежит в лавочку. Работы много, нет ни одной минуты свободной.

Но ничто так не тяжело, как стоять на одном месте перед кухонным столом и чистить картошку. Голову тянет к столу, картошка рябит в глазах, нож валится из рук, а возле ходит толстая, сердитая хозяйка с засученными рукавами и говорит так громко, что звенит в ушах. Мучительно также прислуживать за обедом, стирать, гладить, шить. Бывают минуты, когда хочется, ни на что не глядя, повалиться на пол и спать.

День проходит. Вечерняя мгла ласкает её слипающиеся глаза и обещает ей скорый, крепкий сон. Вечером к хозяевам приходят гости.

– Варька, ставь самовар! — кричит хозяйка.

Самовар у хозяев маленький, и, прежде чем гости напиваются чаю, приходится подогревать его раз пять. После чаю Варька стоит целый час на одном месте, глядит на гостей и ждёт приказаний.

– Варька, покачай ребёнка! — раздаётся последний приказ.

А ребёнок кричит и изнемогает от крика. Варька видит опять грязное шоссе, людей с котомками, Пелагею, отца Ефима. Она всё понимает, всех узнаёт, но сквозь полусон она не может только никак

понять той силы, которая сковывает её по рукам и ногам, давит её и мешает ей жить. Варька оглядывается, ищет эту силу, чтобы избавиться от неё, но не находит. Прислушавшись к крику, находит врага, мешающего ей жить.

Этот враг — ребёнок.

Она смеётся. Ей удивительно: как это раньше она не могла понять такого пустяка?

Ложное представление овладевает Варькой. Она встаёт с табурета и, широко улыбаясь, не мигая глазами, прохаживается по комнате. Ей приятно и щекотно от мысли, что она сейчас избавится от ребёнка, сковывающего её по рукам и ногам... Убить ребёнка, а потом спать, спать, спать...

Варька подкрадывается к колыбели и наклоняется к ребёнку. Задушив его, он быстро ложится на пол, смеётся от радости, что ей можно спать, и через минуту спит уже крепко, как мёртвая...

Вопросы к тексту

1. Почему тринадцатилетняя девочка Варька задушила ребёнка?
2. Как Чехов изображает в рассказе «Спать хочется» непосильный детский труд?

Грамматические задания:

Задание 1. Трансформируйте простые предложения в сложные и наоборот.

1. *Будь этот господин у нас во Франции*, его показывали бы за деньги.
2. Пора обратить внимание на господ, *не желающих подчиниться постановлению*.
3. За отсутствием доктора, *уехавшего жениться*, больных принимает фельдшер.

Задание 2. Преобразуйте прямую речь в косвенную.

1. — Откуда ты? — удивились родители. — Что с тобой?
2. Сестра спросила: «Что с тобой? На тебе лица нет».
3. — Чего вы смеётесь? — удивился герой.
4. — Не пойти ли нам домой? — спрашиваю я. — А мне нравится кататься, — говорит Варенька. — Не проехать ли нам ещё раз?
5. — Пустяки, — говорит фельдшер. — Тут во всём привычка нужна, твёрдость руки.
6. — Иван Евсеич, — обратился к нему доктор, — не могу ли я купить у Вас овса?
7. — Это ужасно, — стонет он. — Я умираю.

Задание 3. Найдите вводные слова и словосочетания. Замените их синонимичными.

1. Я собираюсь в Петербург надолго, может быть.
2. К великому удивлению Пуркуа, все вокруг поглощали огромное количество еды.
3. Боже мой, он всё съел!
4. Порядки, нечего сказать.
5. Должно полагать, перед дождём.
6. Загадка, видимо, не даёт ей покоя.
7. Как видите, не даёт ей покоя.
8. Как, однако, много подают в русских ресторанах.

Задание 4. Найдите однородные члены предложения, определите их.

1. В доме, в саду, в людской люди ходили из угла в угол и, почёсывая лбы, искали фамилии.
2. Он держится обеими руками за правую щёку, бегаёт из угла в угол и орёт благим матом.
3. Кто-то вошёл и тихими, робкими шагами направился к дивану.
4. Но мужчины так же слабы, как и женщины.
5. Это вопрос самолюбия, чести, жизни, счастья.

Задание 5. Поставьте вопросы к придаточным предложениям.

1. А теперь мне, когда я стал старше, уже непонятно, зачем я говорил эти слова, для чего шутил.
2. Я добился того, что она полюбила меня.
3. Ежели что случится, сейчас всё известно, ничего не скроется.
4. Она ждёт, не скажу ли я ей тех слов.
5. Страх, пока она катится вниз, отнимает у неё способность различать звуки, понимать.

Задание 6. Вставьте частицы НЕ или НИ.

1. На площади н... души.
2. Н...шерсти, н... вида.
3. Н...как беспорядок.
4. Н...кого не трогало.
5. Лучше и н... жить на свете.
6. Как бы н... был растяжим желудок, он н... может растянуться до пределов живота.
7. Н... может быть.
8. Н... за что не пришёл бы сюда.

Враги

Задание 1. Прочитайте краткое содержание рассказа А. П. Чехова «Враги».

Героями рассказа «Враги» являются земский врач Кирилов и помещик Абогин. Доктору 44 года, у него впалые щёки, преждевременные морщины, серый цвет кожи, небрежные манеры. Кирилов очень нуждается. Абогин — плотный, солидный блондин, одетый по последней моде. Их свело вместе несчастье: у доктора умер шестилетний сын, а у помещика внезапно заболела жена.

Абогин приезжает за врачом. Доктор не может ехать к помещику: в его доме произошла трагедия. Кирилов упрощает Абогина отменить визит, но всё же едет, несмотря на смерть ребёнка. Поворот сюжета неожиданный. Болезнь жены Абогина оказалась притворством: жена убежала с любовником. Поняв случившееся, доктор приходит в ярость. Происходит сцена разрыва между людьми, внезапно возненавидевшими друг друга. Трагедия Кирилова несопоставима с горем Абогина. Потому и вражда значительно глубже, чем вражда между двумя обыкновенными людьми. Возвращаясь домой, Кирилов осуждает Абогина, его жену, всех живущих праздной жизнью, которую он ненавидел и презирал до боли в сердце.

Задание 2. Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова, запомните их.

Полумесяц; сутулый; презрительно; неряшливый; оскорбить; мало-помалу; контрабас; тромбон; плеск; обжигать — обжечь, обожжённый; исстрадаться; стискивать — стиснуть; истукан; пятиться — попятиться; задрапировать; в потемках; встрепенуться; осанка; низость; подлость, подло; негодование; изнемогать — изнемогать, изнеможение; пошлость, пошлый; припадать — припасть; самопожертвование; великодушие; сонливо; роса, росинка; слеза; поблёкший; умолять — умолить; угрюмо; апатия, апатично; апломб; солидный; роскошь; исковерканный; скомканный; фортель; беситься; комедия; мелодрама; издеваться; взвизгнуть; чёрствость; баритон; гостиная; изящество; брызнуть; бутафория; колпак; набожный; поссориться.

Задание 3. Прочитайте лексико-семантический комментарий к тексту.

Земский врач — врач в сельской местности.

Карболка (разг.) — дезинфицирующая жидкость — раствор карболовой кислоты.

Фельдшер — помощник врача, лицо со средним медицинским образованием.

Верста — старая русская мера длины, равная 1,06 км.

Крыльцо — вход в дом в виде наружной пристройки с площадкой под навесом, со ступенькой или лестницей.

Милостивый государь (*устар.*) — в дореволюционной России вежливая форма обращения к мужчине.

Сюртук — мужская двубортная одежда в талию с длинными полами, модная в XIX веке.

Жилетка — мужская одежда без воротников и рукавов, поверх которой одевается пиджак.

Кашне — шейный шарф.

Аневризма — расширение участка артерии в виде цилиндра (мед.).

Ошеломить — крайне удивить, внезапно озадачить.

Передняя — нежилое, первое от входа помещение в квартире, прихожая. **Склянка** — небольшой стеклянный сосуд с горлышком.

Суматоха — беспорядочная беготня.

Глумиться — издеваться.

Чёрствость — бездушие, отсутствие в человеке мягкости, отзывчивости.

Карета — большой закрытый четырёхколёсный конный экипаж на рессорах.

Заложить карету — запрячь, впрячь лошадей в карету.

Коляска — рессорный четырёхколёсный экипаж с откидным верхом.

Подать коляску — доставить, привести к месту чьей-нибудь посадки.

Экипаж — лёгкая, не грузовая рессорная повозка, коляска.

Лакей — (*здесь*) человек, который раболепствует перед кем-то.

Кучер — работник, который правил лошадьми в экипаже, коляске или карете.

Исковерканный — испорченный, изменённый до неузнаваемости.

Задание 4. Объясните выражения.

Стоять в раздумье, поникнуть головой, тащить за шиворот, изливать душу, до самой могилы, беситься с жиру, шулерский фокус, змеиная игра, разоблачать семейные тайны, невыразительное лицо, жениться с жиру, жить в розовом полумраке, угловатые манеры.

Задание 5. Объясните значение выражений и слов и составьте с ними предложения.

Принимать близко к сердцу; подавать повод (кому?); быть не в духе; играть «в тёмную» (с кем? с чем?); заронить в душу (что?); ска-

зять не ради красного словца; изливать душу (кому? перед кем?); разводить руками; рисковать (чем?); упрекать (кого? в чём?); издеваться (над кем?); подчиняться (кому?); намекать (на что?); вслушиваться (во что?); наносить оскорбление (кому?); высматривать (кого? что?); всматриваться (во что?); обвинять (кого? в чём?).

Задание 6. Подберите антонимы к словам.

Бодрый — ... Глубокий — ...

Чёрствый — ... Ясный — ...

Грубый — ... Скучный — ...

Трусливый — ... Суровый — ...

Задание 7. Прочитайте текст. Обратите внимание на то, как меняется эмоциональное состояние героев.

В десятом часу тёмного сентябрьского вечера у земского доктора Кирилова скончался от дифтерита его единственный сын, шестилетний Андрей. Когда докторша опустила на колени перед кроваткой умершего ребёнка и ею овладел первый приступ отчаяния, в передней резко прозвучал звонок.

По случаю дифтерита вся прислуга ещё с утра была выслана из дому. Кирилов, как был, без сюртука, в расстёгнутой жилетке, не вытирая мокрого лица и рук, обожжённых карболкой, пошёл сам открывать дверь. В передней было темно, и в человеке, который вошёл, можно было различить только средний рост, белое кашне и большое чрезвычайно бледное лицо, такое бледное, что казалось, от появления этого лица в передней стало светлее...

— Доктор у себя? — быстро спросил вошедший.

— Я дома, — ответил Кирилов. — Что вам угодно?

— А, это вы? Очень рад! — обрадовался вошедший и стал искать в потёмках руку доктора, нашёл её и крепко стиснул в своих руках.

— Очень... очень рад! Мы с вами знакомы! Я — Абогин... имел удовольствие видеть вас летом у Гнучева. Очень рад, что застал... Бога ради, не откажите поехать сейчас со мной... У меня опасно заболела жена... И экипаж со мной...

По голосу и движениям вошедшего заметно было, что он находился в сильно возбуждённом состоянии.

— Я боялся не застать вас, — продолжал он. — Пока ехал к вам, исстрадался душой... Одевайтесь и едьте, ради бога... Произошло это таким образом. Приезжает ко мне Папчинский, Александр Семё-

нович, которого вы знаете... Поговорили мы... потом сели чай пить; вдруг жена вскрикивает, хватая себя за сердце и падает... спиртом тёр ей виски и водой брызгал... лежит, как мёртвая... Боюсь, что это аневризма... Поедемте... У неё и отец умер от аневризмы...

Кирилов слушал и молчал, как будто не понимал русской речи.

Когда Абогин ещё раз упомянул про Папчинского и про отца своей жены и ещё раз начал искать в потёмках руку, доктор встряхнул головой и сказал, апатично растягивая каждое слово:

– Извините, я не могу ехать... Минут пять назад у меня... умер сын...

– Неужели? — прошептал Абогин, делая шаг назад. — Боже мой, в какой недобрый час я попал! Удивительно несчастный день... удивительно! Какое совпадение... и как нарочно!

Абогин взялся за ручку двери и в раздумье поник головой. Он, видимо, колебался и не знал, что делать: уходить или продолжать просить доктора.

– Послушайте, — горячо сказал он, хватая Кирилова за рукав, — я отлично понимаю ваше положение! Видит бог, мне стыдно, что я в такие минуты пытаюсь овладеть вашим вниманием, но что же мне делать? Судите сами, к кому я поеду? Ведь, кроме вас, здесь нет другого врача. Поедемте ради бога! Не за себя я прошу... Не я болен!

Наступило молчание. Кирилов повернулся спиной к Абогину, постоял и медленно вышел из передней.

Он остановился около жены, засунул руки в карманы брюк и, склонив голову набок, устремил взгляд на сына. Лицо его выражало равнодушие, только по росинкам, блестевшим на его бороде, и заметно было, что он недавно плакал...

Постояв около жены минут пять, он, высоко поднимая правую ногу, из спальни прошёл в маленькую комнату, наполовину занятую большим широким диваном; отсюда прошёл в кухню. Поблуждав около печки и кухаркиной постели, он нагнулся и сквозь маленькую дверцу вышел в переднюю.

Тут он опять увидел белое кашне и бледное лицо.

– Наконец-то! — вздохнул Абогин, берясь за ручку двери. — Едемте, пожалуйста!

Доктор вздрогнул, поглядел на него и вспомнил...

– Послушайте, ведь я уже сказал вам, что мне нельзя ехать! — сказал он, оживляясь. — Как странно!

– Доктор, я не истукан, отлично понимаю ваше положение...

сочувствую вам! — сказал умоляющим голосом Абогин, прикладывая к своему кашне руку. — Но ведь я не за себя прошу... Умирает моя жена! Если бы вы слышали этот крик, видели её лицо, то поняли бы мою настойчивость! Боже мой, а я уж думал, что вы пошли одеваться! Доктор, время дорого! Едемте, прошу вас!

— Ехать я не могу! — сказал с расстановкой Кирилов и шагнул в залу.

Абогин пошёл за ним и схватил его за рукав.

— У вас горе, я понимаю, но ведь приглашаю я вас не зубы лечить, не в эксперты, а спасти жизнь человеческую! — продолжал он умолять, как нищий. — Эта жизнь выше всякого личного горя! Ну, я прошу мужества, подвига! Во имя человеколюбия!

Кирилов стоял и молчал. Когда Абогин сказал ещё несколько фраз о высоком призвании врача, о самопожертвовании и прочем, доктор спросил угрюмо:

— Далеко ехать?

— Что-то около тринадцати-четырнадцати верст. У меня отличные лошади, доктор! Даю вам честное слово, что доставлю вас туда и обратно в один час. Только один час!

Последние слова подействовали сильнее, чем ссылки на человеколюбие или призвание врача. Он подумал и сказал со вздохом:

— Хорошо, едемте!

Почти всю дорогу Кирилов и Абогин молчали. Только раз Абогин глубоко вздохнул и пробормотал:

— Мучительное состояние! Никогда так не любишь близких, как в то время, когда рискуешь потерять их.

Когда коляска тихо переезжала реку, Кирилов вдруг встрепенулся, точно его испугал плеск воды, и задвигался.

— Послушайте, отпустите меня, — сказал он тоскливо. — Я к вам потом приеду. Мне бы только фельдшера к жене послать. Ведь она одна!

Чем ближе к цели была коляска, тем нетерпеливее становился Абогин. Он двигался, вскакивал, вглядывался через плечо кучера вперёд. А когда, наконец, коляска остановилась у крыльца, красиво задрапированного полосатой холстиной, и когда он поглядел на освещённые окна второго этажа, слышно было, как дрожало его дыхание.

— Если что случится, то... я не переживу, — сказал он, входя с доктором в переднюю и в волнении потирая руки. — Но не слышно

суматохи, значит пока ещё благополучно, — прибавил он, вслушиваясь в тишину.

В передней не слышно было ни голосов, ни шагов, и весь дом казался спавшим, несмотря на яркое освещение. Теперь уж доктор и Абогин, бывшие до сего времени в потёмках, могли разглядеть друг друга. Доктор был высок, сутуловат, одет неряшливо и лицо имел некрасивое. Что-то неприятно резкое, неласковое и суровое выражали его толстые губы, орлиный нос и вялый, равнодушный взгляд. Его нечёсаная голова, впалые виски, преждевременные седины на длинной, узкой бороде, сквозь которую просвечивал подбородок, бледно-серый цвет кожи, небрежно угловатые манеры — всё это своею чёрствостью наводило на мысль о пережитой нужде, бездолье, об утомлении жизнью и людьми. Глядя на всю его сухую фигуру, не верилось, чтобы у этого человека была жена, чтобы он мог плакать о ребёнке. Абогин же изображал из себя нечто другое. Это был плотный солидный блондин, с большой головой и крупными, но мягкими чертами лица, одетый изящно по самой последней моде. В его осанке, в плотно застёгнутом сюртуке, в гриве и в лице чувствовалось что-то благородное, львиное; ходил он, держа прямо голову и выпятив вперёд грудь, говорил приятным баритоном, и в манерах, с какими он снимал своё кашне или поправлял волосы на голове, сквозило тонкое, почти женское изящество. Даже бледность и детский страх, с каким он, раздеваясь, поглядывал вверх на лестницу, не портили его осанки и не умаляли сытости, здоровья и апломба, какими дышала его фигура.

— Никого нет и ничего не слышно, — сказал он, идя по лестнице. — Суматохи нет. Дай-то бог!

Он провёл доктора через переднюю в большую залу, где темнел чёрный рояль и висела люстра в белом чехле; отсюда оба они прошли в маленькую, очень уютную и красивую гостиную, полную приятного розового полумрака.

— Ну, посидите тут, доктор, — сказал Абогин, — а я сейчас. Я пойду погляжу и предупрежу.

Кирилов остался один. Роскошь гостиной, приятный полумрак и само его присутствие в чужом, незнакомом доме, имевшее характер приключения, по-видимому, не трогали его. Он сидел в кресле и разглядывал свои обожженные карболкой руки. Только мельком увидел он ярко-красный абажур, футляр от виолончели, да, покосившись в ту сторону, где тикали часы, он заметил чучело волка, такого же солидного и сытого, как сам Абогин.

Было тихо... Где-то далеко в соседних комнатах кто-то громко произнёс звук «а!», прозвенела стеклянная дверь, вероятно, шкафа, и опять всё стихло. Подождав минут пять, Кирилов перестал оглядывать свои руки и поднял глаза на ту дверь, за которой скрылся Абогин.

У порога этой двери стоял Абогин, но не тот, который вышел. Выражение сытости и тонкого изящества исчезло на нём, лицо его, и руки, и поза были исковерканы отвратительным выражением не то ужаса, не то мучительной физической боли. Его нос, губы, усы, все черты двигались и, казалось, старались оторваться от лица, глаза же как будто смеялись от боли...

Абогин тяжело и широко шагнул на середину гостиной, согнулся, простонал и потряс кулаками.

— Обманула! — крикнул он, сильно напирая на слог ну. — Обманула! Ушла! Заболела и услала меня за доктором для того только, чтобы бежать с этим шутком Папчинским! Боже мой!

Абогин тяжело шагнул к доктору, протянул к его лицу свои белые мягкие кулаки и, потрясая ими, продолжал вопить:

— Ушла!! Обманула! Ну, к чему же эта ложь?! Боже мой! К чему этот грязный, шулерский фокус, эта дьявольская, змеиная игра? Что я ей сделал? Ушла!

Слёзы брызнули у него из глаз. Он перевернулся на одной ноге и зашагал по гостиной. Теперь в своём коротком сюртуке, в модных узких брюках, в которых ноги казались не по корпусу тонкими, со своей большой головой и гривой он чрезвычайно походил на льва. На равнодушном лице доктора засветилось любопытство. Он поднялся и взглядел Абогина.

— Позвольте, где же больная? — спросил он.

— Больная! Больная! — крикнул Абогин, смеясь, плача и всё ещё потрясая кулаками. — Это не больная, а проклятая! Низость! Подлость, гаже чего не придумал бы, кажется, сам сатана! Услала затем, чтобы бежать, бежать с шутком, тупым человеком, альфонсом! О боже, лучше бы она умерла! Я не вынесу! Не вынесу я!

Доктор выпрямился. Его глаза замигали, налились слезами, узкая борода задвигалась направо и налево вместе с челюстью.

— Позвольте, как же это? — спросил он, с любопытством оглядываясь. — У меня умер ребёнок, жена в тоске, одна на весь дом... сам я едва стою на ногах, три ночи не спал... и что же? Меня заставляют играть в какой-то пошлой комедии, играть роль бутафорской

вещи! Не... не понимаю!

Абогин разжал один кулак, швырнул на пол скомканную записку и наступил на неё, как на насекомое, которое хочется раздавить.

— И я не видел ... не понимал! — говорил он сквозь сжатые зубы, потрясая около своего лица одним кулаком, и с таким выражением, как будто ему наступили на мозоль. — Я не замечал, что он ездит каждый день, не заметил, что он сегодня приехал в карете! Зачем в карете? И я не видел! Колпак!

— Не... не понимаю! — бормотал доктор. — Ведь это что же такое! Ведь это глумление над личностью, издевательство над человеческими страданиями! Это что-то невозможное... первый раз в жизни вижу!

С тупым удивлением человека, который только что стал понимать, что его тяжело оскорбили, доктор пожал плечами, развёл руками и, не зная, что говорить, что делать, в изнеможении опустился в кресло.

— Ну, разлюбила, полюбила другого — бог с тобой, но к чему же обман, к чему этот подлый, изменнический фортель? — говорил плачущим голосом Абогин. — К чему? И за что? Что я тебе сделал? Послушайте, доктор, — горячо сказал он, подходя к Кирилову. — Вы были невольным свидетелем моего несчастья, и я не стану скрывать от вас правды. Клянусь вам, что я любил эту женщину, любил набожно, как раб! Для неё я пожертвовал всем: поссорился с роднёй, бросил службу и музыку, прощал ей то, чего не сумел бы простить матери или сестре... Ни разу я не поглядел на неё косо... не подавал никакого повода! За что же эта ложь? Я не требую любви, но зачем этот гнусный обман? Не любишь, так скажи прямо, честно, тем более что знаешь мои взгляды на этот счёт...

Со слезами на глазах, дрожа всем телом, Абогин искренно изливал перед доктором свою душу. Он говорил горячо, прижимая обе руки к сердцу, разоблачал свои семейные тайны без малейшего колебания и как будто даже рад был, что наконец эти тайны вырвались наружу из его груди. Поговори он таким образом час, другой, третий, вылей свою душу, и несомненно ему стало бы легче. Кто знает, выслушай его доктор, посочувствуй ему дружески, быть может, он, как это часто случается, примирится бы со своим горем без протеста, не делая ненужных глупостей... Но случилось иначе. Пока Абогин говорил, оскорблённый доктор заметно менялся. Равнодушие и удивление на его лице мало-помалу уступили место выражению горькой

обиды негодования и гнева. Черты лица его стали ещё резче, черствее и неприятнее. Когда Абогин поднёс к его глазам карточку молодой женщины с красивым, но сухим и невыразительным, как у монашенки, лицом и спросил, можно ли, глядя на это лицо, допустить, что оно способно выражать ложь, доктор вдруг вскочил, сверкнул глазами и сказал, грубо отчеканивая каждое слово:

— Зачем вы всё это говорите мне? Не желаю я слушать! Не желаю! — крикнул он и стукнул кулаком по столу. — Не нужны мне ваши пошлые тайны, чёрт бы их взял! Не смеете вы говорить мне эти пошлости! Или вы думаете, что я ещё недостаточно оскорблён? Что я лакей, которого до конца можно оскорблять? Да?

Абогин попятился от Кирилова и изумлённо уставился на него.

— Зачем вы меня сюда привезли? — продолжал доктор, тряся бородой. — Если вы с жиру женитесь, с жиру беситесь и разыгрываете мелодрамы, то при чём тут я? Что у меня общего с вашими романами? Оставьте меня в покое! Упражняйтесь в благородном кулачестве, рисуйте гуманными идеями, играйте (доктор покосился на футляр с виолончелью) — играйте на контрабасах и тромбонах, жирейте, как каплуны, но не смейте глумиться над личностью! Не умеете уважать её, так хоть избавьте её от вашего внимания!

— Позвольте, что всё это значит? — спросил Абогин краснея.

— А то значит, что низко и подло играть так людьми! Я врач, вы считаете врачей и вообще рабочих, от которых не пахнет духами и проституцией, своими лакеями и моветонами, ну и считайте, но никто не дал вам права делать из человека, который страдает, бутафорскую вещь!

— Как вы смеете говорить мне это? — спросил тихо Абогин, и его лицо опять запрыгало и на этот раз уже ясно от гнева.

— Нет, как вы, зная, что у меня горе, смели привезти меня сюда выслушивать пошлости? — крикнул доктор и опять стукнул кулаком по столу. — Кто вам дал право так издеваться над чужим горем?

— Вы с ума сошли! — крикнул Абогин. — Не великодушно! Я сам глубоко несчастлив и... и...

— Несчастлив, — презрительно ухмыльнулся доктор. — Не трогайте этого слова, оно вас не касается. Шалопаи, которые не находят денег под вексель, тоже называют себя несчастными. Каплун, которого давит лишний жир, тоже несчастен. Ничтожные люди!

— Милостивый государь, вы забываетесь! — взвизгнул Абогин. — За такие слова ... бьют. Понимаете?

Абогин торопливо полез в боковой карман, вытащил оттуда бумажник и, достав две бумажки, швырнул их на стол.

— Вот вам за ваш визит! — сказал он, шевеля ноздрями. — Вам заплачено!

— Не смеете вы предлагать мне деньги! — крикнул доктор и смахнул со стола на пол бумажки. — За оскорбление деньгами не платят!

Абогин и доктор стояли лицом к лицу и в гневе продолжали наносить друг другу незаслуженные оскорбления. Кажется, никогда в жизни, даже в бреду они не сказали столько несправедливого, жестокого и нелепого. В обоих сильно сказался эгоизм несчастных. Несчастные эгоистичны, злы, несправедливы, жестоки и менее, чем глупцы, способны понимать друг друга. Не соединяет, а разъединяет людей несчастье, и даже там, где, казалось бы, люди должны быть связаны однородностью горя, прodelывается гораздо больше несправедливостей и жестокостей, чем в среде сравнительно довольной.

— Извольте отправить меня домой! — крикнул доктор задыхаясь.

Абогин резко позвонил. Когда на его зов никто не явился, он ещё раз позвонил и сердито швырнул колокольчик на пол; тот глухо ударился о ковёр и издал жалобный, точно предсмертный стон. Явился лакей.

— Где вы попрятались, чёрт бы вас взял?! — набросился на него хозяин, сжимая кулаки. — Где ты был сейчас? Пошёл, скажи, чтобы этому господину подали коляску, а для меня вели заложить карету! Пстой! — крикнул он, когда лакей повернулся уходить. — Завтра чтоб ни одного предателя не осталось в доме! Все вон! Нанимаю новых! Гадины!

В ожидании экипажей Абогин и доктор молчали. К первому вернулись и выражение сытости и тонкое изящество. Он шагал по гостиной, изящно встряхивал головой и, очевидно, что-то замышлял. Гнев его ещё не остыл, но он старался показать вид, что не замечает своего врага... Доктор же стоял, держался одной рукой за край стола и глядел на Абогина с тем глубоким, несколько циничным и некрасивым презрением, с каким умеют глядеть только горе и бездолье, когда видят перед собой сытость и изящество.

Когда немного погодя доктор сел в коляску и поехал, глаза его всё ещё продолжали глядеть презрительно. Было темно, гораздо темнее, чем час тому назад. Красный полумесяц уже ушёл за холм, и

сторожившие его тучи тёмными пятнами лежали около звёзд. Карета с красными огнями застучала по дороге и перегнала доктора. Это ехал Абогин протестовать, делать глупости...

Всю дорогу доктор думал не о жене, не об Андрее, а об Абогине и людях, живших в доме, который он только что оставил. Мысли его были несправедливы и нечеловечно жестоки. Осудил он и Абогина, и его жену, и Папчинского, и всех, живущих в розовом полумраке и пахнущих духами, и всю дорогу ненавидел их и презирал до боли в сердце. И в уме его сложилось крепкое убеждение об этих людях.

Пройдёт время, пройдёт и горе Кириллова, но это убеждение, несправедливое недостойное человеческого сердца, не пройдёт и останется в уме доктора до самой могилы.

Послетекстовые задания

Задание 1. Трансформируйте простые предложения в сложные.

1. Пока ехал к вам, исстрадался душой.
2. Не вытирая мокрого лица и рук, обожжённых карболкой, пошёл сам отворять дверь.
3. В человеке, который вошёл, можно было различить только средний рост, белое кашне и чрезвычайно бледное лицо.
4. Кириллов слушал и молчал, как будто он не понимал русской речи.
5. Когда Абогин ещё раз упомянул о трагедии, доктор сказал, что не может ехать.
6. Даю вам честное слово, что доставлю вас туда и обратно в один час.
7. Коляска остановилась у крыльца, красиво задрапированного холстиной.
8. Глядя на его фигуру, не верилось, что у человека была жена.
9. Он прошёл в большую залу, где темнел тёмный рояль и весела люстра в белом чехле.
10. Они прошли в красивую гостиную, полную приятного розового полумрака.
11. Подождав минут пять, Кириллов перестал оглядываться вокруг.
12. С удивлением человека, который только что стал понимать, что его тяжело оскорбили, доктор пожал плечами.
13. Клянусь вам, что я люблю эту женщину.

14. Скажи, чтобы этому господину подали коляску.
15. Доктор осудил всех, живущих в розовом полумраке.
16. Убеждения несправедливые, недостойные человеческого сердца остались в душе доктора до самой могилы.

Задание 2. Ответьте на вопросы к тексту.

1. Что случилось в семье доктора Кирилова?
2. В каком состоянии был доктор, когда у него умер сын?
3. В чём заключалась трагедия Абогина?
4. Как выглядел дом Абогина, по мере того как к нему приближался Кирилов?
5. Дайте портретную характеристику Кирилова.
6. Опишите дом, в котором живёт Абогин?
7. Как изменился Абогин после известия об измене жены?
8. Какова реакция Кирилова на случившееся? Зачитайте его слова.
9. Кому из героев вы сочувствуете больше — Кирилову или Абогину и почему?
10. Что мы узнаём о жизни Абогина, о его отношении к жене?
11. Какова реакция доктора на деньги, которые ему заплатил Абогин за визит?
12. Почему Абогин и Кирилов стали врагами?

Попрыгунья

Задание 1. Прочитайте краткое содержание рассказа А. П. Чехова «Попрыгунья».

Главный герой рассказа, доктор Дымов, — тип городского врача близкий по духу А. П. Чехову-врачу.

Осип Степанович Дымов служил в двух больницах: в одной — сверхштатным ординатором, в другой — прозектором. Ежедневно с 9 часов утра до полудня он принимал больных и занимался у себя в палате, а после полудня ехал в другую больницу, где вскрывал умерших больных. Частная практика его была ничтожна — рублей пятьсот в год.

Его жена Ольга Ивановна считала, что вышла замуж за обыкновенного, ничем не замечательного человека. А добрыми знакомыми и друзьями Ольги Ивановны были «замечательные и известные люди», и каждый из них был чем-нибудь знаменит, известен, подавал блестящие надежды. Это были актеры, художники, музыканты.

У Ольги Ивановны завязывается роман с художником Рябовским. Дымов, человек сильный, с доверчивостью относится к легко-

мысленной жене. Впоследствии он догадывается, что его обманывают, но находит в себе силы ещё глубже уйти в науку.

Дымов, талантливейший врач, страдает. Он одинок в своём доме, открытом для десятков чужих людей, приходящих в гости к жене. Страдает и его жена, которая была обманута художником Рябовским. Душевная боль проявляется у каждого из них по-разному. Дымов страдает молча. Ольга Ивановна переживает измену художника Рябовского. Деликатный и добрый Дымов утешает её: «Не плачь громко, мама... Зачем? Надо не подавать вида. Знаешь, что случилось, того уже не воротишь, не поправишь».

«Порядок в доме оставался прежним. Артист читал, художники рисовали, виолончелист играл, певец пел, и неизменно в половине двенадцатого открывалась дверь, ведущая в столовую, и Дымов, улыбаясь, говорил:

– Пожалуйста, господа, закусить.

По-прежнему Ольга Ивановна искала великих людей, находила и не удовлетворялась и опять искала. По-прежнему она каждый день возвращалась поздно ночью, но Дымов уже не спал, как в прошлом году, а сидел у себя в кабинете и что-то работал. Ложился он часа в три, а вставал в восемь».

Ольгу Ивановну не интересовали ни Дымов, ни диссертация, которую он защитил, ни предложенная ему приват-доцентура. Она всегда куда-то спешила.

Однажды Дымов, спасая ребёнка, отсасывал трубочкой из горла больного дифтеритом плёнки, заразился и через несколько дней умер.

«Какая потеря для науки! — говорит о нём друг Коростылёв. — Это, если всех нас сравнить, был великий, необыкновенный человек! Какие дарования! Какие надежды подавал всем нам! Служил науке и умер от науки».

Только после смерти Ольга Ивановна поняла, что Дымов был по-настоящему великий учёный, знаменитый врач, которого она «прозевала» и не разглядела в нём талант и гениальность. Она поняла, что необыкновенными людьми были не те люди, которых она коллекционировала в своём «салоне»; необыкновенным, редким человеком был Дымов.

Чехов многих персонажей рисовал с натуры. Рассказ «Попрыгунья» вызвал большой резонанс в художественных, театральных кругах. Спорили о том, есть ли у героев рассказа прототипы.

Есть все основания считать, что прототипом доктора Дымова

был врач Илья Иванович Дуброво. Это был доктор, военный врач, ординатор Московского военного госпиталя, окончивший медицинский факультет Московского университета. Дуброво работал над диссертацией и получил степень доктора медицины. Однажды ночью он был вызван к дочери одного из именитых горожан для проведения трахеотомии. Перед операцией необходимо было удалить из гортани больной девочки дифтеритные плёнки, и он высосал эти плёнки из гортани ртом. Заразившись дифтеритом, он проболел шесть дней и умер на 40-м году жизни.

Самого Чехова привлекал созданный им образ учёного, большого труженика и необыкновенно доброго человека с неудавшейся личной жизнью.

Прочитав чеховское произведение, невольно оглядываешься вокруг себя: «Нет ли рядом где-нибудь попрыгуний?»

Задание 2. Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова, запомните их.

Сверхштатный ординатор, частная практика, ничтожный, этюд, виолончелист, компания, причудливый, сделал предложение, влюбиться адски, мольберт, кинжал, бюст (бюстик), задрапировать, обволакивающая, пророчить, лепить, умиление, аккомпанировать, профиль, остричь догола, телеграфист, тяготиться, пиджак, трусить, говорить дерзости, пудрить, ничтожный, высасывать — высосать, лохматый, всхлипнуть — всхлипывать, щадить, сущность, шмыгнуть — шмыгать, прозевать, замигать, насмешливо, благоговеть, испытывать священный страх.

Задание 3. Прочитайте лексико-семантический комментарий к тексту.

Титулярный советник — в царской России гражданский чин 9 класса.

Конка — до введения трамвайного движения городская железная дорога с конём, а также вагон с конём.

Прозектор — патологоанатом, специалист в клинике, больнице, ведающий вскрытием трупов.

Лубочные картины — картины, рассчитанные на примитивный вкус.

Лапоть — обувь, плетённая из дерева, охватывающая только ступню ноги.

Серп — ручное орудие в виде полукруглого ножа для срезывания хлебных злаков с корня.

Коса — длинный изогнутый нож на длинной рукоятке для срезыва-

ния травы, злаков.

Грабли — сельскохозяйственное орудие для сгребания сена.

Пещера — пространство, находящееся под землёй, с выходом наружу.

Алебарда — старинное оружие — топор на длинной рукоятке.

Бенефис — спектакль в честь одного из участников.

Иллюминация — декоративное освещение зданий и улиц по случаю какого-либо торжества.

Вечеринка — вечернее собрание для дружеской встречи, для развлечения.

Метрдотель — главный официант в ресторане.

Белорыбица — рыба из семейства лососевых.

Гардероб — шкаф для одежды; вся одежда одного человека.

Горничная — работница для уборки комнат.

Гостиная — комната для приёма гостей.

Церковная сторожка — помещенье, в котором живёт охрана кладбища.

Богадельня — до революции приют для инвалидов.

Богаделки — женщины-инвалиды приюта.

Задание 4. Объясните значение фразеологизмов.

Как снег на голову, утолить жажду, жизнь текла как по маслу, медовый месяц, лезть на рожон, ломать руки, с огнём не найдёшь, работал, как вол.

Задание 5. Прочитайте текст.

На свадьбе у Ольги Ивановны были все ее друзья и добрые знакомые.

— Посмотрите на него: не правда ли, в нем что-то есть? — говорила она своим друзьям, как бы желая объяснить, почему это она вышла за очень обыкновенного и ничем не замечательного человека.

Её муж, Осип Степаныч Дымов, был врачом и имел чин титулярного советника. Служил он в двух больницах: в одной сверхштатным ординатором, а в другой — прозектором. Ежедневно от 9 часов утра до полудня он принимал больных и занимался у себя в палате, а после полудня ехал на конке в другую больницу, где вскрывал умерших больных. Частная практика его была ничтожна.

А между тем Ольга Ивановна и ее друзья и добрые знакомые были не совсем обыкновенные люди. Каждый из них был чем-нибудь замечателен, немножко известен, и подавал блестящие надежды. Артист из драматического театра, учивший Ольгу Ивановну читать; пе-

вещ из оперы; анималист и пейзажист Рябовский, очень красивый белокурый молодой человек, лет 25, имевший успех на выставках; он поправлял Ольге Ивановне ее этюды. Еще кто? Ну, еще виолончелист, литератор. Среди этой компании Дымов казался чужим, лишним и маленьким, хотя был высок ростом и широк в плечах. Казалось, что на нем чужой фрак и что у него приказчицкая борода.

— Нет, вы послушайте! — говорила Ольга Ивановна. — Надо вам сказать, что отец служил вместе с Дымовым в одной больнице. Когда бедняжка-отец заболел, то Дымов по целым дням и ночам дежурил около его постели. Столько самопожертвования! Я тоже не спала ночи и сидела около отца... Право, судьба бывает так причудлива. После смерти отца он иногда бывал у меня, встречался на улице и в один прекрасный вечер вдруг — сделал предложение... как снег на голову... Я всю ночь проплакала и сама влюбилась адски. И вот, как видите, стала супругой.

II

Ольге Ивановне было 22 года, Дымову 31. Зажили они после свадьбы превосходно. Ольга Ивановна в гостиной увешала все стены сплошь своими и чужими этюдами в рамах и без рам, а около рояля и мебели устроила красивую тесноту из китайских зонтов, мольбертов, кинжалов, бюстиков, фотографий... В столовой она оклеила стены лубочными картинками, повесила лапти и серпы, поставила в углу косу и грабли, и получилась столовая в русском вкусе. В спальне она, чтобы похоже было на пещеру, задрапировала потолок и стены темным сукном, повесила над кроватями венецианский фонарь, а у дверей поставила фигуру с алебардой. И все находили, что у молодых супругов очень миленький уголок.

Ежедневно, вставши с постели часов в одиннадцать, Ольга Ивановна играла на рояли или же, если было солнце, писала что-нибудь масляными красками. Потом, в первом часу, она ехала к своей портнихе. Так как у нее и Дымова денег было очень немного, в обрез, то, чтобы часто появляться в новых платьях и поражать своими нарядами, ей и ее портнихе приходилось пускаться на хитрости. Очень часто из старого перекрашенного платья, из ничего не стоящих кусочков тюля, кружев, плюша и шелка выходили просто чудеса, нечто обворожительное, не платье, а мечта. От портнихи Ольга Ивановна обыкновенно ехала к какой-нибудь знакомой актрисе, чтобы узнать театральные новости и похлопотать насчет билета к бенефису. От актрисы нужно было ехать в мастерскую художника или на картинную вы-

ставку, потом к кому-нибудь из знаменитостей — приглашать к себе, или отдать визит, или просто поболтать. И везде ее встречали весело и дружелюбно и уверяли ее, что она хорошая, милая, редкая... Те, которых она называла знаменитыми и великими, принимали ее как свою, как ровню, и пророчили ей в один голос, что из неё выйдет большой толк. Она пела, играла на рояли, писала красками, лепила, участвовала в любительских спектаклях, но всё это не как-нибудь, а с талантом; делала ли она фонарики для иллюминации, завязывала ли кому галстук — всё у нее выходило необыкновенно художественно и мило. Но ни в чем ее талантливость не сказывалась так ярко, как в ее умении быстро знакомиться и коротко сходить с знаменитыми людьми. Стоило кому-нибудь прославиться хоть немножко и заставить о себе говорить, как она уж знакомилась с ним и в тот же день приглашала к себе. Всякое новое знакомство было для нее сущим праздником. Она боготворила знаменитых людей, гордилась ими и каждую ночь видела их во сне. Она жаждала их и никак не могла утолить своей жажды. Старые уходили и забывались, приходили на смену им новые, но и к этим она скоро привыкала или разочаровывалась в них и начинала жадно искать новых и новых великих людей, находила и опять искала.

В пятом часу она обедала дома с мужем. Его простота, здравый смысл и добродушие приводили ее в умиление и восторг. Она то и дело вскакивала, порывисто обнимала его голову и осыпала ее поцелуями.

— Ты, Дымов, умный, благородный человек, — говорила она, — но у тебя есть один очень важный недостаток. Ты совсем не интересуешься искусством. Ты отрицаешь и музыку, и живопись.

— Я не понимаю их, — говорил он кротко. — Я всю жизнь занимался естественными науками и медициной, и мне некогда было интересоваться искусствами.

— Но ведь это ужасно, Дымов!

— Почему же? Твои знакомые не знают естественных наук и медицины, однако же ты не ставишь им этого в упрек. У каждого своё. Я не понимаю пейзажей и опер, но думаю так: если одни умные люди посвящают им всю свою жизнь, а другие умные люди платят за них громадные деньги, то, значит, они нужны. Я не понимаю, но не понимать не значит отрицать.

— Дай, я пожму твою честную руку!

После обеда Ольга Ивановна ехала к знакомым, потом в театр

или на концерт и возвращалась домой после полуночи. Так каждый день.

По средам у нее бывали вечеринки. На этих вечеринках хозяйка и гости не играли в карты и не танцевали, а развлекали себя разными художествами. Актер из драматического театра читал, певец пел, художники рисовали в альбомы, которых у Ольги Ивановны было множество, виолончелист играл, и сама хозяйка тоже рисовала, лепила, пела и аккомпанировала. В промежутках между чтением, музыкой и пением говорили и спорили о литературе, театре и живописи. Дам не было, потому что Ольга Ивановна всех дам, кроме актрис и своей портнихи, считала скучными и пошлыми. Ни одна вечеринка не обходилась без того, чтобы хозяйка не вздрагивала при каждом звонке и не говорила с победным выражением лица: «Это он!», разумея под словом «он» какую-нибудь новую приглашенную знаменитость. Дымова в гостиной не было, и никто не вспоминал об его существовании. Но ровно в половине двенадцатого отворялась дверь, ведущая в столовую, показывался Дымов со своею добродушною кроткою улыбкой и говорил, потирая руки:

– Пожалуйста, господа, закусить.

Все шли в столовую и всякий раз видели на столе одно и то же: блюдо с устрицами, кусок ветчины или телятины, сыр, икру, грибы, водку и два графина с вином.

– Милый мой метрдотель! — говорила Ольга Ивановна, всплескивая руками от восторга. — Ты просто очарователен! Господа, посмотрите на его лоб! Дымов, повернись в профиль. Господа, посмотрите: лицо бенгальского тигра, а выражение доброе и милое, как у оленя. У, милый!

Гости ели и, глядя на Дымова, думали: «В самом деле, славный мальй», но скоро забывали о нем и продолжали говорить о театре, музыке и живописи.

Молодые супруги были счастливы, и жизнь их текла как по маслу. Впрочем, третья неделя их медового месяца была проведена не совсем счастливо, даже печально. Дымов заразился в больнице рожей, пролежал в постели шесть дней и должен был остричь догола свои красивые черные волосы. Ольга Ивановна сидела около него и горько плакала, но, когда ему полегчало, она надела на его стриженую голову беленький платок и стала писать с него бедуина. И обоим было весело. Дня через три после того, как он, выздоровевши, стал опять ходить в больницы, с ним произошло новое недоразумение.

— Мне не везет, мама! — сказал он однажды за обедом. — Сегодня у меня было четыре вскрытия, и я себе сразу два пальца порезал. И только дома я это заметил.

Ольга Ивановна испугалась. Он улыбнулся и сказал, что это пустяки и что ему часто приходится во время вскрытий делать себе порезы на руках.

— Я увлекаюсь, мама, и становлюсь рассеянным.

Ольга Ивановна с тревогой ожидала трупного заражения и по ночам молилась богу, но всё обошлось благополучно.

III

Однажды после обеда Дымов купил закусок и конфет и поехал к жене на дачу. Он не виделся с нею уже две недели и сильно соскучился. И ему весело было смотреть на свой сверток, в котором были завернуты икра, сыр и белорыбица.

Когда он отыскал свою дачу и узнал ее, уже заходило солнце. На даче было три комнаты. В одной стояла кровать, в другой на стульях и окнах валялись холсты, кисти, засаленная бумага и мужские пальто и шляпы, а в третьей Дымов застал трех каких-то незнакомых мужчин. Двое были брюнеты с бородками, и третий совсем бритый и толстый, по-видимому — актер. На столе кипел самовар.

— Что вам угодно? — спросил актер басом, нелюдимо оглядывая Дымова. — Вам Ольгу Ивановну нужно? Погодите, она сейчас придет.

Дымов сел и стал дожидаться. Один из брюнетов налил себе чаю и спросил:

— Может, чаю хотите?

Дымову хотелось и пить и есть, но, чтобы не портить себе аппетита, он отказался от чая. Скоро послышались шаги и знакомый смех; хлопнула дверь, и в комнату вбежала Ольга Ивановна, а вслед за нею вошел веселый, краснощекий Рябовский.

— Дымов! — вскрикнула Ольга Ивановна и вспыхнула от радости. — Отчего ты так долго не приезжал?

— Когда же мне, мама? Я всегда занят, а когда бываю свободен, то всё случается так, что расписание поездов не подходит.

— Но как я рада тебя видеть! Ты мне всю, всю ночь снился, и я боялась, как бы ты не заболел. Ах, если б ты знал, как ты кстати приехал! Ты будешь моим спасителем. Завтра будет здесь преоригинальная свадьба, — продолжала она, смеясь и завязывая мужу галстук. — Женится молодой телеграфист на станции. Красивый моло-

дой человек... Мы, все дачники, принимаем в нем участие и дали ему честное слово быть у него на свадьбе... Человек небогатый, одинокий, робкий, и, конечно, было бы грешно отказать ему в участии. Но, Дымов, в чем я пойду в церковь? — сказала Ольга Ивановна и сделала плачущее лицо. — У меня здесь ничего нет, буквально ничего! Ни платья, ни цветов, ни перчаток... Ты должен меня спасти. Возьми, мой дорогой, ключи, поезжай домой и возьми там в гардеробе мое розовое платье. Ты его помнишь, оно висит первое... Постарайся, дуся, не помять... И перчатки купи.

— Хорошо, — сказал Дымов. — Я завтра поеду и пришлю.

— Когда же завтра? — спросила Ольга Ивановна и посмотрела на него с удивлением. — Завтра отходит первый поезд в 9 часов, а венчание в 11. Нет, голубчик, надо сегодня, обязательно сегодня! Ну, иди же... Сейчас должен прийти пассажирский поезд. Не опоздай, дуся.

— Хорошо.

— Ах, как мне жаль тебя отпускать, — сказала Ольга Ивановна, и слезы навернулись у нее на глазах. — И зачем я, дура, дала слово телеграфисту?

Дымов быстро выпил стакан чаю, взял баранку и, кротко улыбаясь, пошел на станцию. А икру, сыр и белорыбицу съели два брюнета и толстый актер.

IV

В тихую лунную июльскую ночь Ольга Ивановна стояла на палубе волжского парохода и смотрела то на воду, то на красивые берега. Рядом с нею стоял Рябовский и говорил ей:

— Я чувствую себя в вашей власти. Я раб. Зачем вы сегодня так обворожительны?

Он всё время глядел на нее, а она боялась взглянуть на него.

— Я безумно люблю вас... — шептал он, дыша ей на щеку. — Скажите мне одно слово, и я не буду жить, брошу искусство.

— Не говорите так, — сказала Ольга Ивановна, закрывая глаза. — А Дымов?

— Что Дымов? Почему Дымов? Какое мне дело до Дымова? Волга, луна, красота, моя любовь, мой восторг, а никакого нет Дымова... Не нужно мне прошлого, мне дайте одно мгновение... один миг!

У Ольги Ивановны забилось сердце.

V

Рано утром на Волге бродил легкий туман, а после девяти часов стал накрапывать дождь. И не было никакой надежды, что небо прояснится.

– Как ты ко мне переменялся! — вздохнула Ольга Ивановна.

– Вы уже тяготитесь мной, — сказала она и зарыдала. — Если говорить правду, то вы стыдитесь нашей любви. Вы всё стараетесь, чтобы художники не заметили, хотя этого скрыть нельзя, и им всё давно уже известно.

– Ольга, я об одном прошу вас, — сказал художник умоляюще и приложив руку к сердцу, — об одном: не мучьте меня! Больше мне от вас ничего не нужно!

– Но поклянитесь, что вы меня всё еще любите!

– Это мучительно! — процедил сквозь зубы художник и вскочил. — Кончится тем, что я брошусь в Волгу или сойду с ума! Оставьте меня!

– Ну, убейте, убейте меня! — крикнула Ольга Ивановна. — Убейте!

Она вдруг почувствовала себя оскорбленной и сказала холодно:

– Нам нужно расстаться на некоторое время, а то от скуки мы можем серьезно поссориться. Мне это надоело. Сегодня я уеду.

Приехала она домой через двое с половиной суток. Когда Ольга Ивановна входила в квартиру, она была убеждена, что необходимо скрыть всё от мужа и что на это хватит у нее умения и силы, но теперь, когда она увидела широкую, кроткую, счастливую улыбку и блестящие радостные глаза, она почувствовала, что скрывать от этого человека так же подло, отвратительно и так же невозможно и не под силу ей, как украсть или убить, и она в одно мгновение решила рассказать ему всё, что было. Давши ему поцеловать себя и обнять, она опустилась перед ним на колени и закрыла лицо.

– Что? Что, мама? — спросил он нежно. — Соскучилась?

Она подняла лицо, красное от стыда, и поглядела на него виновато и умоляюще, но страх и стыд помешали ей говорить правду.

– Ничего... — сказала она. — Это я так...

– Сядем, — сказал он, поднимая ее и усаживая за стол. — Вот так... Кушай рябчика. Ты проголодалась, бедняжка.

Она жадно вдыхала в себя родной воздух и ела рябчика, а он с умилением глядел на нее и радостно смеялся.

VI

По-видимому, с середины зимы Дымов стал догадываться, что его обманывают. Он, как будто у него была совесть нечиста, не мог уже смотреть жене прямо в глаза, не улыбался радостно при встрече с нею и, чтобы меньше оставаться с нею наедине, часто приводил к себе обедать своего товарища Коростелева, маленького стриженного человечка с помятым лицом, который, когда разговаривал с Ольгой Ивановной, то от смущения расстегивал все пуговицы своего пиджака и опять их застегивал и потом начинал правой рукой щипать свой левый ус. За обедом оба доктора говорили о том, что при высоком стоянии диафрагмы иногда бывают перебои сердца, или что множественные невриты в последнее время наблюдаются очень часто, или что вчера Дымов, вскрывши труп с диагностикой «злокачественная анемия», нашел рак поджелудочной железы. И казалось, что оба они вели медицинский разговор только для того, чтобы дать Ольге Ивановне возможность молчать, т. е. не лгать. После обеда Коростелев садился за рояль, а Дымов вздыхал и говорил ему:

– Эх, брат! Ну, да что! Сыграй-ка что-нибудь печальное.

Подняв плечи и широко расставив пальцы, Коростелев брал несколько аккордов и начинал петь тенором «Укажи мне такую обитель, где бы русский мужик не стонал», а Дымов еще раз вздыхал, подпирал голову кулаком и задумывался.

В последнее время Ольга Ивановна вела себя крайне неосторожно. Каждое утро она просыпалась в самом дурном настроении и с мыслью, что она Рябовского уже не любит и что, слава богу, всё уже кончено. Но, напившись кофе, она соображала, что Рябовский отнял у нее мужа и что теперь она осталась без мужа и без Рябовского. Вспомнив про многое и сообразив, Ольга Ивановна одевалась и в сильном волнении ехала в мастерскую к Рябовскому. Она начинала умолять его, чтобы он любил ее, не бросал, чтобы пожалел ее, бедную и несчастную. Она плакала, целовала ему руки, требовала, чтобы он клялся ей в любви, доказывала ему, что без ее хорошего влияния он собьется с пути и погибнет. И, испортив ему хорошее настроение духа и чувствуя себя униженной, она уезжала к портнихе или к знакомой актрисе похлопотать насчет билета.

Если она не заставляла его в мастерской, то оставляла ему письмо, в котором клялась, что если он сегодня не придет к ней, то она непременно отравится. Он трусил, приходил к ней и оставался обедать. Не стесняясь присутствием мужа, он говорил ей дерзости, она

отвечала ему тем же. Оба чувствовали, что они связывают друг друга, что они деспоты и враги, и злились, и от злости не замечали, что оба они неприличны и что даже стриженный Коростелев понимает всё. После обеда Рябовский спешил проститься и уйти.

– Куда вы идете? — спрашивала его Ольга Ивановна в передней, глядя на него с ненавистью.

Он, морщась и щуря глаза, называл какую-нибудь даму, общую знакомую, и было видно, что это он смеется над ее ревностью и хочет досадить ей. Она шла к себе в спальню и ложилась в постель; от ревности, досады, чувства унижения и стыда она кусала подушку и начинала громко рыдать. Дымов оставлял Коростелева в гостиной, шел в спальню и, сконфуженный, растерянный, говорил тихо:

– Не плачь громко, мама... Зачем? Надо молчать об этом... Надо не подавать вида... Знаешь, что случилось, того уже не поправишь.

Не зная, как усмирить в себе тяжелую ревность, от которой даже в висках ломило, и думая, что еще можно поправить дело, она умывалась, пудрила заплаканное лицо и летела к знакомой даме. Не застав у нее Рябовского, она ехала к другой, потом к третьей... Сначала ей было стыдно так ездить, но потом она привыкла, и случалось, что в один вечер она объезжала всех знакомых женщин, чтобы отыскать Рябовского, и все понимали это.

Однажды она сказала Рябовскому про мужа:

– Этот человек гнетет меня своим великодушием!

Эта фраза ей так понравилась, что, встречаясь с художниками, которые знали об ее романе с Рябовским, она всякий раз говорила про мужа, делая энергичский жест рукой:

– Этот человек гнетёт меня своим великодушием!

Порядок жизни был такой же, как в прошлом году. По средам бывали вечеринки. Артист читал, художники рисовали, виолончелист играл, певец пел, и неизменно в половине двенадцатого открывалась дверь, ведущая в столовую, и Дымов, улыбаясь, говорил:

– Пожалуйста, господа, закусить.

По-прежнему Ольга Ивановна искала великих людей, находила и не удовлетворялась и опять искала. По-прежнему она каждый день возвращалась поздно ночью, но Дымов уже не спал, как в прошлом году, а сидел у себя в кабинете и что-то работал. Ложился он часа в три, а вставал в восемь.

Однажды вечером, когда она, собираясь в театр, стояла перед трюмо, в спальню вошел Дымов во фраке и в белом галстуке. Он

кротко улыбался и, как прежде, радостно смотрел жене прямо в глаза. Лицо его сияло.

— Я сейчас диссертацию защищал, — сказал он, садясь и поглаживая колена.

— Защитил? — спросила Ольга Ивановна.

— Ого! — засмеялся он и вытянул шею, чтобы увидеть в зеркале лицо жены, которая продолжала стоять к нему спиной и поправлять прическу. — Ого! — повторил он. — Знаешь, очень возможно, что мне предложат приват-доцентуру по общей патологии. Этим пахнет.

Видно было по его блаженному, сияющему лицу, что если бы Ольга Ивановна поделила с ним его радость и торжество, то он простил бы ей всё, и настоящее и будущее, и всё бы забыл, но она не понимала, что значит приват-доцентура и общая патология, к тому же боялась опоздать в театр и ничего не сказала.

Он посидел две минуты, виновато улыбнулся и вышел.

VII

Это был беспокойнейший день.

У Дымова сильно болела голова; он утром не пил чаю, не пошел в больницу и всё время лежал у себя в кабинете на турецком диване. Ольга Ивановна в первом часу отправилась к Рябовскому, чтобы показать ему свой этюд. Этюд казался ей ничтожным, и написала она его только затем, чтобы иметь лишний предлог сходить к художнику.

Она вошла к нему без звонка, и когда в передней снимала каалоши, ей послышалось, как будто в мастерской что-то тихо пробежало, по-женски шурша платьем, и когда она поспешила заглянуть в мастерскую, то увидела только кусок коричневой юбки, который мелькнул на мгновение и исчез за большою картиной. Сомневаться нельзя было, это пряталась женщина. Как часто сама Ольга Ивановна находила себе убежище за этой картиной! Рябовский, по-видимому, очень смущенный, как бы удивился ее приходу, протянул к ней обе руки и сказал, натянуто улыбаясь:

— А-а-а-а! Очень рад вас видеть. Что скажете хорошенького?

Глаза у Ольги Ивановны наполнились слезами.

— Я принесла вам этюд... — сказала она робко, тонким голосом, и губы ее задрожали.

— А-а-а... этюд? Это мило, конечно, но и сегодня этюд, и в прошлом году этюд, и через месяц будет этюд... Как вам не наскучит? Я бы на вашем месте бросил живопись и занялся серьезно музыкой или

чем-нибудь. Ведь вы не художница, а музыкантша. Однако, знаете, как я устал! Я сейчас скажу, чтоб дали чаю... А?

Он вышел из комнаты, и Ольга Ивановна, чтоб не прощаться, не объясняться, а главное не зарыдать, поскорее побежала в переднюю, надела калоши и вышла на улицу. Тут она легко вздохнула и почувствовала себя навсегда свободной и от Рябовского, и от живописи, и от тяжелого стыда, который так давил ее в мастерской. Всё кончено!

Вернулась домой поздно вечером.

— Мама! — позвал из кабинета Дымов, не отворяя двери. — Мама!

— Что тебе?

— Мама, ты не входи ко мне, а только подойди к двери. — Вот что... Я заразился в больнице дифтеритом, и теперь... мне нехорошо. Пошли поскорее за Коростелевым.

Ольга Ивановна всегда звала мужа, как всех знакомых мужчин, не по имени, а по фамилии. Теперь же она вскрикнула:

— Осип, это не может быть!

— Пошли! Мне нехорошо... — сказал за дверью Дымов, и слышно было, как он подошел к дивану и лег. — Пошли! — глухо слышался его голос.

«Что же это такое? — подумала Ольга Ивановна, холодея от ужаса. — Ведь это опасно!»

Ей вдруг стало до боли жаль Дымова, его безграничной любви к ней, его молодой жизни и даже этой его осиротелой постели, на которой он давно уже не спал, и вспоминалась ей его обычная, кроткая, покорная улыбка. Она горько заплакала и написала Коростелеву умоляющее письмо. Было два часа ночи.

VIII

Когда в восьмом часу утра Ольга Ивановна, с тяжелой от бессонницы головой, непричесанная, некрасивая и с виноватым выражением, вышла из спальни, мимо нее прошел в переднюю какой-то господин с черною бородой, по-видимому, доктор. Пахло лекарствами. Около двери в кабинет стоял Коростелев и правой рукой крутил левый ус.

— К нему, извините, я вас не пушу, — угрюмо сказал он Ольге Ивановне. — Заразиться можно. Да и не к чему вам, в сущности. Он всё равно в бреду.

— У него настоящий дифтерит? — спросила шёпотом Ольга

Ивановна.

— Тех, кто на рожон лезет, по-настоящему под суд отдавать надо, — пробормотал Коростелев, не отвечая на вопрос Ольги Ивановны. — Знаете, отчего он заразился? Во вторник у мальчика высасывал через трубочку дифтеритные пленки. А к чему? Глупо... Так, сдуру...

— Опасно? Очень? — спросила Ольга Ивановна.

— Да, говорят, что форма тяжелая. Надо бы за Шреком послать, в сущности.

Приходил маленький, рыженький, с длинным носом и с еврейским акцентом, потом высокий, сутулый, лохматый; похожий на протодьякона, потом молодой, очень полный, с красным лицом и в очках. Это врачи приходили дежурить около своего товарища. Коростелев, отдежурив свое время, не уходил домой, а оставался и, как тень, бродил по всем комнатам. Горничная подавала дежурившим докторам чай и часто бегала в аптеку, и некому было убрать комнат. Было тихо и уныло.

Ольга Ивановна сидела у себя в спальне и думала о том, что это бог ее наказывает за то, что она обманывала мужа. «Ах, как я страшно солгала! — думала она, вспоминая о беспокойной любви, какая у нее была с Рябовским. — Будь оно всё проклято!..»

В четыре часа она обедала вместе с Коростелевым. Он ничего не ел, пил только красное вино и хмурился. Она тоже ничего не ела. Она мысленно молилась и давала обет богу, что если Дымов выздоровеет, то она полюбит его опять и будет верною женой.

Когда Ольга Ивановна в другой раз вышла в гостиную, Коростелев уже не спал, а сидел и курил.

— У него дифтерит носовой полости, — сказал он вполголоса. — Уже и сердце неважно работает. В сущности, плохи дела.

— А вы пошлите за Шреком, — сказала Ольга Ивановна.

— Был уже. Он-то и заметил, что дифтерит перешел в нос. Э, да что Шрек! В сущности, ничего Шрек. Он Шрек, я Коростелев — и больше ничего.

Время тянулось ужасно долго. То и дело слышались звонки; приходили доктора... Опять кто-то вошел в спальню. Ольга Ивановна вскочила и узнала Коростелева.

— Который час? — спросила она.

— Около трех.

— Ну что?

– Да что! Я пришел сказать: кончается...

Он всхлипнул, сел на кровать рядом с ней и вытер слезы рукавом. Она сразу не поняла, но вся похолодела и стала медленно креститься.

– Кончается... — повторил он тонким голосом и опять всхлипнул. — Умирает, потому что пожертвовал собой... Какая потеря для науки! — сказал он с горечью. — Это, если всех нас сравнить с ним, был великий, необыкновенный человек! Какие дарования! Какие надежды он подавал нам всем! — продолжал Коростелев, ломая руки. — Господи боже мой, это был бы такой ученый, какого теперь с огнем не найдешь. Оська Дымов, Оська Дымов, что ты наделал! Ай-ай, боже мой!

Коростелев в отчаянии закрыл обеими руками лицо и покачал головой.

– А какая нравственная сила! — продолжал он, всё больше и больше озлобляясь на кого-то. — Добрая, чистая, любящая душа — не человек, а стекло! Служил науке и умер от науки. А работал, как вол, день и ночь, никто его не щадил, и молодой ученый, будущий профессор, должен был искать себе практику и по ночам заниматься переводами, чтобы платить вот за эти... подлые тряпки!

Коростелев поглядел с ненавистью на Ольгу Ивановну, ухватился за простыню обеими руками и сердито рванул, как будто она была виновата.

– И сам себя не щадил, и его не щадили. Э, да что, в сущности!

– Да, редкий человек! — сказал кто-то басом в гостиной.

Ольга Ивановна вспомнила всю свою жизнь с ним, от начала до конца, со всеми подробностями, и вдруг поняла, что это был в самом деле необыкновенный, редкий и, в сравнении с теми, кого она знала, великий человек. И вспомнив, как к нему относились ее покойный отец и все товарищи-врачи, она поняла, что все они видели в нем будущую знаменитость. Стены, потолок, лампа и ковер на полу замигали ей насмешливо, как бы желая сказать: «Прозевала! прозевала!» Она с плачем бросилась из спальни, шмыгнула в гостиную мимо какого-то незнакомого человека и вбежала в кабинет к мужу. Он лежал неподвижно на турецком диване, покрытый до пояса одеялом. Лицо его страшно осунулось, похудело и имело серовато-желтый цвет, какого никогда не бывает у живых; и только по лбу, по черным бровям да по знакомой улыбке можно было узнать, что это Дымов. Ольга Ивановна быстро ощупала его грудь, лоб и руки. Грудь еще была те-

пла, но лоб и руки были неприятно холодны. И полуоткрытые глаза смотрели не на Ольгу Ивановну, а на одеяло.

– Дымов! — позвала она громко. — Дымов! Она хотела объяснить ему, что то была ошибка, что не всё еще потеряно, что жизнь еще может быть прекрасной и счастливой, что он редкий, необыкновенный, великий человек и что она будет всю жизнь благоговеть перед ним, молиться и испытывать священный страх...

– Дымов! — звала она его, трепля его за плечо и не веря тому, что он уже никогда не проснется. — Дымов, Дымов же!

А в гостиной Коростелев говорил горничной:

– Да что тут спрашивать? Вы ступайте в церковную сторожку и спросите, где живут богаделки. Они и обмоют тело и уберут — всё сделают, что нужно.

Послетекстовые задания

Задание 1. Трансформируйте прямую речь в косвенную.

1. Около двери в кабинет стоял Коростелев и правой рукой крутил левый ус.

– К нему, извините, я вас не пушу, — угрюмо сказал он Ольге Ивановне. — Заразиться можно. Он в бреду.

– У него настоящий дифтерит? — спросила шёпотом Ольга Ивановна.

– Знаете, отчего он заразился? Во вторник у мальчика высасывал через трубочку дифтеритные пленки. А к чему? Глупо... — пробормотал Коростелев, не отвечая на вопрос Ольги Ивановны.

– Опасно? — спросила Ольга Ивановна.

– Да, говорят, что форма тяжелая. Надо бы за профессором послать.

2. Коростелев уже не спал, а сидел и курил.

– У него дифтерит носовой полости, — сказал он вполголоса. — Уже и сердце неважно работает. В сущности, плохи дела.

– А вы пошлите за профессором, — сказала Ольга Ивановна.

– Был уже. Он-то и заметил, что дифтерит перешел в нос.

3. Время тянулось ужасно долго. Опять кто-то вошел в спальню. Ольга Ивановна вскочила и узнала Коростелева.

– Который час? — спросила она.

– Около трех.

– Ну что?

– Я пришел сказать: кончается...

Он всхлипнул, сел на кровать рядом с ней и вытер слезы руками.

— Кончается... — повторил он тонким голоском и опять всхлипнул. — Умирает, потому что пожертвовал собой... Какая потеря для науки! — сказал он с горечью. — Это, если всех нас сравнить с ним, был великий, необыкновенный человек! Какие дарования! Какие надежды он подавал нам всем! Это был бы такой ученый, какого теперь с огнем не найдешь.

Коростелев в отчаянии закрыл обеими руками лицо и покачал головой.

— Добрая, чистая, любящая душа — не человек, а стекло! Служил науке и умер от науки. А работал, как вол, день и ночь, никто его не щадил, и молодой ученый, будущий профессор, должен был искать себе практику и по ночам заниматься переводами, чтобы платить вот за эти... подлые тряпки!

Задание 2. Найдите в предложениях вводные слова и определите их значение.

1. Впрочем, третья неделя их медового месяца была проведена не совсем счастливо. 2. Двое были брюнеты с бородками, и третий совсем бритый и толстый, по-видимому, актёр. 3. Должно быть, он скоро придет. 4. Может, чаю хотите. 5. Конечно, было бы грешно отказать ему в участии. 6. Знаешь, что случилось, того уже не поправишь.

Задание 3. Вставьте отрицательные местоимения и наречия в текст (никакой, нечего, никогда, нигде, никто и др.).

1. И сам себя ... (никогда, некогда) не щадил.
2. Заразиться можно, да и ... (не к чему, ни к чему) вам входить в комнату.
3. ... (Никому, некому) было убрать комнат.
4. Она боялась опоздать в театр и ... (ничего, нечего) не сказала.
5. Ни платья, ни цветов, ни перчаток — ... (нечего, ничего) у меня нет.
6. ... (Некий, никакой) Дымова нет.
7. Я всю жизнь занимался естественными науками и мне ... (некогда, никогда) было интересоваться искусствами.
8. ... (Некто, никто) не вспоминал об его существовании.
9. Вышла замуж за простого, обыкновенного ... (нечем, ничем) не замечательного человека.
10. ... (Ни в чем, не в чем) её талантливость не сказывалась так

ярко, как в её умении быстро знакомиться со знаменитыми людьми.

11. ... (Ни в чём, не в чем) было её упрекнуть.

Задание 4. Ответьте на вопросы:

1. Кто такой Дымов?
2. Расскажите о чувствах Ольги Ивановны к Дымову, к своим друзьям.
3. Расскажите об увлечениях Ольги Ивановны.
4. Опишите одну из вечеринок у Дымовых.
5. Как вы можете описать и объяснить поездку на дачу Дымова и поведение Ольги Ивановны?
6. Расскажите об отношениях Ольги Ивановны с художником Рябовским.
7. Опишите болезнь Дымова. Почему он умер, не жалея себя?
8. К какому выводу пришла Ольга Ивановна после смерти Дымова?

Ионыч

Задание 1. Прочитайте краткое содержание текста А. П. Чехова «Ионыч».

События этого рассказа происходят в губернском городе. Автор знакомит нас с семьёй Туркиных. Отец, Иван Петрович, покоряет своим остроумием; его жена, Вера Иосифовна, пишет романы; их дочь, Екатерина Ивановна, собирается стать пианисткой. Но это только внешний антураж. На самом деле эта семья — собирательный портрет жителей этого города, бездарных обывателей, жизнь которых проходит «среди бездельников, сутяг, глупых, праздных женщин».

И в эту жизнь окунается герой рассказа, молодой врач Дмитрий Ионыч Старцев. Сын дьячка, он полон сил, энергии, увлечён работой настолько, что даже в праздники не имеет свободного времени. Молодой Старцев интересуется литературой, искусством, но мещанская среда засасывает, если с ней не бороться и не противопоставлять ей своё человеческое достоинство.

Благородная цель в жизни, любимая работа не стали основой существования Старцева. Стремление к сытости и покою оказалось сильнее. В этом причина его нравственного падения. Полюбив дочь Туркиных Екатерину Ивановну (Котика), Старцев сделал ей предложение. Она казалась ему умной, интеллигентной. Однако возникнувшая любовь сразу пугает его и, получив отказ, Старцев страдал «ровно три дня».

Жалуясь на жизнь, он мирится с нею, теряет интерес ко всему. Вся его жизнь сводится к игре в карты по вечерам и счёту денег, полученных от больных. Растеряв всё, опустившись, он духовно умер. И зовут его «Ионыч». «Старимся, полнеем, опускаемся... жизнь проходит тускло, без впечатлений, без мыслей...»

Для Ионыча умерло всё, даже его поэтическое воспоминание — когда упоминают о Туркиных, он спрашивает: «Это та Туркина, что играет на фортепиано?»

Этот рассказ Чехова призывает молодёжь не предавать светлых идеалов молодости, не предавать любовь, беречь в себе человека.

Задание 2. Прочитайте лексико-семантический комментарий к тексту.

Губерния — основная административно-территориальная единица в России.

Губернатор — начальник какой-нибудь области.

Скука — тягостное душевное состояние, томление от отсутствия дела или интереса к окружающим.

Брюнет с бакенами — мужчина с чёрными, очень тёмными волосами (бакены — волосы, растущие от висков по щекам при выбритом подбородке).

Земство — до революции: местное самоуправление в сельских местностях с преобладанием дворянства в его органах.

Предвещать — указывать на близкое наступление, совершение чего-нибудь.

Шутить — весело, забавно говорить, поступать, смеяться над кем-то (чем-то).

Шутка — то, что говорят или делают не серьёзно, ради развлечения, веселья.

Шутя — легко, без труда.

Дурачиться — развлекаться, забавляться шутками, вести себя несерьёзно.

Гимназист — ученик гимназии (**гимназия** — в России и в некоторых странах общеобразовательное среднее учебное заведение).

Ошеломить — крайне удивить, внезапно озадачить.

Ошеломление — состояние того, кто ошеломлён.

Раздобреть — толстеть, становиться упитаннее.

Одышка — учащённое и затруднённое дыхание.

Мигрень — сильная головная боль.

Возмужать — физически окрепнуть, достигнуть зрелости, стать

совсем взрослым.

Тройка с бубенчиком — упряжка из трёх лошадей (бубенцы — полые металлические шарики с кусочками металла внутри, позванивающие при встряхивании).

Острить — говорить остроты.

Остроты — остроумные выражения.

Задание 3. Прочитайте текст.

Когда в губернском городе С. приезжие жаловались на скуку и однообразие жизни, то местные жители, как бы оправдываясь, говорили, что, напротив, в С. очень хорошо, что в С. есть библиотека, театр, клуб, бывают балы, что, наконец, есть умные, интересные, приятные семьи, с которыми можно завести знакомства. И указывали на семью Туркиных как на самую образованную и талантливую.

Эта семья жила на главной улице, возле губернатора, в собственном доме. Сам Туркин, Иван Петрович, полный, красивый брюнет с бакенами, устраивал любительские спектакли с благотворительной целью, сам играл старых генералов и при этом кашлял очень смешно. Он знал много анекдотов, шарад, поговорок, любил шутить и острить, и всегда у него было такое выражение, что нельзя было понять, шутит он или говорит серьёзно. Жена его, Вера Иосифовна, худошавая, миловидная дама в *rinse-nes*, писала повести и романы и охотно читала их вслух своим гостям. Дочь, Екатерина Ивановна, молодая девушка, играла на рояле. Одним словом, у каждого члена семьи был какой-нибудь свой талант. Туркины принимали гостей радушно и показывали им свои таланты весело, с сердечной простотой. В их большом каменном доме было просторно и летом прохладно, половина окон выходила в старый тенистый сад, где весной пели соловьи; когда в доме сидели гости, то в кухне стучали ножами, во дворе пахло жареным луком — и это всякий раз предвещало обильный и вкусный ужин.

И доктору Старцеву, Дмитрию Ионычу, когда он был только что назначен земским врачом и поселился в Дялиже, в девяти верстах от С., тоже говорили, что ему, как интеллигентному человеку, необходимо познакомиться с Туркиными.

Старцеву представили Екатерину Ивановну, восемнадцатилетнюю девушку, очень похожую на мать, такую же худошавую и миловидную. Выражение у неё было ещё детское и талия тонкая, нежная; и девственная уже развитая грудь, красивая, здоровая, говорила о весне, настоящей весне. Потом пили чай с вареньем, с мёдом, с кон-

фетами и с очень вкусными печеньями, которые таяли во рту. С наступлением вечера, мало-помалу, сходились гости, и к каждому из них Иван Петрович обращал свои смеющиеся глаза и говорил:

– Здравствуйте пожалуйста.

Потом все сидели в гостиной с очень серьёзными лицами, и Вера Иосифовна читала свой роман.

– А теперь ты, Котик, сыграй что-нибудь, — сказал Иван Петрович дочери.

Подняли у рояля крышку, раскрыли ноты, лежавшие уже наготове. Екатерина Ивановна села и обеими руками ударила по клавишам; и потом тотчас же опять ударила изо всей силы, и опять, и опять; плечи и грудь у неё содрогались, она упрямо ударяла всё по одному месту, и казалось, что она не перестанет, пока не вобьёт клавишей внутрь рояля. Гостиная наполнилась громом; гремело всё: и пол, и потолок, и мебель... Екатерина Ивановна играла трудный пассаж, интересный именно своею трудностью, длинный и однообразный, и Старцев, слушая, рисовал себе, как с высоты горы сыплются камни, и ему хотелось, чтобы они поскорее перестали сыпаться, и в то же время Екатерина Ивановна, розовая от напряжения, сильная, энергичная, с локоном, упавшим на лоб, очень нравилась ему. После зимы, проведённой в Дялиже, среди больных и мужиков, сидеть в гостиной, смотреть на это молодое, изящное и, вероятно, чистое существо и слушать эти шумные, надоедливые, но всё же культурные звуки, — было так приятно, так ново...

– Прекрасно! превосходно!

– Прекрасно! — сказал и Старцев, поддаваясь общему увлечению. — Вы где учились музыке? — спросил он у Екатерины Ивановны. — В консерватории?

– Нет, в консерваторию я ещё только собираюсь.

– Вы кончили курс в здешней гимназии?

– О, нет! — ответила за неё Вера Иосифовна. — Мы приглашали учителей на дом, в гимназии же или в институте, согласитесь, могли быть дурные влияния; пока девушка растёт, она должна находиться под влиянием одной только матери.

– А всё-таки в консерваторию я поеду, — сказала Екатерина Ивановна.

– Нет, котик любит свою маму. Котик не станет огорчать папу и маму.

– Нет, поеду! Поеду! — сказала Екатерина Ивановна, шутя и

капризничая, и топнула ножкой.

А за ужином уже Иван Петрович показывал свои таланты. Он, смеясь одними только глазами, рассказывал анекдоты, острил, предлагал смешные задачи и сам же решал их и всё время говорил на своём необыкновенном языке, выработанном долгими упражнениями в остроумии и, очевидно, давно уже вошедшим у него в привычку: большинский, недурственно, покорчило вас благодарю...

Старцев всё собирался к Туркиным, но в больнице было очень много работы, и он никак не мог выбрать свободного часа.

Старцев приехал и после этого стал бывать у Туркиных часто, очень часто... Он, в самом деле, немножко помог Вере Иосифовне, и она всем гостям уже говорила, что это необыкновенный, удивительный доктор. Но ездил он к Туркиным уже не ради её мигрени...

— Я не видел вас целую неделю, — продолжал Старцев, — а если бы вы знали, какое это страдание! Сядемте. Выслушайте меня.

У обоих было любимое место в саду: скамья под старым широким клёном. И теперь сели на эту скамью.

— Что вам угодно? — спросила Екатерина Ивановна сухо, деловым тоном.

— Я не видел вас целую неделю, я не слышал вас так долго. Я страстно хочу, я жажду вашего голоса! Говорите.

Она восхищалась его своей свежестью, наивным выражением глаз и щёк. Даже в том, как сидело на ней платье, он видел что-то необыкновенно милое, трогательное своей простотой и наивной грацией. И в то же время, несмотря на эту наивность, она казалась ему очень умной и развитой не по летам. С ней он мог говорить о литературе, об искусстве, о чём угодно, мог жаловаться ей на жизнь, на людей, хотя во время серьёзного разговора, случалось, она вдруг некстати начинала смеяться или убегала в дом. Она, как почти все с—кие девушки, много читала (вообще же в С. читали очень мало, и в здешней библиотеке так и говорили, что если бы не девушки и не молодые евреи, то хоть закрывай библиотеку); это бесконечно нравилось Старцеву, он с волнением спрашивал у неё всякий раз, о чём она читала в последние дни, и, очарованный, слушал, когда она рассказывала.

— Куда же вы? — ужаснулся Старцев, когда она вдруг встала и пошла к дому. — Мне необходимо поговорить с вами, я должен объясниться... Побудьте со мной хоть пять минут! Заклинаю вас!

Она остановилась, как бы желая что-то сказать, потом неловко сунула ему в руку записку и побежала в дом и там опять села за рояль.

«Сегодня, в одиннадцать часов вечера, — прочёл Старцев, — будьте на кладбище возле памятника Деметти».

«Ну, уж это совсем неумно, — подумал он, придя в себя. — При чём тут кладбище? Для чего?»

Было ясно: Котик дурачилась. Кому, в самом деле, придёт серьёзно в голову назначать свидание ночью, далеко за городом, на кладбище, когда это легко можно устроить на улице, в городском саду? И к лицу ли ему, земскому доктору, умному, солидному человеку, вздыхать, получать записочки, таскаться по кладбищам, делать глупости, над которыми смеются теперь даже гимназисты? К чему поведёт этот роман? Что скажут товарищи, когда узнают? Так думал Старцев, бродя в клубе около столов, а в половине одиннадцатого вдруг взял и поехал на кладбище.

На другой день он поехал к Туркиным делать предложение. Но это оказалось неудобным, так как Екатерину Ивановне в её комнате причёсывал парикмахер. Она собиралась в клуб на танцевальный вечер.

Пришлось опять долго сидеть в столовой и пить чай. Иван Петрович, видя, что гость задумчив и скучает, вынул из жилетного кармана записочки, прочёл смешное письмо немца управляющего о том, как в имении испортились все запираательства и обвалилась застенчивость.

«А приданого они дадут, должно быть, немало», — думал Старцев, рассеянно слушая.

После бессонной ночи он находился в состоянии ошеломления, точно его опоили чем-то сладким и усыпляющим, на душе было туманно, но радостно, тепло, и в то же время в голове какой-то холодный, тяжёлый кусочек рассуждал:

«Остановись, пока не поздно! Пара ли она тебе? Она избалованна, капризна, спит до двух часов, а ты дьячковский сын, земский врач...»

«Ну что ж? — думал он. — И пусть».

«К тому же, если ты женишься на ней, — продолжал кусочек, — то её родня заставит тебя бросить земскую службу и жить в городе».

«Ну что ж? — думал он. — В городе так в городе. Дадут приданое, заведём обстановку...»

— А я вчера был на кладбище, — начал Старцев. — Как это невеликодушно и немилосердно с вашей стороны...

— Вы были на кладбище?

– Да, я был там и ждал вас почти до двух часов. Я страдал...

– И страдайте, если вы не понимаете шуток.

Екатерина Ивановна, довольная, что так хитро подшутила над влюблённым и что её так сильно любят, захохотала и вдруг вскрикнула от испуга, так как в это самое время лошади круто поворачивали в ворота клуба и коляска накренилась. Старцев обнял Екатерину Ивановну за талию; она, испуганная, прижалась к нему, и он не удержался и страстно поцеловал её в губы, в подбородок и сильнее обнял.

– Довольно, — сказала она сухо.

– Дмитрий Ионыч, — сказала Екатерина Ивановна с очень серьёзным выражением, подумав. — Дмитрий Ионыч, я очень благодарна вам за честь, я вас уважаю, но, извините, быть вашей женой я не могу. Будем говорить серьёзно. Дмитрий Ионыч, вы знаете, больше всего в жизни я люблю искусство, я безумно люблю, обожаю музыку, ей я посвятила всю свою жизнь. Я хочу быть артисткой, я хочу славы, успеха, свободы, а вы хотите, чтобы я продолжала жить в этом городе, продолжала эту пустую, бесполезную жизнь, которая стала для меня невыносима. Сделаться женой — о нет, простите! Человек должен стремиться к высшей, блестящей цели, а семейная жизнь связала бы меня навеки.

У Старцева перестало беспокоило биться сердце. Выйдя из клуба на улицу, он прежде всего сорвал с себя жёсткий галстук и вздохнул всей грудью. Ему было немножко стыдно, и самолюбие его было оскорблено, — он не ожидал отказа, — и не верилось, что все его мечты, томления и надежды привели его к такому глупенькому концу, точно в маленькой пьесе на любительском спектакле. И жаль было своего чувства, этой своей любви, так жаль, что, кажется, взял бы и зарыдал или изо всей силы хватил бы зонтиком по широкой спине Пантелеймона.

Дня три у него дело валилось из рук, он не ел, не спал, но, когда до него дошёл слух, что Екатерина Ивановна уехала в Москву поступать в консерваторию, он успокоился и зажил по-прежнему.

Прошло четыре года. В городе у Старцева была уже большая практика. Каждое утро он спешно принимал больных у себя в Дялиже, потом уезжал к городским больным, уезжал уже не на паре, а на тройке с бубенчиками, и возвращался домой поздно ночью. Он пополнился, раздобрел и неохотно ходил пешком, так как страдал одышкой.

И Старцев избегал разговоров, а только закусывал или играл в

винт, и когда заставал в каком-нибудь доме семейный праздник и его приглашали откусать, то он садился и ел молча, глядя в тарелку; и всё, что в это время говорили, было неинтересно, несправедливо, глупо, он чувствовал раздражение, волновался, но молчал, и за то, что он всегда молчал и глядел в тарелку, его прозвали в городе «поляк надутый», хотя он никогда поляком не был.

Было у него ещё одно развлечение, в которое он втянулся незаметно, мало-помалу, — это по вечерам вынимать из карманов бумажки, добытые практикой, и, случалось, бумажек — жёлтых и зелёных, от которых пахло духами и уксусом, и ладаном, и ворванью, — было понапихано во все карманы рублей на семьдесят; и, когда собиралось несколько сот, он отвозил в «Общество взаимного кредита» и клал там на текущий счёт.

За все три года после отъезда Екатерины Ивановны он был у Туркиных только два раза, по приглашению Веры Иосифовны, которая всё ещё лечилась от мигрени. Каждое лето Екатерина Ивановна приезжала к родителям погостить, но он не видел её ни разу; как-то не случалось.

Но вот прошло четыре года. В одно тихое, тёплое утро в больницу принесли письмо. Вера Иосифовна писала Дмитрию Ионычу, что очень соскучилась по нём, и просила его непременно пожаловать к ней и облегчить её страдания, и кстати же сегодня день её рождения. Внизу была приписка: «К просьбе мамы присоединяюсь и я. К.»

Старцев подумал и вечером поехал к Туркиным.

— А, здравствуйте пожалуйста! — встретил его Иван Петрович, улыбаясь одними глазами. — Бонжурте.

Вера Иосифовна, уже сильно постаревшая, с белыми волосами, пожала Старцеву руку, манерно вздохнула и сказала:

— Вы, доктор, не хотите ухаживать за мной, никогда у нас не бываете, я уже стара для вас. Но вот приехала молодая, может быть, она будет счастливее.

А Котик? Она похудела, побледнела, стала красивее и стройнее; но уже это была Екатерина Ивановна, а не Котик; уже не было прежней свежести и выражения детской наивности. И во взгляде и в манерах было что-то новое — несмелое и виноватое, точно здесь, в доме Туркиных, она уже не чувствовала себя дома.

— Сколько лет, сколько зим! — сказала она, подавая Старцеву руку, и было видно, что у неё тревожно билось сердце; и, пристально, с любопытством глядя ему в лицо, она продолжала: — Как вы попол-

нели! Вы загорели, возмужали, но, в общем, вы мало изменились.

И теперь она ему нравилась, очень нравилась, но чего-то уже недоставало в ней или что-то было лишнее, — он и сам не мог бы сказать, что именно, но что-то уже мешало ему чувствовать, как прежде. Ему не нравилась её бледность, новое выражение, слабая улыбка, голос, а немного погодя уже не нравилось платье, кресло, в котором она сидела, не нравилось что-то в прошлом, когда он едва не женился на ней. Он вспомнил о своей любви, о мечтах и надеждах, которые волновали его четыре года назад, — и ему стало неловко.

Пили чай со сладким пирогом. Потом Вера Иосифовна читала вслух роман, читала о том, чего никогда не бывает в жизни, а Старцев слушал, глядел на её седую красивую голову и ждал, когда она закончит.

«Бездарен, — думал он, — не тот, кто не умеет писать повестей, а тот, кто их пишет и не умеет скрыть этого».

– Недурственно, — сказал Иван Петрович.

Потом Екатерина Ивановна играла на рояле шумно и долго, и, когда закончила, её долго благодарили и восхищались ею.

«А хорошо, что я на ней не женился», — подумал Старцев.

Она смотрела на него и, по-видимому, ждала, что он предложит ей пойти в сад, но он молчал.

– Давайте же поговорим, — сказала она, подходя к нему. — Как вы живёте? Что у вас? Как? Я все эти дни думала о вас, — продолжала она нервно, — хотела послать вам письмо, хотела сама поехать к вам в Дялиж, и я уже решила поехать, но потом раздумала, — бог знает, как вы теперь ко мне относитесь. Я с таким волнением ожидала вас сегодня. Ради бога, пойдёмте в сад.

Они пошли в сад и сели там на скамью под старым клёном, как четыре года назад. Было темно.

– Как вы поживаете? — спросила Екатерина Ивановна.

– Ничего, живём понемножку, — ответил Старцев.

И ничего не мог больше придумать. Помолчали.

– Но у вас работа, благородная цель в жизни. Вы так любили говорить о своей больнице. Я тогда была какая-то странная, воображала себя великой пианисткой. Теперь все барышни играют на рояле, и я тоже играла, как все, и ничего во мне не было особенного; я такая же пианистка, как мама писательница. И конечно, я вас не понимала тогда, но потом, в Москве, я часто думала о вас. Я только о вас и думала, какое это счастье быть земским врачом, помогать страдальцам,

служить народу! Какое счастье! — повторила Екатерина Ивановна с увлечением. — Когда я думала о вас в Москве, вы представлялись мне таким идеальным, возвышенным...

Старцев вспомнил про бумажки, которые он по вечерам вынимал из карманов с таким удовольствием, и огонёк в душе погас.

Он встал, чтобы идти к дому. Она взяла его под руку.

— Вы лучший из людей, которых я знала в своей жизни, — продолжала она. — Мы будем видеться, говорить, не правда ли! Обещайте мне. Я не пианистка, на свой счёт я уже не заблуждаюсь, и не буду при вас ни играть, ни говорить о музыке.

Когда вошли в дом и Старцев увидел при вечернем освещении её лицо и грустные, благодарные, испытующие глаза, обращённые на него, то почувствовал беспокойство и подумал опять: «А хорошо, что я тогда не женился».

Прошло ещё несколько лет. Старцев ещё больше пополнил, ожирел, тяжело дышит и уже ходит, откинув назад голову. Когда он, пухлый, красный, едет на тройке с бубенчиками, и Пантелеймон, тоже пухлый и красный, с мясистым затылком, сидит на козлах и кричит встречным: «Прррава держи!», то картина бывает внушительная, и кажется, что едет не человек, а языческий бог.

Вероятно, оттого, что горло заплыло жиром, голос у него изменился, стал тонким и резким. Характер у него тоже изменился: стал тяжёлым, раздражительным. Принимая больных, он обыкновенно сердится, нетерпеливо стучит палкой о пол и кричит своим неприятным голосом:

— Извольте отвечать только на вопросы! Не разговаривать!

Он одинок. Живётся ему скучно, ничто его не интересует.

За всё время, пока он живёт в Дялиже, любовь к Котику была его единственной радостью и, вероятно, последней. По вечерам он играет в клубе в винт и потом сидит один за большим столом и ужинает.

И когда, случается, по соседству за каким-нибудь столом заходит речь о Туркиных, то он спрашивает:

— Это вы про каких Туркиных? Это про тех, что дочка играет на фортепьянах?

Вот и всё, что можно сказать про него.

А Туркины? Иван Петрович не постарел, несколько не изменился и по-прежнему всё острит и рассказывает анекдоты; Вера Иосифовна читает гостям свои романы по-прежнему охотно, с сердечной простотой. А Котик играет на рояле каждый день, часа по четы-

ре. Она заметно постарела, похварывает и каждую осень уезжает с матерью в Крым. Провожая их на вокзале, Иван Петрович, когда трогается поезд, утирает слёзы и кричит:

– Прощайте пожалуйста!

И машет платком.

Послетекстовые задания

Задание 1. Объясните значения слов: *худощавая, миловидная, капризная, наивная, застенчивая.*

Задание 2. Зачитайте характеристику города С...

Задание 3. Выпишите словосочетания, характеризующие Екатерину Ивановну.

Задание 4. Выпишите словосочетания, характеризующие доктора Старцева.

Задание 5. Прочитайте отрывок, в котором описывается жизнь семьи Туркиных.

Задание 6. Найдите в I главе строки, указывающие на близость Старцева к семье Туркиных по сытости, комфорту, которого у него пока нет.

Вопросы к тексту

1. Что стало для Старцева любимым развлечением через 4 года?
2. Каковы причины, приведшие к духовному падению доктора Старцева? (обнищание духа, ослабление воли, потеря активности)
3. Как вы понимаете, почему автор называет Старцева в I главе Дмитрием, затем — Старцевым, а в пятой (последней) — Ионычем?
4. Как вы понимаете слова великого русского писателя XIX в. Н. В. Гоголя: «И до какой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек, мог так измениться!... Выходя из мягких юношеских лет в суровое, ожесточающее мужество, забирайте с собой все человеческие движения, не оставляйте их на будущее, не поднимете потом». Почему их можно отнести к образу доктора Старцева?
5. Как вы понимаете слова Чехова «краткость — сестра таланта» и применимы ли они к творчеству Чехова?

Цветы запоздалые

Задание 1. Прочитайте краткое содержание текста А. П. Чехова «Цветы запоздалые».

Это повесть о враче, талантливом докторе, который стал знаменитым, будучи крепостным.

Топорков считал, что деньги, труд приносят счастье. Он проиграл эту жизнь, разменяв на материальное благополучие истинные ценности — настоящую любовь, дружбу, идеалы юности. В жизни важно не только много работать, в жизни надо ещё и сильно любить. Жизнь нельзя прожить ради денег, а Топорков женится ради них на богатой купчихе.

После неожиданного признания Маруси Топорков понимает, что жил как-то не так, любил как-то не так. И зная, что любимая девушка умирает, он всё равно везёт её на лечение за границу.

Задание 2. Прочитайте лексико-семантический комментарий к тексту.

Князь — наследственный титул потомков правителя области в феодальной, удельной Руси или лиц, получавших его при царизме в награду, а также лицо, имеющее этот титул.

Крепостной — относящийся к общественному строю, при котором помещик имел право на принудительный труд, имущество и личность принадлежащих ему крестьян.

Камердинер — в буржуазно-дворянском быту: домашний слуга.

Гусар — в царской и некоторых иностранных армиях: военный из частей так называемой легкой кавалерии, носивших венгерку.

Фанатизм — образ мыслей и поведение фанатика (фанатик — 1. Человек исступленной религиозности, изувер. 2. Человек, страстно преданный какому-нибудь делу.)

Богатырь — 1. Герой русских былин, совершающий воинские подвиги. 2. Человек безмерной силы, стойкости, отваги.

Помещик — землевладелец-дворянин (в странах, где существуют крепостнические, феодальные отношения или их остатки).

Судебный пристав — в царской России: судебный чиновник.

Идти в заклад (заклад — то же, что и залог) — отдавать имущество за долги.

Духовное училище — низшее церковное учебное заведение.

Семинария — специальное среднее церковное учебное заведение.

Разночинец — в XIX в. в России: интеллигент — выходец из недво-

рянских классов, из мелкого чиновничества.

Репозиторий БГМУ

Задание 3. Как вы понимаете выражения:

1. Не спасло солнце от мрака и не цвести цветам поздней осенью.
2. ...выслушивать в груди хоть маленькую надежду.
3. ...лбом своим пробил тоннель к жизни и победил.
4. Знал отлично, как свои пять пальцев.
5. Доктор не чаял души в Егорушке.

Задание 4. Прочитайте текст.

Дело происходило в одно темное, осеннее «после обеда» в доме князей Приклонских.

Старая княгиня и княжна Маруся стояли в комнате молодого князя, ломали пальцы и умоляли.

Княгиня стояла перед ним неподвижно и плакала.

Напомнила даже и о докторе Топоркове.

Доктор Топорков был спицей в глазу князей Приклонских. Отец его был крепостным, камердинером покойного князя, Сенькой. Никифор, его дядя по матери, еще до сих пор состоит камердинером при особе князя Егорушки. И сам он, доктор Топорков, в раннем детстве получал подзатыльники за плохо вычищенные княжеские ножи, вилки, сапоги и самовары. А теперь он — ну, не глупо ли? — молодой, блестящий доктор, живет барином, в чертовски большом доме, ездит на паре, как бы в «пику» Приклонским, которые ходят пешком и долго торгуются при найме экипажа.

— Он всеми уважаем, — сказала княгиня, плача и не утирая слез, — всеми любим, богат, красавец, везде принят... Твой-то слуга бывший, племянник Никифора! Стыдно сказать! А почему? А потому, что он ведет себя хорошо, не кутит, с худыми людьми не знается... Работает от утра до ночи.... А ты? Боже мой, господи!

Княжна Маруся, девушка лет двадцати, хорошенькая, как героиня английского романа, с чудными кудрями льняного цвета, с большими умными глазами цвета южного неба, умоляла брата Егорушку с не меньшей энергией.

Она так любила брата! По ее мнению, ее развратный брат, отставной гусар, князь Егорушка, был выразителем самой высшей правды и образцом добродетели самого высшего качества! Она была уверена, уверена до фанатизма, которому могли бы позавидовать все сказочные феи. Она видела в нем неудачника, человека непонятого, непризнанного. Его пьяное распутство извиняла она почти с востор-

гом. Еще бы! Егорушка давно уж убедил ее, что он пьет с горя: вином и водкой заливает он безнадежную любовь, которая жжет его душу, и в объятиях развратных девок он старается вытеснить из своей гусарской головы *ее* чудный образ.

– Жорж! — говорила Маруся, прижимаясь к нему и целуя его испитое, красноносое лицо. — Ты с горя пьешь, это правда... Неужели все несчастные должны пить? Ты терпи, мужайся, борись! Богатырем будь! При таком уме, как у тебя, с такой честной, любящей душой можно сносить удары судьбы! О! Вы, неудачники, все малодушны!..

Князь Егорушка лежал на кровати и своими красными, кроличьими глазами глядел в потолок. В голове его слегка шумело. Ему было жаль плачущую мать и сестру, и в то же время ему сильно хотелось выгнать их из комнаты: они мешали ему вздремнуть, всхрапнуть... Он был глуп, но не настолько, чтобы не сознавать, что дом Приклонских действительно погибает и отчасти по его милости...

Княгиня и Маруся умоляли очень долго.

– Ладно, исправлюсь!

– Честное и благородное слово?

– Накажи меня бог!

Княгиня заставила его поцеловать образ. Он поцеловал и образ, причем перекрестился три раза. Клятва была дана, одним словом, самая настоящая.

– Мы тебе верим! — сказали княгиня и Маруся и бросились обнимать Егорушку.

...На другой день, утром, пришлось ужаснуться.

Часов в одиннадцать, когда княгиня и Маруся пили кофе, вошел в столовую Никифор и доложил их сиятельствам, что с князем Егорушкой творится что-то неладное.

– Должно полагать, помирают-с! — сказал Никифор. — Извольте посмотреть!

Лица княгини и Маруси стали белы, как полотно.

Придя в себя, княгиня и Маруся решили послать за знаменитостью. Дороги знаменитости, но... что же делать? Жизнь близкого человека дороже денег. Повар побежал к Топоркову.

Топорков не скоро отозвался па приглашение. Ждали его, с замиранием сердца, с тревогой, день, ждали всю ночь, утро... Хотели даже послать за другим доктором и порешили назвать Топоркова невежей, когда он придет, назвать прямо в лицо, чтобы он не смел в

другой раз заставляя других ожидать себя так долго. Обитатели дома князей Приклонских, несмотря на свое горе, были возмущены до глубины души. Наконец в два часа другого дня к подъезду подкатила коляска. Никифор стремительно засеменил к двери и через несколько секунд наипочтительнейше стаскивал с плеч своего племянника драповое пальто. Топорков кашлем дал знать о своем приходе и, никому не кланяясь, пошел в комнату больного. Прошел он через зал, гостиную и столовую, ни на кого не глядя, важно, по-генеральски, на весь дом скрипя своими сияющими сапогами. Его огромная фигура внушала уважение. Он был статен, важен, представительен и чертовски правилен, точно из слоновой кости выточен. Золотые очки и до крайности серьезное, неподвижное лицо дополняли его горделивую осанку. По происхождению он плебей, но плебейского в нем, кроме сильно развитой мускулатуры, почти ничего нет. Всё — барское и даже джентльменское. Лицо розовое, красивое и даже, если верить его пациенткам, очень красивое. Шея белая, как у женщины. Волосы мягки, как шёлк, и красивы, но, к сожалению, подстрижены. Занимайся Топорков своею наружностью, он не стриг бы этих волос, а дал бы им виться до самого воротника. Лицо красивое, но слишком сухое и слишком серьезное для того, чтобы казаться приятным. Оно, сухое, серьезное и неподвижное, ничего не выражало, кроме сильного утомления целодневным тяжелым трудом.

Маруся пошла навстречу Топоркову и, ломая перед ним руки, начала просить. Ранее она никогда и ни у кого не просила.

— Спасите его, доктор! — сказала она, поднимая на него свои большие глаза. — Умоляю вас! На вас вся надежда!

Топорков обошел Марусю и направился к Егорушке.

— Открыть вентиляцию! — скомандовал он, войдя к больному. — Почему не открыты вентиляции? Дышать чем же?

Княгиня, Маруся и Никифор бросились к окнам и печи. В окнах, в которые уже были вставлены двойные рамы, вентиляций не оказалось. Печь не топилась.

— Вентиляций нет, — робко сказала княгиня.

— Странно... Гм... Лечи вот при таких условиях! Я лечить не стану!

И чуточку возвысив голос, Топорков прибавил:

— Несите его в зал! Там не так душно. Позовите людей!

Княгиня, краснея, что у нее, кроме Никифора, повара и полуслепой горничной, нет более прислуги, взялась за кровать. Маруся

тоже взялась за кровать и потянула изо всех сил. Дряхлый старик и две слабые женщины с кряхтением подняли кровать и, не веря своим силам, спотыкаясь и боясь уронить, понесли. У княгини порвалось на плечах платье и что-то оторвалось в животе, у Маруси позеленело в глазах и страшно заболели руки, — так был тяжел Егорушка! А он, доктор медицины Топорков, важно шагал за кроватью и сердито морщился, что у него отнимают время на такие пустяки. И даже пальца не протянул, чтобы помочь дамам!

Кровать поставили рядом с роялем. Топорков сбросил одеяло и, задавая княгине вопросы, принялся раздевать мечущегося Егорушку. Сорочка была сдернута в одну секунду.

— Вы покороче, пожалуйста! Это к делу не относится! — отчеканивал Топорков, слушая княгиню, — Лишние могут уйти отсюда!

Постучав молоточком по Егорушкиной груди, он перевернул больного на живот и опять постукал; с сопеньем выслушал (доктора всегда сопят, когда выслушивают) и констатировал неосложненную пьянственную горячку.

— Не мешает надеть горячечную рубаху, — сказал он своим ровным, отчеканивающим каждое слово, голосом.

Давши еще несколько советов, он написал рецепт и быстро пошел к двери. Когда он писал рецепт, он спросил, между прочим, фамилию Егорушки.

— Князь Приклонский, — сказала княгиня.

— Приклонский? — переспросил Топорков.

«Как же скоро ты забыл фамилию своих бывших... помещиков!» — подумала княгиня.

Слово «господ» княгиня не сумела подумать: фигура бывшего крепостного была слишком внушительна!

В передней она подошла к нему и с замиранием сердца спросила:

— Доктор, он не опасен?

— Я думаю.

— По вашему мнению, выздоровеет?

— Полагаю, — ответил холодно доктор и, слегка кивнув головой, пошел вниз по лестнице к своим лошадям, таким же статным и важным, как и он сам.

По уходе доктора княгиня и Маруся, впервые после суточного томления, свободно вздохнули. Знаменитость Топорков подал им надежду.

– Как он внимателен, как мил! — сказала княгиня, в душе благословляя всех докторов на свете. Матери любят медицину и верят в нее, когда больны их дети!

– Ва-а-ажный господин! — заметил Никифор.

Княгиня скрывала от него, что его племянник доктор.

Вечером, по заходе солнца, с изнемогшей от горя и усталости Марусей приключился вдруг сильный озноб; этот озноб свалил ее в постель. За ознобом последовали сильный жар и боль в боку. Всю ночь она пробредила и простонала:

– Я умираю, татан!

И Топоркову, приехавшему в десятом часу утра, пришлось лечить вместо одного двоих: князя Егорушку и Марусю. У Маруси нашел он воспаление легкого.

В доме князей Приклонских запахло смертью.

Горячку и воспаление легких считала княгиня самыми смертельными болезнями, и, когда в мокроте Маруси показалась кровь, она вообразила, что у княжны «последний градус чахотки», и упала в обморок.

Можете же вообразить себе ее радость, когда княжна на седьмой день болезни улыбнулась и сказала:

– Я здорова.

На седьмой день очнулся и Егорушка. Молясь, как на полубога, смеясь от счастья и плача, княгиня подошла к приехавшему Топоркову и сказала:

– Я обязана вам, доктор, спасением моих детей! Благодарю!

– Что-с?

– Я обязана вам многим! Вы спасли моих детей!

– А... Седьмые сутки! Я ожидал на пятые. Впрочем, все равно. Давать этот порошок утром и вечером. Компресс продолжать. Это тяжелое одеяло можно заменить более легким. Сыну давайте кислое питье. Завтра вечером заеду.

И знаменитость, кивнув головой, мерным, генеральским шагом зашагала к лестнице.

II

...Таков был день, когда Маруся и Егорушка сидели у окна и в последний раз поджидали Топоркова. Свет, греющий, ласкающий, бил и в окна Приклонских; он играл на коврах, стульях, рояле. Всё было залито этим светом. Маруся и Егорушка глядели в окно на улицу и праздновали свое выздоровление. Выздоровливающие, в осо-

бенности если они молоды, всегда очень счастливы. Они чувствуют и понимают здоровье, чего не чувствует и не понимает обыкновенный здоровый человек. Здоровье есть свобода...

— Удивительный человек, всемогущий человек! — говорила она. — Как всемогуще его искусство! Посуди, Жорж, какой высокий подвиг: бороться с природой и побороть!

— Жаль только, что он... он такого низкого происхождения, — сказала княгиня, робко взглянув на дочь. — И ремесло его... не особенно чистое. Вечно в разной разности копается... Фи!

Княжна вспыхнула и пересела на другое кресло, подальше от матери. Егорушку тоже покорило.

— В нынешние времена, муттер, — сказал он, презрительно подергивая плечами, — у кого есть голова на плечах и большой карман в панталонах, тот и хорошего происхождения, а у кого вместо головы сиделище тела человеческого, а вместо кармана мыльный пузырь, тот... нуль, вот что-с!

Княгиня, уличенная в рутинерстве, сконфузилась и принялась оправдываться.

— Впрочем, в Петербурге я знавала одного доктора — барона, — сказала она. — Да, да... И за границей тоже... Это правда... Образование много значит. Ну, да...

В первом часу приехал Топорков. Он вошел так же, как и в первый раз: вошел важно, ни на кого не глядя.

— Не употреблять спиртных напитков и избегать, по возможности, излишеств, — обратился он к Егорушке, положив шляпу. — Следить за печенью. Она у вас уже значительно увеличена. Увеличение ее следует всецело отнести на счет употребления напитков. Пить прописанные воды.

И, повернувшись к Марусе, он преподал и ей несколько заключительных советов.

Маруся выслушала со вниманием, точно интересную сказку, глядя прямо в глаза ученому человеку.

Визит продолжался ровно четыре минуты.

Топорков кашлянул, взялся за шляпу и кивнул головой. Маруся и Егорушка впились глазами в мать. Маруся даже покраснела.

Княгиня, покачиваясь, подошла к доктору и неловко всунула свою руку в его белый кулак.

— Позвольте вас поблагодарить! — сказала она. Егорушка и Маруся опустили глаза. Топорков поднес кулак к очкам и узрел сверток.

Не конфузясь и не опуская глаз, он помочил во рту палец и чуть слышно сосчитал кредитные билеты. Он насчитал двенадцать двадцатипятирублевков. Недаром Никифор бегал куда-то вчера с ее браслетами и серьгами! По лицу Топоркова пробежала светлая тучка, нечто вроде сияния, с которым пишут святых; рот слегка передернула улыбка. По-видимому, он остался очень доволен вознаграждением. Сосчитав деньги и положив их в карман, он еще раз кивнул головой и повернулся к двери.

Княгиня, Маруся и Егорушка впились глазами в докторскую спину. Глаза их затеплились хорошим чувством: этот человек уходил и больше не придет, а они уже привыкли к его мерным шагам, отчеканивающему голосу и серьезному лицу. В голове матери мелькнула маленькая идеяка.

– Доктор, — сказала она мягким, старушечьим голосом.

Доктор оглянулся.

– Что-с?

– Не выпьете ли вы с нами стакан кофе? Будьте так добры!

Топорков наморщил лоб и медленно потянул из кармана часы. Взглянув на часы и немного подумав, он сказал:

– Я выпью чаю.

Топорков положил шляпу и сел; сел прямо, как манекен, которому согнули колени и выпрямили плечи и шею. Княгиня и Маруся засуетились. У Маруси сделались большие глаза, озабоченные, точно ей задали неразрешимую задачу. Никифор, в черном поношенном фраке и серых перчатках, забегал по всем комнатам. Во всех концах дома застучала чайная посуда и посыпались со звоном чайные ложки. Егорушку зачем-то вызвали на минуту из зала, вызвали потихоньку, таинственно.

Топорков, в ожидании чая, просидел минут десять. Сидел он и глядел на педаль рояля, не двигаясь ни одним членом и не издавая ни звука. Наконец отворилась из гостиной дверь. Показался сияющий Никифор с большим подносом в руках. На подносе, в серебряных подстаканниках, стояли два стакана: один для доктора, другой для Егорушки. Вокруг стаканов, соблюдая строгую симметрию, стояли молочники с сырыми и топлеными сливками, сахар с щипчиками, кружки лимона с вилочкой и бисквиты.

– Кушайте, пожалуйста! — обратилась княгиня к Топоркову.

И, как и следовало ожидать, наступило молчание — жуткое, противное. Доктор пил и молчал.

Княгиня и Маруся, которым ужасно хотелось поговорить с умным человеком, не знали, с чего начать; обе боялись показаться глупыми. Тишина воцарилась гробовая, изредка нарушаемая глотательными звуками. Топорков глотал очень громко. Он, видимо, не стеснялся и пил, как хотел. Глотая, он издавал звуки, очень похожие на звук «глы».

– Правду говорят, что курить вредно? — собрался наконец спросить Егорушка.

– Никотин, алкалоид табака, действует на организм как один из сильных ядов. Яд, который вводится в организм каждой папиросой, ничтожен количеством, но зато введение его продолжительно. Количество яда, как и энергия его, находится в обратном отношении с продолжительностью потребления.

Княгиня и Маруся переглянулись: какой он умница!

– Скажите мне, доктор, я окончательно выздоровела? — спросила Маруся. — Могу я рассчитывать на полное выздоровление?

– Полагаю. Я рассчитываю на полное выздоровление, на основании...

И доктор, высоко держа голову и в упор глядя на Марусю, начал толковать об исходах воспаления легких. Говорил он мерно, отчеканивая каждое слово, не возвышая и не понижая голоса. Его слушали более чем охотно, с наслаждением, но, к сожалению, этот сухой человек не умел популяризировать и не считал нужным подтасовываться под чужие мозги. Он упомянул несколько раз слово «абсцесс», «творожистое перерождение» и вообще говорил очень хорошо и красиво, но очень непонятно. Прочел целую лекцию, пересыпанную медицинскими терминами, и не сказал ни одной фразы, которую поняли бы слушатели. Однако это не помешало слушателям сидеть разинув рты и глядеть на ученого почти с благоговением. Маруся не отрывала глаз от его рта и ловила каждое слово. Она глядела на него и сравнивала его лицо с теми лицами, которые ей приходится каждый день видеть.

Как не похожи были на это ученое, утомленное лицо испитые, тупые лица ее ухаживателей, друзей Егорушки, которые ежедневно надоедают ей своими визитами! Лица кутил и забулдыг, от которых она, Маруся, ни разу не слыхала ни одного доброго, порядочного слова, и в подметки не годились этому холодному, бесстрастному, но умному, надменному лицу.

«Прелестное лицо! — думала Маруся, восхищаясь и лицом, и

голосом, и словами. — Какой ум и сколько знаний! Зачем Жорж военный? И ему бы быть ученым».

Егорушка смотрел с умилением на доктора и думал:

«Если он говорит об умных вещах, то, значит, считает нас умными».

Когда доктор кончил свою лекцию, слушатели глубоко вздохнули, точно совершили какой-нибудь славный подвиг.

— Как хорошо всё знать! — вздохнула княгиня. Маруся поднялась...

— Это из Шопена, — заговорила княгиня...

Маруся начала играть лучшее место в вальсе и обернулась с улыбкой. Ей нужно было прочесть на лице доктора: какое впечатление произвела на него ее игра?

Но не удалось ей ничего прочесть. Доктор сделал последний глоток, поднялся и взялся за шляпу, не выражая ни малейшего желания дослушать вальс до конца.

...И все трое посмотрели в окно на коляску, в которую садилась знаменитость в большой медвежьей шубе. Княгиня покраснела от зависти, а Егорушка значительно подмигнул глазом и свистнул. Маруся не видела коляски. Ей некогда было видеть ее: она рассматривала доктора, который произвел на нее сильнейшее впечатление. На кого не действует новизна?

А Топорков для Маруси был слишком нов...

Выпал первый снег, за ним второй, третий, и затянулась надолго зима со своими трескучими морозами, сугробами и сосульками.

Жизнь в доме князей Приклонских потекла своим чередом. Егорушка и Маруся совершенно уже выздоровели, и даже мать перестала считать их больными. Обстоятельства, как и прежде, не думали поправляться. Дела становились все хуже и хуже, денег становилось всё меньше и меньше...

Подушка княгини по-прежнему не высыхала от слез. Днем княгиня крепилась, ночью же давала полную свободу слезам и плакала всю ночь, вплоть до утра. Любимые вещи шли в заклад, разлука с ними резала княгиню в самое сердце. Егорушка по-прежнему вел беспорядочную жизнь, Маруся не была еще пристроена...

Денег становилось всё меньше и меньше, а Егорушка кутил всё больше и больше; кутил он настойчиво. Занять денег у первого встречного ему ничего не стоило. Садиться играть в карты, не имея в кармане ни гроша, было у него обыкновением... Изменился он очень

мало: прежде он сердился, когда над ним смеялись, теперь же он только слегка конфузился, когда его выталкивали или выводили.

Изменилась одна только Маруся. У нее была новость, и новость самая ужасная. Она стала разочаровываться в брате. ...Бывали минутки, когда ей страстно хотелось уйти, но куда? Туда, разумеется, где живут люди, которые не дрожат перед бедностью, не развратничают, работают, не беседуют по целым дням с глупыми старухами и пьяными дураками... И в воображении Маруси торчало гвоздем одно порядочное, разумное лицо; на этом лице она читала и ум, и массу знаний, и утомление. Лица этого нельзя было забыть. Она видела его каждый день и в самой счастливой обстановке, именно в то время, когда владелец его работал или делал вид, что работает.

Доктор Топорков каждый день пролетал мимо дома Приклонских на своих роскошных санках с медвежьим пологом и толстым кучером. Пациентов у него было очень много. Делал визиты он от раннего утра до позднего вечера и успевал за день изъездить все улицы и переулки. Сидел он в санях так же, как и в кресле: важно, держа прямо голову и плечи, не глядя по сторонам. Из-за пушистого воротника его медвежьей шубы ничего не было видно, кроме белого, гладкого лба и золотых очков, но Марусе достаточно было и этого.

Одна только Маруся помнила доктора, остальные же начали забывать его и скоро совершенно забыли бы, если бы он не напомнил о себе. Напомнил о себе он слишком чувствительно.

На второй день Рождества, в полдень, когда Приклонские были дома, в передней робко звякнул звонок.

— Княгинюшка до-о-о-ма? — послышался из передней старушечий голос.

— Что вам угодно? — спросила княгиня, с любопытством глядя на старуху.

Старуха уселась в кресло и заявила, что у княгини есть товар, а у нее, старухи, купец. Маруся вспыхнула.

— Странно, — сказала княгиня. — Сватать, значит, пришли? Поздравляю тебя, Мари, с женихом! А кто он? Можно узнать?

Княгиня взяла карточку и лениво поднесла ее к глазам. Подала карточку Марусе. Та побледнела.

Странно, — сказала княгиня. — Если доктору угодно, то, полагаю, сам бы он мог... Посредничество тут менее всего нужно!.. Образованный человек, и вдруг... Он вас послал? Сам?

— Сами... Уж больно ему понравились вы... Семейство хорошее.

Маруся опрометью побежала из гостиной.

— Шестьдесят тысяч просит... Известное дело! Жена женой, а деньги деньгами. Сами изволите знать... Я, говорит, жены не возьму без денег, потому она должна у меня всякие удовольствия получать... Чтоб свой капитал имела...

Княгиня побагровела и, шурша своим тяжелым платьем, поднялась с кресла.

— Потрудитесь передать доктору, что мы крайне удивлены, — сказала она. — Обижены... Так нельзя. Больше я вам ничего не могу сказать... Пусть она уйдет!

По уходе свахи княгиня схватила себя за голову, упала на диван и застонала:

— Вот до чего мы дожили! — заголосила она. — Боже мой! Какой-нибудь лекаришка, дрянь, вчерашний лакей, делает нам предложение!

Но не так обидно было княгине, что за ее дочь сватается плебей, как то, что у нее попросили шестьдесят тысяч, которых у нее нет. Ее оскорблял малейший намек на ее бедность.

Но ни на кого не произвело такого впечатления посещение свахи, как на Марусю.

«Его можно любить! — порешила Маруся к вечеру. — О, я согласна! Я свободна от всяких предрассудков и пойду за этим крепостным на край света! Пусть мать скажет хоть одно слово — и я уйду от неё! Я согласна!»

Другие вопросы, второстепенные и третьестепенные, ей некогда было решать. Не до них было! При чем тут сваха? За что и когда *он* полюбил *ее*? Почему сам не является, если любит? Какое ей было дело до этих и до многих других вопросов? Она была поражена, удивлена... счастлива... достаточно было с нее и этого.

— Я согласна! — шептала она, стараясь нарисовать и своем воображении *его* лицо, с золотыми очками, сквозь которые глядят разумные, солидные, утомленные глаза. — Пусть приходит! Я согласна.

На другой день, утром, Маруся, одетая просто, но изысканно и не без кокетства, сидела у окна и поджидала. В одиннадцать часов Топорков промчался мимо, но не заехал. После обеда он еще раз промчался на своих вороных перед самыми окнами, но не только не заехал, но даже и не поглядел на окно, около которого сидела Маруся, с розовой ленточкой в волосах.

«Ему некогда, — думала Маруся, любуясь им. — В воскресенье

приедет...»

Но не приехал он и в воскресенье. Не приехал и через месяц, и через два, через три... Он, разумеется, и не думал о Приклонских, а Маруся ждала и худела от ожидания... Кошки, не обыкновенные, а с длинными желтыми когтями, скребли ее за сердце.

«Отчего же он не едет? — спрашивала она себя. — Отчего? А... знаю... Он обижен за то, что... За что он обижен? За то, что мама так неделикатно обошлась со старушкой-свахой. Он думает теперь, что я не могу полюбить его...»

После Пасхи, которая была в конце марта, Маруся перестала ожидать.

Однажды Егорушка вошел к ней в спальную и, злобно хохоча, сообщил ей, что ее «жених» женился на купчихе...

— Честь имеем поздравить-с! Честь имеем! Ха-ха-ха!

Это известие поступило слишком жестоко с моей маленькой героиней.

Она пала духом и не день, а месяцы олицетворяла собой невыразимую тоску и отчаяние. Она выдернула из своих волос розовую ленточку и возненавидела жизнь.

«Он назло женился на этой дуре, — думала Маруся. — О, как мы нехорошо сделали, что так оскорбительно отнеслись к его сватовству! Такие люди, как он, не забывают оскорблений!»

На щеках исчез здоровый румянец, губы разучились складываться в улыбку, мозги отказались мечтать о будущем — задурила Маруся! Ей казалось, что с Топорковым погибла для нее и цель ее жизни. ...Она не замечала женихов, которых у нее было много, родных, знакомых. На плохие обстоятельства глядела она равнодушно, с апатией. Не заметила она даже, как банк продал дом князей Приклонских, со всем его историческим, родным для нее скарбом, и как ей пришлось перебираться на новую квартиру, скромную, дешевую, в мещанском вкусе. Это был длинный, тяжелый сон, не лишенный все-таки сновидений. Снился ей Топорков во всех своих видах: в санях, в шубе, без шубы, сидящий, важно шагающий. Вся жизнь заключалась во сне.

Княгиня-мать, не сумевшая перенести разорения, заболела на новой квартире и умерла, не оставив своим детям ничего, кроме благословения и нескольких платьев. Ее смерть была страшным несчастьем для княжны.

III

...Шлепая по жидкой грязи, моя героиня плелась к доктору Топоркову. Зачем она шла к нему?

«Я иду лечиться!» — думала она.

— Доктор дома?

— Мы сегодня не принимаем. Завтра! — отвечала горничная и, задрожав от пахнувшей на нее сырости, шагнула назад. Дверь хлопнула перед самым носом Маруси, задрожала и с шумом заперлась.

Княжна сконфузилась и лениво поплелась домой.

Маруся жила на пенсию, которую она получала после отца. Пенсия отца была больше, чем обыкновенная генеральская, Марусина же доля была ничтожна.

На другой день, в десятом часу утра, Маруся отправилась к Топоркову. Дверь отперла ей та же смазливая горничная. Введя княжну в переднюю и снимая с нее пальто, горничная вздохнула и сказала:

— Вы ведь знаете, барышня? Доктор меньше пяти рублей за совет не берут-с. Это вы знайте-с.

«Для чего это она мне говорит? — подумала Маруся. — Какое нахальство! Он, бедный, и не знает, что у него такая нахальная прислуга!»

И в то же время у Маруси ёкнуло около сердца: у нее в кармане было только три рубля, но не станет же он гнать ее из-за каких-нибудь двух рублей.

Из передней Маруся вошла в приемную, где уже сидело множество больных. Большинство жаждущих исцеления составляли, разумеется, дамы. Они заняли всю находящуюся в приемном зале мебель, расселись группами и беседовали. Беседы велись самые оживленные о всем и обо всех: о погоде, о болезнях, о докторе, о детях... Говорили все вслух и хохотали, как у себя дома. Некоторые, в ожидании очереди, вязали и вышивали. Людей, просто и плохо одетых, в приемной не было. В соседней комнате принимал Топорков. Входили к нему по очереди. Входили с бледными лицами, серьезные, слегка дрожащие, выходили же от него красные, вспотевшие, как после исповеди, точно снявшие с себя какое-то непосильное бремя, очастливленные. Каждую больной Топорков занимался не более десяти минут. Болезни, должно быть, были неважные.

Маруся вошла в докторский кабинет последней. Входя в этот кабинет, заваленный книгами с немецкими и французскими надписями на переплетах, она дрожала, как дрожит курица, которую окунули

в холодную воду. *Он* стоял посреди комнаты, опершись левой рукой о письменный стол.

«Как он красив!» — прежде всего мелькнуло в голове его пациентки.

Топорков никогда не рисовался, да и едва ли он умел когда-нибудь рисоваться, но все позы, которые он когда-либо принимал, выходили у него как-то особенно величественны. Поза, в которой его застала Маруся, напоминала те позы величественных натурщиков, с которых художники пишут великих полководцев. Около руки его, упиравшейся о стол, валялись десяти- и пятирублевки, только что полученные от пациенток. Тут же лежали, в строгом порядке, инструменты, машинки, трубки — всё крайне непонятное, крайне «ученое» для Маруси. Это и кабинет с роскошной обстановкой, всё вместе взятое, дополняли величественную картину. Маруся затворила за собою дверь и остановилась... Топорков указал рукой на кресло. Моя героиня тихо подошла к креслу и села. Топорков величественно покачнулся, сел на другое кресло, *vis-a-vis*, и впился своими вопросительными глазами в лицо Маруси.

«Он не узнал меня! — подумала Маруся. — Иначе бы он не молчал... Боже мой, зачем он молчит? Ну, как мне начать?»

– Ну-с? — промычал Топорков.

– Кашель, — прошептала Маруся и, как бы в подтверждение своих слов, два раза кашлянула.

– Давно?

– Два месяца уж есть... По ночам больше.

– Угм... Лихорадка?

– Нет, лихорадки, кажется, нет...

– Вы лечились, кажется, у меня? Что у вас было раньше?

– Воспаление легких.

– Угм... Да, помню... Вы, кажется, Приклонская?

– Да... У меня и брат тогда же был нездоров.

– Будете принимать этот порошок... перед сном... избегать простуды...

Топорков быстро написал рецепт, поднялся и принял прежнюю позу. Маруся тоже поднялась.

– Больше ничего?

– Ничего.

Топорков уставил на нее глаза. Глядел он на нее и на дверь. Ему было некогда, и он ждал, что она уйдет. А она стояла и глядела на не-

го, любовалась и ждала, что он скажет ей что-нибудь. Как он был хорош! Прошла минута в молчании. Наконец она встрепенулась, прочла на его губах зевок и в глазах ожидание, подала ему трехрублевку и повернула к двери. Доктор бросил деньги на стол и запер за ней дверь.

Идя от доктора домой, Маруся страшно злилась:

«Ну, отчего я не поговорила с ним? Отчего? Трусиха я, вот что! Глупо как-то всё вышло.... Только обеспокоила. Зачем я держала эти подлые деньги в руках, точно напоказ? Деньги — это такая щекотливая вещь... Храни бог! Обидеть можно человека! Нужно платить так, чтоб незаметно это было. Ну, зачем я молчала?.. Он рассказал бы мне, объяснил... Видно было бы, для чего сваха приходила...»

Придя домой, Маруся легла в постель и спрятала голову под подушку, что она делала всегда, когда была возбуждена. Но не удалось ей успокоиться.

...По целым вечерам просиживала Маруся в кухне и, беспомощная, слабая, нерешительная, проливая слезы на широкие ладони Никифора. Никифор хныкал вместе с ней и разъедал Марусины раны воспоминаниями о прошлом.

— Бог их накажет! — утешал он ее. — А вы не плачьте.

Зимой Маруся еще раз пошла к Топоркову.

Когда она вошла к нему в кабинет, он сидел в кресле. по-прежнему красивый и величественный... На этот раз лицо его было сильно утомлено... Глаза мигали, как у человека, которому не дают спать. Он, не глядя на Марусю, указал подбородком на кресло *vis-à-vis*. Она села.

«У него печаль на лице, — подумала Маруся, глядя на него. — Он, должно быть, очень несчастлив со своей купчихой!»

Минуту просидели они молча. О, с каким наслаждением она пожаловалась бы ему на свою жизнь! Она поведала бы ему такое, чего он не мог бы вычитать ни из одной книги с французскими и немецкими надписями.

— Кашель, — прошептала она. Доктор мельком взглянул на нее.

— Гм... Лихорадка?

— Да, по вечерам...

— Ночью потеете?

— Да...

— Разденьтесь...

— То есть как?..

Топорков нетерпеливым жестом указал себе на грудь. Маруся, краснея, медленно расстегнула на груди пуговики.

– Разденьтесь. Поскорей, пожалуйста!.. — сказал Топорков и взял в руки молоточек.

Маруся потянула одну руку из рукава. Топорков быстро подошел к ней и в мгновение ока привычной рукой спустил до пояса ее платье.

– Расстегните сорочку! — сказала он и, не дожидаясь, пока это сделает сама Маруся, расстегнул у шеи сорочку и, к великому ужасу своей пациентки, принялся стучать молотком по белой исхудалой груди...

– Пустите руки... Не мешайте. Я вас не съем, — бормотал Топорков, а она краснела и страстно желала провалиться сквозь землю.

Постукав, Топорков начал выслушивать. Звук у верхушки левого легкого оказался сильно притупленным. Ясно слышались трескучие хрипы и жесткое дыхание.

– Оденьтесь, — сказал Топорков и начал задавать вопросы: хороша ли квартира, правилен ли образ жизни и т. д.

– Вам нужно ехать в Самару, — сказал он, прочитав ей целую лекцию о правильном образе жизни. — Будете там кумыс пить. Я кончил. Вы свободны...

Маруся кое-как застегнула свои пуговики, неловко подала ему пять рублей и, немного постояв, вышла из ученого кабинета.

«Он держал меня целых полчаса, — думала она, идя домой, — а я молчала! Молчала! Отчего я не поговорила с ним?»

Она шла домой и думала не о Самаре, а о докторе Топоркове. К чему ей Самара? Там, правда, нет Калерии Ивановны, но зато же там нет и Топоркова!

Бог с ней, с этой Самарой! Она шла, злилась и в то же время торжествовала: *он* признал ее больной, и теперь она может ходить к нему без церемоний, сколько ей угодно, хоть каждую неделю! У него в кабинете так хорошо, так уютно! Особенно хорош диван, который стоит в глубине кабинета. На этом диване она желала бы посидеть с ним и потолковать о разных разностях, пожаловаться, посоветовать ему не брать так дорого с больных. С богатых, разумеется, можно и должно брать дорого, но бедным больным нужно делать уступку.

«Он не понимает жизни, не может отличить богатого от бедного, — думала Маруся. — Я научила бы его!»

Распутство Егорушки достигло апогея... Ему мало было Мару-

синой пенсии, и он начал «работать». Он занимал деньги у прислуги, шулерничал в картах, воровал у Маруси деньги и вещи. Однажды, идя рядом с Марусей, он вытащил из ее кармана два рубля, которые она скопила для того, чтобы купить себе башмаки. Один рубль он оставил себе. Знакомые оставили его. Прежние посетители дома Приклонских, знакомые Маруси, теперь в глаза величали его «сиятельным шулером».

Но недолго может продолжаться такая жизнь. Всякая повесть имеет конец, кончился и этот маленький роман.

Наступила масленица, и с нею наступили дни, предвестники весны. Дни стали больше, полилось с крыш, с полей повеяло свежестью, вдыхая которую, вы предчувствуете весну...

В один из масленичных вечеров Никифор сидел у постели Маруси...

— Голубчик, Никифор, — проговорила Маруся, сжав сухую руку слуги, — миленький... Займи мне завтра пять рублей... В последний раз... Можно?

— Можно-с... У меня только и есть пять. Возьмите-с, а там бог пошлет...

— Я отдам, голубчик. Ты займи...

На другой день, утром, Маруся оделась в лучшее платье, завязала волосы розовой ленточкой и пошла к Топоркову. Прежде чем выйти из дому, она десять раз взглянула на себя в зеркало. В передней Топоркова встретила ее новая горничная.

— Вы знаете? — спросила Марусю новая горничная, стаскивая с нее пальто. — Доктор меньше пяти рублей не берет за совет...

Пациенток на этот раз в приемной было особенно много. Вся мебель была занята. Один мужчина сидел даже на рояле. Прием больных начался в десять часов. В двенадцать доктор сделал перерыв для операции и начал снова прием в два. Марусина очередь настала только тогда, когда было четыре часа.

Не пившая чаю, утомленная ожиданием, дрожа от лихорадки и волнения, она и не заметила, как очутилась в кресле, против доктора. В голове ее была какая-то пустота, во рту сухо, в глазах стоял туман. Сквозь этот туман она видела одни только мельканья... Мелькала его голова, мелькали руки, молоточек...

— Вы ездили в Самару? — спросил ее доктор. — Почему вы не ездили?

Она ничего не отвечала. Он постучал по ее груди и выслушал.

Притупление на левой стороне захватывало уже область почти всего легкого. Тупой звук слышался и в верхушке правого легкого.

– Вам не нужно ехать в Самару. Не уезжайте, — сказал Топорков.

И Маруся сквозь туман прочла на сухом, серьезном лице нечто похожее на сострадание.

– Не поеду, — прошептала она.

– Скажите вашим родителям, чтобы они не пускали вас на воздух. Избегайте грубой, трудно варимой пищи...

Топорков начал советовать, увлекся и прочел целую лекцию.

Она сидела, ничего не слушала и сквозь туман глядела на егодвигающиеся губы. Ей показалось, что он говорил слишком долго. Наконец он умолк, поднялся и, ожидая ее ухода, уставил на нее свои очки.

Она *не* уходила. Ей нравилось сидеть в этом хорошем кресле и страшно было идти домой, к Калерии.

– Я кончил, — сказал доктор. — Вы свободны.

Она повернула к нему свое лицо и посмотрела на него.

«Не гоните меня!» — прочел бы доктор в ее глазах, если бы был хоть маленьким физиономистом.

Из глаз ее брызнули крупные слезы, руки бессильно опустились по сторонам кресла.

– Я люблю вас, доктор — прошептала она. И красное зарево, как следствие сильного душевного пожара, разлилось по ее лицу и шее.

– Я люблю вас! — прошептала она еще раз, и голова ее покачнулась два раза, бессильно опустилась и коснулась лбом стола.

А доктор? Доктор... покраснел первый раз за все время своей практики. Глаза его замигали, как у мальчишки, которого ставят на колени. Ни от одной пациентки ни разу не слышал он таких слов и в такой форме! Ни от одной женщины! Не ослышался ли он?

Сердце беспокойно заворочалось и застучало... Он конфузливо закашлялся.

– Миколаша! — послышался голос из соседней комнаты, и в полуотворенной двери показались две розовые щеки его купчихи.

Доктор воспользовался этим зовом и быстро вышел из кабинета. Он рад был придрататься хоть к чему-нибудь, лишь бы только выйти из неловкого положения.

Когда, через десять минут, он вошел в свой кабинет, Маруся лежала на диване. Лежала она на спине, лицом вверх. Одна рука спускалась до пола вместе с прядью волос. Маруся была без чувств.

Топорков, красный, с стучащим сердцем, тихо подошел к ней и расстегнул ее шнуровку. Он оторвал один крючок и, сам того не замечая, порвал ее платье. Из всех оборочек, щелочек и закоулочков платья посыпались на диван *его* рецепты, *его* карточки, визитные и фотографические...

Доктор брызнул водой в ее лицо... Она открыла глаза, приподнялась на локоть и, глядя на доктора, задумалась. Ее занимал вопрос: где я?

– Люблю вас! — простонала она, узнав доктора. И глаза, полные любви и мольбы, остановились на его лице. Она глядела, как подстреленный зверек.

– Что же я могу сделать? — спросил он, не зная, что делать... Спросил он голосом, который не узнала Маруся, не мерным, не отчеканивающим, а мягким, почти нежным...

Локоть ее подогнулся, и голова опустилась на диван, по глаза все еще продолжали смотреть на него...

Он стоял перед ней, читал в ее глазах мольбу и чувствовал себя в ужаснейшем положении. В груди стучало сердце, а в голове творилось нечто небывалое, незнакомое... Тысяча непрошенных воспоминаний закопошились в его горячей голове. Откуда взялись эти воспоминания? Неужели их вызвали эти глаза, с любовью и мольбой?

Он вспомнил раннее детство с чисткой барских самоваров. За самоварами и подзатыльниками замелькали в его памяти благодетели, благодетельницы в тяжелых салопах, духовное училище, куда отдали его за «голос». Духовное училище с розгами и кашей с песком уступило место семинарии. В семинарии латынь, голод, мечты, чтение, любовь с дочерью отца-эконома. Вспомнилось ему, как он, вопреки желаниям благодетелей, бежал из семинарии в университет. Бежал без гроша в кармане, в истоптанных сапогах. Сколько прелести в этом бегстве! В университете голод и холод ради труда... Трудная дорога!

Наконец он победил, лбом своим пробил туннель к жизни, прошел этот туннель и... что же? Он знает превосходно свое дело, много читает, много работает и готов работать день и ночь...

Топорков искоса поглядел на десяти- и пятирублевки, которые валялись у него на столе, вспомнил барынь, от которых только что взял эти деньги, и покраснел...

Неужели только для пятирублевок и барынь он прошел ту трудовую дорогу? Да, только для них...

И под напором воспоминаний осунулась его величественная фигура, исчезла гордая осанка и поморщилось гладкое лицо.

– Что же я могу сделать? — прошептал он еще раз, глядя на Марусины глаза.

Ему стало стыдно этих глаз.

А что если она спросит: что ты сделал и что приобрел за всё время своей практики?

Пятирублевки и десятирублевки, и ничего больше! Наука, жизнь, покой — всё отдано им. А они дали ему княжескую квартиру, изысканный стол, лошадей, все то, одним словом, что называется комфортом.

Вспомнил Топорков свои семинарские «идеалы» и университетские мечты, и страшную, невылазную грязью показались ему эти кресла и диван, обитые дорогим бархатом, пол, устланный сплошным ковром, эти бра, эти трехсотрублевые часы!

Он подался вперед и поднял Марусю с грязи, на которой она лежала, поднял высоко, с руками и ногами...

– Не лежи здесь! — сказал он и отвернулся от дивана.

И, как бы в благодарность за это, целый водопад чудных льняных волос полился на его грудь... Около его золотых очков заблестели чужие глаза. И что за глаза! Так и хочется дотронуться до них пальцем!

На другой день Топорков сидел с ней в купе первого класса. Он вез ее в Южную Францию. Он знал, что нет надежды на выздоровление, знал отлично, как свои пять пальцев, но вез ее... Всю дорогу он постукивал, выслушивал, расспрашивал. Не хотел он верить своим знаниям и всеми силами старался выстукать и выслушать на ее груди хоть маленькую надежду!

Деньги, которые еще вчера он так усердно копил, в огромнейших дозах рассыпались теперь на пути.

Он всё отдал бы теперь, если бы хоть в одном легком этой девушки не слышались проклятые хрипы! Ему и ей так хотелось жить! Для них взошло солнце, и они ожидали дня... Но не спасло солнце от мрака и... не цвести цветам поздней осенью!

Княжна Маруся умерла, не прожив в Южной Франции и трех дней.

Топорков, по приезде из Франции, зажил по-прежнему. По-прежнему лечит барынь и копит пятирублевки. Впрочем, можно заметить в нем и перемену. Он, говоря с женщиной, глядит в сторону, в

пространство... Почему-то ему страшно делается, когда он смотрит на женское лицо...

Егорушка жив и здоров. Он бросил Калерию и живет теперь у Топоркова. Доктор взял его к себе в дом и души в нем не чаёт. Егорушкин подбородок напоминает ему подбородок Маруси, и за это позволяет он Егорушке прокучивать свои пятирублевки.

Егорушка очень доволен.

Вопросы-тесты к повести:

1. Какая беда случилась в доме князей Приклонских ?
 - а) началась эпидемия холеры;
 - б) дом сгорел во время пожара;
 - в) «хроническая болезнь» молодого князя Егорушки.
2. Кто по происхождению был доктор Топорков?
 - а) из дворянской среды;
 - б) из разночинцев;
 - в) из крепостных.
3. Какой внешностью обладал Топорков?
 - а) хрупкий, щуплый, редкие волосы, небольшого роста;
 - б) блондин, высокого роста, с веснушчатым лицом;
 - в) важный, красивое лицо, белая шея, как у женщины.
4. Как Топорков реагировал на встречу с бывшими хозяевами?
 - а) обрадовался, когда увидел;
 - б) принял важный вид;
 - в) не обратил внимания на бывших хозяев.
5. Как относился Топорков-врач к деньгам, которые получал за консультации и лечение пациентов?
 - а) пересчитывал деньги и оставался доволен;
 - б) пересчитывал деньги и выражал недовольство малой суммой;
 - в) не глядя, клал деньги в верхний карман пиджака.
6. Как княгиня-мать расплатилась с доктором, который вылечил ее детей?
 - а) деньги старая княгиня получила за свои браслеты и серьги, которые сдала в ломбард;
 - б) деньги были получены за продажу земли;
 - в) сняла деньги со счета в банке.
7. Какие чувства испытывал Топорков, когда Маруся играла на рояле?
 - а) лицо врача выражало восторг, и Топорков решил остаться

у князей Приклонских на чай;

б) лицо врача передавало всю гамму чувств, которая переполняет сердце любителя музыки;

в) лицо доктора было бесстрастным, он даже не дослушал вальс Шопена.

8. Какая причина послужила тому, что Маруся разочаровалась в брате, которого любила?

а) несчастная любовь Егорушки;

б) не смог найти истину жизни;

в) Маруся нашла новый идеал для своих мечтаний.

9. Каким способом Топорков выбирал себе невесту?

а) хотел за невесту приданое, равное 60 тысячам;

б) мечтал жениться на княжне;

в) хотел жениться на купчихе.

10. Как изменилась жизнь Маруси после женитьбы Топоркова?

а) Маруся пала духом и возненавидела жизнь, исчез с лица здоровый румянец;

б) старый дом был продан, семье пришлось переехать на новую квартиру;

в) старая княгиня-мать умерла.

11. Чем закончился визит Маруси к врачу Топоркову, когда девушка решила признаться ему в любви?

а) Топорков обратил внимание на кашель Маруси, дал порошок и выписал рецепт;

б) предложил ей свою руку и сердце, поездку за границу;

в) как врач, Топорков не вспомнил, что у Маруси было воспаление легких, не обратил внимания на ее состояние, даже не выписал рецепт.

12. Как Маруся призналась в любви Топоркову?

а) прошептала «Я люблю вас»;

б) глаза Маруси сказали доктору о ее чувствах;

в) Маруся разрыдалась, и Топорков понял из ее бессвязных речей, что она признается в любви.

13. Что почувствовал врач, когда девушка призналась ему в любви?

а) доктор вспомнил свое детство, подзатыльники, семинарию, идеалы;

б) признание Маруси не произвело на Топоркова впечатления;

в) Топорков спокойно выслушал Марусю, спокойно положил

в карман деньги.

14. Как Чехов описывает итог жизни Топоркова, вспоминая свое детство, подзатыльники, семинарию?

а) Топорков, сын крепостного, победил, своим лбом пробил туннель к жизни, прошел через голод, подзатыльники, побои;

б) ради денег он достиг этого богатства, на которое променял свои идеалы;

в) деньги, стремление к богатству дали Топоркову все жизненные блага: хорошую работу, дом, удачную женитьбу и практику.

15. Какова судьба Маруси?

а) Топорков везет Марусю за границу на юг Франции;

б) все отдает, чтобы спасти жизнь девушки;

в) Везет Марусю в Германию.

16. Чем заканчивается повесть?

а) Маруся умирает, Топорков, приехав домой, лечит барынь, у него живет Егорушка, т. к. очень похож на Марусю, и очень доволен;

б) Маруся умирает в Германии; Топорков, возвратившись, живет прежней жизнью;

в) Маруся умирает, Топорков перестает заниматься врачебной практикой.

17. Почему повесть называется «Цветы запоздалые»?

а) ни материальные блага, ни успешная карьера не могут заменить настоящей, чистой любви и дружбы;

б) слишком поздно мы осознаем свои ошибки, которые делаем в молодости, которые нельзя исправить;

в) в человеке всегда идет борьба материального и идеального. Только их гармоничное сочетание дает возможность вести полноценную жизнь.

ЧЕХОВ И ТЕАТР

Задание 1. Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова, запомните их.

Чайка, духовное угнетение, труппа театра, декорации, пальмовая ветвь, качели, эмблема «Чайка».

В 1898 году 18 сентября по рекомендации врачей Чехов переехал в Ялту. Он страстно любил Москву, где у него были и литературные, и театральные, и личные дружеские связи, поэтому этот переезд угнетал Чехова. К тому же в только что созданном Немировичем-Данченко и Станиславским Художественном театре в Москве с большим успехом шли пьесы Чехова «Чайка» и «Дядя Ваня», но сам автор не видел спектаклей, так как находился в Ялте. Сюда к нему пришли телеграммы и письма о триумфальном успехе его пьесы «Чайка». И до сих пор летящая чайка, нарисованная на занавесе, является эмблемой МХАТа.

Ещё до выезда в Ялту Чехов сблизился с труппой Московского Художественного театра. Узнав об успехе пьес «Чайка» и «Дядя Ваня», Чехов обратился к руководству театра с просьбой, чтобы театр приехал на гастроли в Крым. Его приглашение было принято, и весной 1900 года Художественный театр, артисты которого нежно любили Чехова, приехал в Ялту, чтобы показать автору постановки его пьес. Чехов был очень доволен спектаклями. Он, с детства любивший театр, с интересом знакомился с жизнью МХАТа, с постановочной техникой, с артистами. На спектакль он приходил задолго до начала: смотрел, как ставят декорации, как освещают сцену, разговаривал с актёрами. Все билеты на спектакли были заранее раскуплены.

Дни пребывания МХАТа в Ялте были одним из самых светлых и радостных периодов жизни Чехова в Крыму. Этот период имел большое значение для личной жизни писателя — через год он женился на талантливой актрисе театра Ольге Леонардовне Книппер.

Во время прощального спектакля «Чайка» Чехова вызвали на сцену как автора и преподнесли пальмовую ветвь с красной лентой, на которой были такие слова: «Антону Павловичу Чехову, глубокому истолкователю русской действительности. 23 апреля 1900 года».

В конце апреля Художественный театр выехал в Москву, оставив Чехову на даче в саду качели и деревянную скамейку (декорации из спектакля «Дядя Ваня»). После отъезда Художественного театра Чехов сразу же приступил к работе над пьесой «Три сестры» специально для этого театра. Приезд МХАТа к Чехову в Ялту имел большое значение для дальнейшего сближения писателя с театром.

«Художественный театр — это лучшие страницы той книги, какая будет когда-либо написана о современном русском театре», — писал Чехов. В свою очередь драматургия Чехова помогла развитию

лучших сторон Художественного театра. Чеховские «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Вишнёвый сад» были вехами на этом пути.

«Чехов является ... соучастником в создании искусства Художественного театра. Эмблема «Чайка» на нашем занавесе символизирует для нас наше творческое начало, нашу влюблённость в Чехова, его громадную роль в МХАТ».

Вопросы к тексту

1. Когда и почему А. П. Чехов переехал в Ялту?
2. Почему этот период был периодом духовного угнетения?
3. Какие пьесы впервые были поставлены во МХАТе? Расшифруйте аббревиатуру «МХАТ».
4. Почему группа Художественного театра приехала в Ялту весной 1900 года?
5. Какое событие произошло в личной жизни Чехова в этот период?
6. Чем закончился прощальный спектакль Чехова «Чайка»?
7. Роль Чехова в создании Художественного театра.

Пьеса «Дядя Ваня»

Задание 1. Прочитайте лексико-семантический комментарий к тексту.

Волость, уезд — единицы административного деления России.

Хутор — отдалённый крестьянский дом с землёй.

Имение — земельное владение с домом.

Приказчик — служащий в имении.

Единицы измерения: пуд — 16, 38 кг; фунт — 409,5 г; верста — 1,06 км; десятина — 1,09 гектара.

Колдунья — женщина, воздействующая на людей.

Русалка — существо в образе обнаженной женщины с длинными волосами и рыбьим хвостом, живущее в воде.

Водяной — сказочное существо, живущее в воде.

Задание 2. Прочитайте краткое содержание статьи (комментарий) о пьесе А. П. Чехова «Дядя Ваня».

Антон Павлович Чехов — великий писатель и драматург. Для его пьес характерно внимание к внутреннему состоянию героев. В них отсутствуют бурные события. Но любое бытовое обстоятельство, фраза имеют не только прямое, буквальное значение, но и внутреннее, влияющее на чувства, переживания людей. Чехов учит нас тому,

что в жизни нет «мелочей», что жизнь глубже, значительнее, чем ее внешняя сторона.

Герои пьесы «Дядя Ваня» — Иван Петрович Войницкий (дядя Ваня) и Соня — трудятся, не зная ни отдыха, ни счастья, для благополучия отца Сони, профессора Серебрякова, и его жены. Весь доход от имения, принадлежащего Соне, они высылают в столицу, чтобы Серебряков мог писать свои ученые сочинения. Дядю Ваню и Соню вдохновляет мысль о том, что, служа ученому, они служат науке, культуре, общественному прогрессу. Но вот профессор вышел в отставку, и оказалось, что он неизвестен, никто не помнит о нем, потому что 25 лет он писал и читал лекции об искусстве, пересказывая чужие мысли.

Дядя Ваня потрясен, он ясно видит, что жизнь прожита впустую, что лучшие годы отданы человеку, который этого не стоит. «Пропала жизнь!» — восклицает Войницкий в полном отчаянии.

Доктор Астров — друг Войницкого. Они близки друг другу по взглядам. Оба они презирают ложь, ненавидят действительность, в которой все, что есть лучшего у людей, «гибнет даром, как луч солнца, попавший в яму». Обоим близка мечта об иной жизни — «светлой, прекрасной, изящной». «В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли», — говорит Астров.

Астров — человек долга, он хорошо знает, что его труд врача полезен людям, но понимает, что он не может уничтожить или уменьшить нищету, невежество, болезни среди крестьян. А. П. Чехов — врач и писатель — считал, что плохое здоровье народа, высокая заболеваемость, детская смертность имеют социальные причины. Чехов описывает в пьесе, как Астров мучительно переживает тяжелое состояние своих больных, тревожится о том, все ли сделано для их лечения. Бывали такие тяжелые минуты и у доктора Чехова.

Астров с болью видит, как разрушают, истребляют красоту его родной земли. Он борется с этим, насаждая леса, мечтает о том, что будущие поколения вспомнят о нем с добром.

«Что меня еще захватывает, так это красота. Нравнодушен я к ней», — признается он Соне. Его привлекает красота Елены Андреевны, жены профессора Серебрякова. Астров поэтически воспринимает красоту этой женщины — только впоследствии он поймет ее внутреннюю пустоту, равнодушие ко всему.

Увлечение Астрова Еленой Андреевной разрушает его дружбу с Соней, которая горячо любит его.

У Сони талант любить, поддерживать в людях все лучшее, творческое. Любовь Сони деятельная, она заботится о дяде Ване, о старой няньке Марине, о Серебрякове. Любя Астрова, она любит его мечту о будущем, увлечение разведением лесов. Главные герои пьесы — мужественные люди. Они способны на большие чувства, на упорный, каждодневный труд. Они мечтают о светлом будущем.

Задание 1. Прочитайте краткое содержание статьи о пьесе А. П. Чехова «Дядя Ваня» и запишите основную информацию в форме тезисов.

Задание 2. Проанализируйте данную статью, составьте аннотацию, используя следующие выражения по выбору:

Статья озаглавлена, называется...

Статья посвящена теме ...

Статья на тему о

Статья делится на, начинается с, состоит из, заканчивается (словами).

В статье автор рассказывает, освещает, касается следующих вопросов:

В заключение можно сказать

Из этого следует, что

Подводя итоги.....

Задание 3. Прочитайте толкование фразеологизмов:

умирать от скуки — скучать, не зная, чем заняться;

ни с того, ни с сего — неожиданно;

ходить за кем-либо как тень — ходить следом;

влюбиться по самые уши — сильно полюбить;

откладывать в долгий ящик — переносить на долгий срок;

развести руками — удивиться;

видимо-невидимо — очень много;

там и сям — кое-где;

говорить без обиняков — говорить прямо, откровенно;

старый воробей — опытный человек, знающий жизнь;

работать как вол — много, изо всех сил;

выгнать в шею — грубо прогнать;

гроша медного не стоить — быть незначительным, ничтожным;

слава богу — выражение облегчения;
ради бога — выражение просьбы;
Бог милостив — выражение надежды;

чтоб вам пусто было
черт бы побрал

} выражение недовольства, возмущения.

Дядя ВАНЯ

Действующие лица:

Серебряков Александр Владимирович, отставной профессор.

Елена Андреевна, его жена, 27 лет.

Софья Александровна (Соня), его дочь от первого брака.

Войницкая Мария Васильевна, мать первой жены профессора.

Войницкий Иван Петрович, её сын.

Астров Михаил Львович, врач.

Телегин Илья Ильич, обедневший помещик.

Марина, старая няня.

Действие первое (отрывки)

Астров. Да... В десять лет другим человеком стал. А какая причина? Заработался. От утра до ночи всё на ногах, покою не знаю, а ночью лежишь под одеялом и боишься, как бы к больному не потащили. За всё время у меня ни одного дня не было свободного. Как не постареть? Да и сама по себе жизнь скучна, глупа, грязна... Затягивает эта жизнь. Кругом тебя одни чудаки, сплошь одни чудаки; а поживёшь с ними года два-три и мало-помалу сам, незаметно для себя, становишься чудаком. Неизбежная участь... Поглупеть-то я ещё не поглупел, бог милостив, мозги на своём месте, но чувства как-то притупились. Ничего я не хочу, ничего мне не нужно, никого я не люблю...

Астров. ...Русские леса трещат под топором, гибнут миллиарды деревьев, опустошаются жилища зверей и птиц, мелеют и сохнут реки, исчезают безвозвратно чудные пейзажи, и всё оттого, что у ленивого человека не хватает смысла нагнуться и поднять с земли топливо. *(Елене Андреевне.)* Не правда ли, сударыня? Надо быть безрассудным варваром, чтобы жечь в своей печке эту красоту, разрушать то, чего мы не можем создать. Человек одарён разумом и творческой силой, чтобы преумножать то, что ему дано, но до сих пор он не творил, а разрушал. Лесов всё меньше и меньше, реки сохнут, дичь перувелась, климат испорчен, и с каждым днём земля становится всё беднее и безобразнее. *(Войницкому.)* Вот ты глядишь на меня с иро-

нией и всё, что я говорю, тебе кажется несерьёзным, и, может быть, это в самом деле чудачество, но когда я прохожу мимо крестьянских лесов, которые я спас от порубки, или когда я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный моими руками, я сознаю, что климат немножко и в моей власти и что если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я. Когда я сажаю берёзку и потом вижу, как она зеленеет и качается от ветра, моя душа наполняется гордостью.

Елена Андреевна. Вот как сказал сейчас Астров: все вы безрассудно губите леса, и скоро на земле ничего не останется. Точно так вы безрассудно губите человека, и скоро благодаря вам на земле не останется ни верности, ни чистоты, ни способности жертвовать собою. Почему вы не можете видеть равнодушно женщину, если она не ваша? Потому что, — прав этот доктор, — во всех вас сидит бес разрушения. Вам не жаль ни лесов, ни птиц, ни женщин, ни друг друга. ... У этого доктора утомлённое нервное лицо. Интересное лицо.

Действие второе (отрывки)

Астров. В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. ... Вообще я жизнь люблю, но нашу жизнь, уездную, русскую, обывательскую, терпеть не могу и презираю её всеми силами моей души. А что касается моей собственной, личной жизни, то, ей-богу, в ней нет решительно ничего хорошего. Знаете, когда идёшь тёмной ночью по лесу, и если в это время вдали светит огонёк, то не замечаешь ни утомления, ни потёмок, ни колючих веток, которые бьют тебя по лицу... Я работаю, — вам это известно, — как никто в уезде, судьба бьёт меня, не переставая, порой страдаю я невыносимо, но у меня вдали нет огонька. Я для себя уже ничего не жду, не люблю людей... Давно уже никого не люблю.

(Соня и Елена Андреевна.)

Соня. Тебе доктор нравится?

Елена Андреевна. Да, очень.

Соня. Он умный... Он всё умеет, всё может... Он и лечит, и сажает лес...

Елена Андреевна. Не в лесе и не в медицине дело... Милая моя, пойми, это талант! А ты знаешь, что значит талант? Смелость, свободная голова, широкий размах... Посадит деревцо и уже загадывает, что будет из этого через тысячу лет, уже мерещится ему счастье человечества. Такие люди редки, их нужно любить... Он пьёт, бывает грубоват, — но что за беда? Талантливый человек в России не может

быть чистеньким. Сама подумай, что за жизнь у этого доктора! Не-пролазная грязь на дорогах, морозы, метели, расстояния громадные, народ грубый, дикий, кругом нужда, болезни, а при такой обстановке тому, кто работает и борется изо дня в день, трудно сохранить себя к сорока годам чистеньким и трезвым... *(Целует её.)* Я от души тебе желаю, ты стоишь счастья... *(Встаёт.)* А я нудная, эпизодическое лицо... И в музыке, и в доме мужа, во всех романах — везде, одним словом, я была только эпизодическим лицом. Собственно говоря, Соня, если вдуматься, то я очень, очень несчастна! *(Ходит в волнении по сцене.)* Нет мне счастья на этом свете.

Действие третье (отрывки)

Соня. Я некрасивая.

Елена Андреевна. У тебя прекрасные волосы.

Соня. Нет! *(Оглядывается, чтобы взглянуть на себя в зеркале.)* Нет! Когда женщина некрасива, то ей говорят: «У вас прекрасные глаза, у вас прекрасные волосы»... Я его люблю уже шесть лет, люблю больше, чем свою мать; я каждую минуту слышу его, чувствую пожатие его руки; я смотрю на дверь, жду, мне всё кажется, что он сейчас войдёт. И вот, ты видишь, я всё прихожу к тебе, чтобы поговорить о нём. Теперь он бывает здесь каждый день, но не смотрит на меня, не видит... Это такое страдание! У меня нет никакой надежды, нет, нет! *(В отчаянии.)* О боже, пошли мне силы... Я всю ночь молилась... Я часто подхожу к нему, сама заговариваю с ним, смотрю ему в глаза... У меня уже нет гордости, нет сил владеть собою... Не удержалась и вчера призналась дяде Ване, что люблю... И вся прислуга знает, что я его люблю. Все знают.

Елена Андреевна. А он?

Соня. Он меня не замечает.

* * *

Астров. ...Старая жизнь естественно должна была уступить место новой. Да, я понимаю, если бы на месте этих истреблённых лесов пролегли шоссе, железные дороги, если бы тут были заводы, фабрики, школы — народ стал бы здоровее, богаче, умнее, но ведь тут ничего подобного! В уезде те же болота, комары, то же бездорожье, нищета, тиф, дифтерит, пожары... Тут мы имеем дело с вырождением вследствие непосильной борьбы за существование; это вырождение от косности, от невежества, от полнейшего отсутствия самосознания, когда озябший, голодный, больной человек, чтобы спасти остатки

жизни, чтобы сберечь своих детей, инстинктивно, бессознательно хватается за всё, чем только может утолить голод, согреться, разрушает всё, не думая о завтрашнем дне...

Действие четвёртое (отрывки)

Елена Андреевна. Вы интересный, оригинальный человек. Больше мы с вами никогда не увидимся, а потому — зачем скрывать? Я даже увлеклась вами немножко. Ну, давайте пожмём друг другу руки и разойдёмся друзьями. Не поминайте лихом.

Астров (*пожал руку*). Да, уезжайте... (*В раздумье.*) Как будто вы и хороший, душевный человек, но как будто бы и что-то странное во всём вашем существе. Вот вы приехали сюда с мужем, и все, которые здесь работали, копошились, создавали что-то, должны были побросать свои дела и всё лето заниматься только подагрой вашего мужа и вами. Оба — он и вы — заразили всех нас вашей праздностью. Я увлёкся, целый месяц ничего не делал, а в это время люди болели, в лесах моих, лесных порослях, мужики пасли свой скот... Итак, куда бы ни ступили вы и ваш муж, всюду вы вносите разрушение... Я шучу, конечно, но всё же... странно, и я убеждён, что если бы вы остались, то опустошение произошло бы громадное. И я бы погиб, да и вам бы... несдобровать. Ну, уезжайте. *Finita la comedia!*

Войницкий (*Соне, проведя рукой по её волосам*). Дитя моё, как мне тяжело! О, если б ты знала, как мне тяжело!

Соня. Что же делать, надо жить! (*Пауза.*) Мы, дядя Ваня, будем жить. Проживём длинный, длинный ряд дней, долгих вечеров; будем терпеливо сносить испытания, какие пошлёт нам судьба; будем трудиться для других и теперь и в старости, не зная покоя, а когда наступит наш час, мы покорно умрём и там за гробом мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько, и бог сжалится над нами, и мы с тобою, дядя, милый дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой — и отдохнём. Я верую, дядя, верую горячо, страстно. (*Утомлённым голосом.*) Мы отдохнём! Мы услышим ангелов, мы увидим всё небо в алмазах, мы увидим, как всё зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, нежною, сладкою, как ласка. Я верую, верую...

Послетекстовые задания

Задание 1. Прочитайте лексико-семантический комментарий к тексту.

Лесничество — участок леса; учреждение, предназначенное для сохранения и разведения лесов. (Астров: «Рядом с моим имением казённое лесничество... Лесничий там стар, болеет всегда, так что в сущности я заведу делама»).

Табун — большое стадо (лошадей) («... тут были целые табуны, и на каждый двор приходилось по три лошади»).

Озими — поля, засеваемые, осенью и зимующие под снегом («...осень выдалась прекрасная... и озими ничего себе»).

Задание 2. Объясните значение слов: *милосердие, сумасшедший*.

Задание 3. Сравните слова *имение* и *именьишко*. Объясните, почему в 1-м предложении употреблено слово *имение*, а во 2-м — *именьишко*.

1) Я и Соня выжимаем из этого *имения* последние соки; мы, точно кулаки, торговали постным маслом, горохом, творогом.

2) У меня небольшое *именьишко*, всего десятин тридцать.

Задание 4. Подберите к выделенным словам синонимы.

1. На этом озере жили лебеди, гуси, утки, и, как говорят старики, птицы всякой было **видимо-невидимо**: носилась она **тучей**. 2. Кроме сёл и деревень, **там и сям** разбросаны разные **хуторочки**, водяные мельницы.

Задание 5. Прочитайте сложное предложение, замените, где это возможно, придаточные предложения причастными и деепричастными оборотами.

Тут мы имеем дело с вырождением вследствие непосильной борьбы за существование, это вырождение от косности, от невежества, от полнейшего отсутствия самосознания, когда озябший, голодный, больной человек, чтобы спасти остатки жизни, чтобы сберечь своих детей, инстинктивно, бессознательно хватается за все, чем только можно утолить голод, согреться, разрушает все, не думая о завтрашнем дне...

Задание 6. Распределите данные словосочетания по двум группам: а) характеризующие Соню; б) характеризующие Елену Андреевну.

умирать от скуки; шататься от лени;

заниматься хозяйством, лечить, учить (кого?);
не находить себе места (от чего?);
поддаваться обаянию (кого?);
улететь бы вольной птицей (от кого?);
чувствовать себя виноватой (перед кем?);
по ночам переводить книги, переписывать бумаги (для кого?);
работать без отдыха, не есть даром хлеба.

Задание 7. Прочитайте отрывки из пьесы, характеризующие доктора Астрова. Ответьте на вопросы, аргументируя ответы.

1. Какую характеристику даёт Астрову Елена Андреевна?
2. Чем занимается Астров в свободное время?
3. В чём видит доктор Астров причину высокой заболеваемости, нищеты, невежества народа?
4. Как вы считаете, какова жизненная позиция Астрова: он — объективный наблюдатель или активный борец, создатель нового?
5. Как относится доктор Астров к прошлому и будущему родины, к окружающим его людям?
7. В чём вы видите долг врача: лечение больных, научная работа, общественно-полезная деятельность? Аргументируйте свой ответ.

ОЛЬГА КНИШПЕР В ЖИЗНИ ЧЕХОВА

Задание 1. Прочитайте слова, нужные для полного понимания текста. Значение незнакомых слов определите по словарю. Запишите новые для себя слова, запомните их.

Спектакль, венчание, свадьба, тяготиться, великолепиие (великолепный), угрызения совести, мерещиться.

Задание 2. Прочитайте лексико-семантический комментарий к тексту.

Репетиция — предварительное исполнение чего-нибудь при подготовке к выступлению.

Лонгшез — то же, что и шезлонг — род кресла с покато́й спинкой и длинным сиденьем, в котором можно сидеть полулёжа.

Галеры — старинное гребное многовёсельное военное судно, на котором в Западной Европе гребцами обычно были каторжники.

Задание 3. Объясните значение фразеологизмов.

Ломка жизни, замкнут в творчестве, замыкаться в себе, материнское чутьё, падать духом.

Ольга Книппер заняла исключительное место в духовной жизни А. П. Чехова последних лет. Это история последней и самой большой любви Чехова.

Первые встречи Ольги Книппер и Чехова произошли на репетициях спектакля МХАТ «Чайка» в сентябре 1898 года. Ему очень понравилась Ольга в роли Ирины. Он писал после этих встреч: «Лучше всех Ирина. Если бы я остался в Москве, то влюбился бы в неё». Это был выбор его судьбы. Он полюбил Ольгу и был счастлив. Эта молодая, красивая, цветущая женщина заполнила его жизнь. Венчание Чехова с О. Книппер произошло в мае 1901 года в Москве. Не было обычного свадебного шума, после венчания они поехали в санаторий под Уфой, где Чехов лечился.

Шесть лет, которые прожили Чехов и Книппер, были нелёгкими для неё. Постоянная разлука мучительно сопровождала Ольгу Леонардовну всю их совместную жизнь. «Казалось бы, очень просто решить эту задачу — бросить театр и быть при А. П. Я жила с этой мыслью и — боролась с ней, потому что знала и чувствовала, что эта ломка моей жизни отразилась бы на нём и тяготила бы его. Он никогда бы не согласился на мой добровольный уход из театра...» Далее она пишет: «Я чуяла в нём человека-одиночку, который, может быть, тяготился бы ломкой жизни своей и чужой». Чехов ещё в 1895 году писал А. С. Суворину: «Я женюсь, но мои условия таковы: всё должно быть, как было до этого, т. е. она должна жить в Москве, а я в деревне, и я буду к ней ездить. Счастье же, которое продолжается изо дня в день, ... я не выдержу. Я обещаю быть великолепным мужем, но дайте мне такую жену, которая, как луна, являлась бы на моём небе не каждый день...»

Может быть, долгие годы, отданные Чеховым огромному писательскому и общественному труду, повлияли на его характер, и не удивительно, что гениальный человек был замкнут в своём творческом процессе. Мать Чехова была единственным человеком, который жил с ним постоянно, потому что она своим материнским чутьём понимала, что вникнуть в его сложный внутренний мир никто не сможет.

Большая любовь к писателю пришла поздно, и свою дальнейшую жизнь он уже не представлял в одиночестве. Он писал Ольге Леонардовне: «Думай о будущем — будь моей хозяйкой». Может быть, Ольга Леонардовна чувствовала себя одинокой в ялтинском

доме и писатель мыслями не всегда был с ней, но она всегда оставалась ему близкой и необходимой. Чехов не принял бы от своей жены ухода со сцены как жертвы. Он тяготился бы, если бы около него находилась жена, вынужденная быть около него. Чехов об этом писал В. М. Немировичу-Данченко: «Чахоточные люди сидят у моря в лонгшезах, а около них сидят жёны или мужья, прикованные к ним, как к галерам».

У многих возникает вопрос, чего больше — страданий или счастья — принесла эта любовь писателя и актрисы. Чехов писал своей жене в 1903 г. из Ялты: «Я ведь знал, что женюсь на актрисе, т. е. когда женился, ясно сознавал, что зимами ты будешь жить в Москве, ни на одну миллионную я не считаю себя обиженным или обойдённым. Напротив, мне кажется, что всё идёт хорошо, или так как нужно, и потому не смущай меня своими угрызениями».

Чехов был связан с Москвой, которую очень любил, с литературными кругами Москвы. Переезд в Ялту был связан с прогрессирующим его болезнью. Крымский климат не мог возместить отрицательного воздействия тех моральных переживаний, которые были вызваны отрывом Чехова от Москвы и постоянной разлукой с женой.

Известно 433 письма и телеграммы Чехова к Книппер и более 400 писем Книппер к Чехову. Это самая большая Чеховская переписка. Она полнее всего отражает жизнь Чехова в последние годы. В письмах особенно ярко проявилась способность Чехова не падать духом в трудную минуту. Он учил Ольгу глубоко проникать в театральный образ. Для Книппер, как и для многих других, Чехов стал учителем жизни.

Вот что писала О. Книппер Чехову:

«...Антон, знаешь, я боюсь мечтать, но мне мерещится, что из нашего чувства вырастет что-то хорошее, крепкое, и когда я в это верю, то у меня удивительно делается широко и тепло на душе, и хочется и жить, и работать, и не трогают тогда мелочи жизненные...

...Впечатление этих 6 лет — какого-то беспокойства, метания, точно Чайка над океаном, не знающая, куда присесть... метание между Москвой и Ялтой...

...Ты, Антон, настоящий человек, ты любишь и понимаешь жизнь настоящую, а не выдуманную. Я это люблю в тебе ужасно. Я около тебя становлюсь лучше.

...Ты как литератор страшно нужен, чтобы отдыхать, чтоб люди помнили, что есть души любящие, человеческие, что жизнь велика и

красива. А лиризм твой? Каждая твоя фраза нужна, и впереди ты ещё больше нужен. Пиши и люби каждое своё слово, каждую мысль, каждую душу, которую вынырнешь, и знай, что всё это необходимо для людей. Такого писателя, как ты, нет и нет, и потому не замыкайся, не уходи в себя...»

Вопросы и задания к тексту

1. Кто такая Ольга Книппер? Опишите её внешность.
2. Где Чехов познакомился с О. Книппер?
3. Как Чехов понимал семейное счастье?
4. Какие трудности были в семейной жизни Чехова и О. Книппер?
5. Сколько писем написали Чехова и О. Книппер друг другу?
6. О чём писал Чехов О. Книппер?
7. О чём писала О. Книппер Чехову?
8. Напишите сочинение на тему «Чеховский идеал врача».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Антон Павлович Чехов (1860–1904).....	3
Основные этапы биографии писателя	3
Биография.....	5
Болезнь и последние дни жизни А. П. Чехова	8
Чехов-врач.....	12
Чехов в литературе.....	16
Чехов — мастер короткого рассказа	19
Рассказы А. П. Чехова.....	21
С женой поссорился	21
Надул.....	23
Глупый француз.....	23
Шуточка.....	27
Смерть чиновника	31
Толстый и тонкий	33
Хамелеон	35
Филантроп	38
Хирургия.....	40
Лошадиная фамилия.....	43
Анюта.....	46
Спать хочется.....	51
Враги.....	57
Попрыгунья	68
Ионыч.....	86
Цветы запоздалые (повесть).....	97
Чехов и театр.....	120
Пьеса «Дядя Ваня»	122
Ольга Книппер в жизни Чехова	130

Учебное издание

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО Антонa Павловича Чехова

Учебно-методическое пособие

Составители: **Кожухова** Наталья Егоровна,
Санникова Алла Владимировна

Ответственный за выпуск В. В. Белый
В авторской редакции
Компьютерная верстка О. Н. Быховцевой
Корректор Ю. В. Киселёва

Подписано в печать 31.05.07. Формат 60×84/16. Бумага писчая «Кюм Люкс».

Печать офсетная. Гарнитура «Times».

Усл. печ. л. 7,9. Уч.-изд. л. 6,54. Тираж 120 экз. Заказ 154.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Белорусский государственный медицинский университет».
ЛИ № 02330/0494330 от 16.03.2009.
ЛП № 02330/0150484 от 25.02.2009.
Ул. Ленинградская, 6, 220006, Минск.

